
ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
81-6

1930 год. Так украсили тогда совхоз к празднику Урожая.

СОРОКОВАЯ СТРАДА

Это фото прошлого года: на трибуне два директора — Т. А. Юркин и Д. Д. Ангельев.

Интервью в поле: Герой Социалистического Труда комбайнер П. И. Калачев и редактор многотиражки Н. Г. Шеховцев.

Евгений БИРЮКОВ

Фото автора.

1 061 467 тонн хлеба! Это огромное количество дал стране сальский совхоз «Гигант» за сорок лет своей работы.

А был год первый и первый праздник Урожая — 1 сентября 1929 года. В тот день на митинге здесь выступил Максим Горький.

«Чему учит «Гигант»? — сказал он.— Мне кажется, что это — яркое свидетельство того, что рабочий класс действительно гигант, выдвинутый историей для решения невиданных задач. Хозяйствуя на фабриках, люди в один год показали, что они могут хозяйствовать на земле».

Ох, как тогда нужен был хлеб! И летом 1928 года Пленум ЦК партии решил: в течение 4—5 лет создать крупные предприятия по производству товарного зерна. Одним из таких предприятий стал знаменитый совхоз «Гигант», или, как его называли иначе, «Зернотрест № 1». И в тот первый трудный год, когда навалилась засуха, вредили кулаки, рабочие совхоза доказали: да, они могут хозяйствовать на земле. «Гигант» получил по 10 центнеров зерна с гектара — достижение по тому времени огромное.

Теперь это уже история — за последние десять лет урожай пшеницы «Гиганта» составил в среднем 24 центнера с гектара. Но его ветераны хорошо помнят, каким нелегким путем пришлось идти эти сорок лет, как год от году крепло хозяйство. Вот хотя бы механик Григорий Иванович Подольский. Он работал еще на американских тракторах мощностью по 20—40 сил. А сейчас обслуживает наши «К-700» — сотни сил! Двумя орденами Ленина награжден Григорий Иванович за свой долголетний труд. Вместе с отцом выходят в поле и его сыновья Александр и Анатолий, лучшие трактористы совхоза.

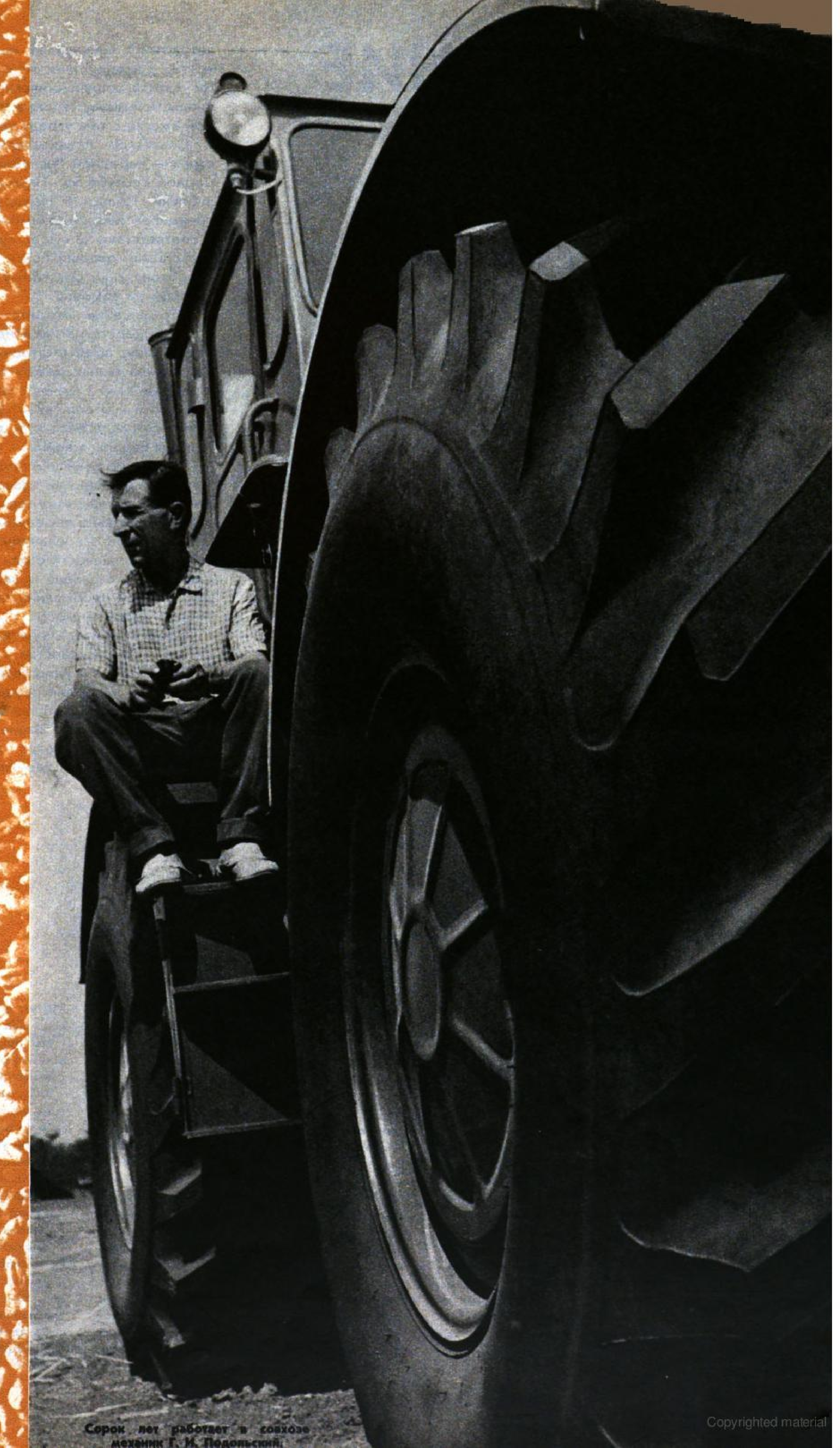
Сороковую уборку ведет сейчас Герой Социалистического Труда комбайнер Павел Иванович Калачев. Столько же лет в совхозе и редактор многотиражки «Гигант» Николай Георгиевич Шеховцев, и не первый раз приходится ему брать интервью у Калачева прямо в поле, на комбайне,— здесь я и познакомился с ним.

Далеко разнеслась слава совхоза. Уже в первые годы зачастили сюда экскурсанты со всех концов земли, знакомились, учились, перенимали опыт. А потом и иностранные гости стали наезжать.

В прошлом году коллективу совхоза за трудовые успехи был вручен орден Ленина. И в торжественный этот день на почетной трибуне стояли рядом первый директор совхоза Тихон Александрович Юркин и нынешний — Дмитрий Дмитриевич Ангельев, кандидат сельскохозяйственных наук, депутат Верховного Совета РСФСР, кандидат в члены ЦК КПСС.

...Есть в совхозе «Галерея славы» — тут его история. Но тут и его будущее: в одной из стен галереи замуровано обращение к потомкам. «Вскрыть в 2017 году!»

Через сорок девять лет прочтут молодые хлеборобы наказ отцов и дедов и с честью продолжат дела их.

Сорок лет работает в совхозе механик Г. И. Подольский.

ЗАЯВЛЕНИЕ ТАСС

ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной конституцией государственности со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами.

События в Чехословакии и вокруг нее были неоднократно предметом обмена мнениями руководителей братских социалистических стран, включая руководителей Чехословакии. Эти страны едины в том, что поддержка, укрепление и защита социалистических завоеваний народов является общим интернациональным долгом всех социалистических государств. Эта их общая позиция была торжественно провозглашена и в Братиславском заявлении.

Дальнейшее обострение обстановки в Чехословакии затрагивает жизненные интересы Советского Союза и других социалистических стран, интересы безопасности государств социалистического содружества. Угроза социалистическому строю в Чехословакии представляет собой вместе с тем угрозу устоям европейского мира.

Советское правительство и правительства союзных стран — Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, исходя из принципов нерасторжимой дружбы и сотрудничества и в соответствии с существующими договорными обязательствами, решили пойти навстречу упомянутой просьбе об оказании братскому чехословацкому народу необходимой помощи.

Это решение находится в полном соответствии с правом государств на индивидуальную и коллективную самооборону, предусмотренным в союзнических договорах, заключенных между братскими социалистическими странами. Оно отвечает также коренным интересам наших стран в отстаивании европейского мира против сил милитаризма, агрессии и реванша, не раз ввергавших народы Европы в войны.

Советские воинские подразделения вместе с воинскими подразделениями названных союзных стран 21 августа вступили на территорию Чехословакии. Они будут незамедлительно выведены из ЧССР, как только создавшаяся угроза завоеваниям социализма в Чехословакии, угроза безопасности стран социалистического содружества будет устранена и законные власти сочтут, что в дальнейшем пребывании там этих воинских подразделений нет необходимости.

Предпринимаемые действия не направлены против какого-либо государства и ни в какой мере не ущемляют чьих-либо государственных интересов. Они служат цели мира и продиктованы заботой о его укреплении.

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе извне свою нерушимую солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств.

В ПЕЧАТИ ОПУБЛИКОВАНО ОБРАЩЕНИЕ ГРУППЫ ЧЛЕНОВ ЦК КПЧ, ПРАВИТЕЛЬСТВА И НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ ЧССР К ГРАЖДАНАМ ЧЕХОСЛОВАКИИ, В КОТОРОМ, В ЧАСТНОСТИ, ГОВОРИТСЯ:

«...Мы обращаемся к вам в период, когда результаты нашего социалистического строя поставлены под угрозу силами, которые злоупотребляют прогрессивными шагами, начатыми самой партией на январском пленуме ЦК КПЧ и искренне осуществляемыми с того времени партией в интересах достижения подлинной демократии и подлинного гуманизма, идеалов, дорогих всем честным гражданам нашей родины.

...Сегодня на карту поставлено все, что наш трудящийся народ создал за последние 20 лет, на карту поставлены все завоевания социализма. Поставлен под угрозу не только наш путь социалистической демократии, на который мы вступили в январе, но и сама основа социализма, наша республика.

Сознавая высшую ответственность по отношению к нашему народу, полные чувства действительного патриотизма, чувства международной социалистической солидарности, сознавая свои интернациональные обязательства, мы взяли на себя инициативу сплотить все патриотические силы во имя нашего социалистического будущего и нашей родины. Опасность братоубийственной борьбы, которую подготовила реакция и которая была бы трагическим повторением Липан (имеется в виду битва у Липан в 1434 г.— **Ред.**), поставила нас перед необходимостью принять историческое решение обратиться за помощью к Советскому Союзу и к другим братским социалистическим странам. Наши союзники предоставили нам эту помощь так же, как в 1945 году, когда речь шла о том, быть нам или не быть.

Мы призываем всех граждан предоставить всяческую поддержку военным частям наших союзников.

...Мы призываем всех вас, от Шумавских пограничных гор до Чиерны-над-Тиссой, от Крконош до берегов Дуная, понять величие и серьезность этих дней, когда для нас речь идет обо всем, с чем мы связываем понятия «демократия» и «социализм», осознать свою ответственность и сохранить единство и взаимное доверие, с которыми мы должны вступить в предстоящие дни.

Нашими руководящими принципами являются и впредь будут являться дальновидность, порядок, прогресс, правда и перспектива социализма, государственный суверенитет и сплоченная солидарность.

Да здравствует и расцветает демократическая социалистическая Чехословакия!»

Ленинская листовка

Все, кто работает на этом заводе, привыкли к тому, что их всегда встречает и провожает Владимир Ильич Ленин. Идут ли они на работу или с работы, Владимир Ильич рядом, в самой гуще рабочих. Он стоит у входа на завод: в левой руке — книга, правая показывает в сторону цехов, туда, где трудятся потомки семянниковцев, тех самых семянниковцев, которым Владимир Ильич три четверти века назад, на заре своей юности, читал лекции о самой передовой науке — революционной борьбе классов.

Из ста десяти лет жизни коллектива почти семьдесят пять связаны с именем Ленина. Молодой марксист Владимир Ленин вел занятия в рабочих кружках за Невской заставой, готовил здесь кадры бесстрашных революционеров. Семянниковцы собирались в комнате слесаря Ивана Бабушкина. «Наши лекции,— вспоминал И. Бабушкин,— носили характер очень живой, интересный... Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора». Первые же выступления Ленина произвели огромное впечатление на рабочих. Они были не только слушателями. Они были и информаторами: от них Владимир Ильич узнавал обо всем, что происходило на фабриках и заводах.

В конце 1894 года на семянниковском заводе начались волнения рабочих. Измученные изнурительным трудом, штрафами, хамством администрации, они готовились к революционному выступлению. К тому же поползли слухи, что будет задержана выдача зарплаты. Терпению пришел конец: рабочие подожгли дом управляющего, с ворот стащили двуглавого орла... И вот в эту тяжкую для семянниковцев пору в цехах появилась листовка: «К рабочим Семянниковского завода». Взволнованные ее слова звали рабочих на борьбу с капиталистами. Написал ее при активном участии И. Бабушкина Владимир Ильич Ленин. Это был первый агитационный листок русских марксистов.

Недавно на заводе открылся музей. Там много сказано о той огромной роли, которую сыграла знаменитая ленинская листовка в жизни рабочих. Но самой листовки нет. Не сохранилось ни одного экземпляра. Известно лишь, что она была размножена от руки в нескольких экземплярах и распространена по цехам самим Бабушкиным. Листовка не сохранилась, но знают о ней не только люди старшего поколения, но и молодые рабочие. Содержание ее передается из поколения в поколение. Комсомольские следопыты решили взяться за розыск листовки, и кто знает, быть может, юным ленинцам удастся напасть на след...

Листовки в музее нет, но все здесь рассказывает о том, как потомки тех, кто читал ее, кто сам слышал слово Ленина, воплощали и воплощают в жизнь его бессмертные идеи.

В январе 1918 года ленинским декретом завод был передан в собственность народа. Еще при жизни Владимира Ильича семянниковцы в пятую годовщину Октября назвали свое предприятие именем любимого вождя. И когда Ленин призвал рабочих поехать в деревню, чтобы помочь крестьянам строить новую жизнь, семянниковцы вместе с обуховцами создали первую сельскохозяйственную коммуну.

В годы пятилеток завод дал электростанциям много совершенных механизмов, металлургам — мощные воздуходувные машины, новостройкам — паровозы... И сейчас здесь на стендах — самые совершенные машины. На всех станциях газопроводных магистралей работают агрегаты марки Невского машиностроительного завода имени Ленина.

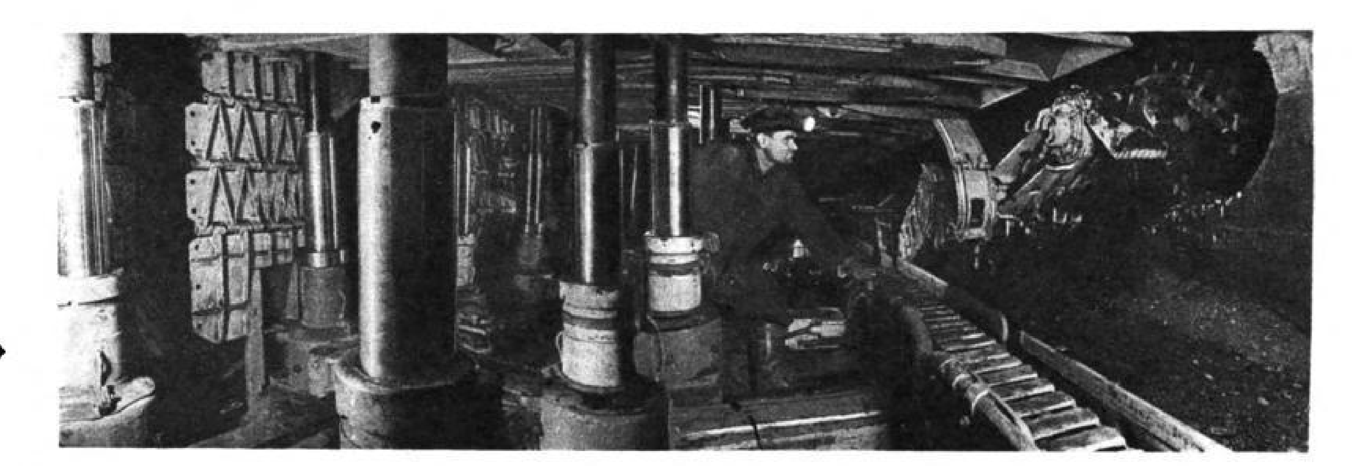
В ознаменование столетия со дня рождения Ильича ленинцы решили выполнить пятилетку досрочно — к 7 ноября 1970 года.

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото В. Герасичева.

На снимке: памятник В. И. Ленину перед входом на завод.

25 августа — День шахтера

ШАХТЕРСКИЙ «РОБОТ»

В Донбассе появился удивительный подземный работяга — первый в нашей стране автомеханизированный комплекс по добыче угля. Сотни человек — ученые, инженеры, рабочие столичного института «Гипроуглемаш», донецкого «Автоматгормаша» — трудились над созданием и наладкой этого комплекса. Оценка, которую дала ему на днях Государственная комиссия, показывает, что трудились не напрасно.

...Первая южная лава шахты № 3 треста «Доброполь-уголь». Вдоль угольного пласта, точно железный крот, движется горный комбайн. Он крошит стальными зубьями пласт, глыбы угля падают на транспортер и непрерывным потоком устремляются в сторону обкаточного штрека. Струйки воды орошают хрустящий углепад и гасят мелкую пыль. Вслед за комбайном приходят в движение металлические крепи, и за их железными фартуками-щитами с громовыми раскатами, сотрясая недра, обрушиваются горные породы. Ни у комбайна, ни в междурядье поблескивающих телескопических стоек не увидишь ни одного человека. Управляет всеми машинами бывший шахтный электрослесарь Александр Селиверстов. Он находится отсюда в десятках метров, в надежно закрытом штреке, перед пультом с сигнальными огоньками и множеством разных кнопок. Он-то и наблюдает за лавой, «командуя» и комбайном, и транспортером, и передвижными крепями, и энергопоездом.

...Комбайн дошел до границы лавы и, срезая новую угольную стружку толщиной более чем полметра, двинулся в обратном направлении. Так в течение двух смен он пройдет из конца в конец лавы восемь — десять раз и добудет не менее 700 тонн угля. Потом в лаву придут шестеро-семеро рабочих, просмотрят механизмы, если надо, произведут несложный ремонт, и подземный «робот» снова начнет действовать.

— За полгода испытаний комплекса,— рассказывает заместитель главного инженера шахты Николай Иванович Дикий,— в нашей опытной лаве сделано 795 циклов и добыто 124 583 тонны угля. Линия забоя за это время продвинулась почти на полкилометра, и первая южная лава оказалась полностью отработанной. Производительность труда здесь почти вдвое превысила ту, что достигнута на соседнем участке, где в аналогичных геологических условиях действует другой угледобывающий механизированный, но не автомеханизированный комплекс.

Итак, шахтерский «робот», который иным фантастам виделся лишь в далеком будущем, стал явью. Пройдет еще год, и в шахтах Донбасса появится уже несколько таких «роботов».

Алексей ИОНОВ

На снимке: бригадир Николай Глущенко готовит к работе автоматизированный угледобывающий комплекс.

Фото Л. Азриеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 35 (2148)

Основан 1 апреля 1923 года

24 АВГУСТА 1968

Фото ЮПИ, журналов «Квик», «Вие нуово», агентства «Освобождение».

Этот снимок сделан в Южном Вьетнаме. Бойцы Народных вооруженных сил освобождения ведут атаку на позиции американских интервентов. Сообщения о том, что патриоты наносят все новые удары по войскам США и их марионеток, приходят из Южного Вьетнама каждый день. За последнее время бойцы НВСО провели операции под Сайгоном, недалеко от Хюэ, в дельте Меконга, в результате чего враг понес большие потери. На протяжении всех восьми месяцев этого года военные специалисты США предсказывали, что силы патриотов скоро иссякнут, а американцы перехватят инициативу. Но все происходит наоборот. Активные действия патриотов не прекращаются, а в американские города из Южного Вьетнама идут новые и новые «похоронки».

Индия отпраздновала День независимости. В Красном форте Премьер-министр Индийской Республики Индира Ганди обходит строй почетного караула.

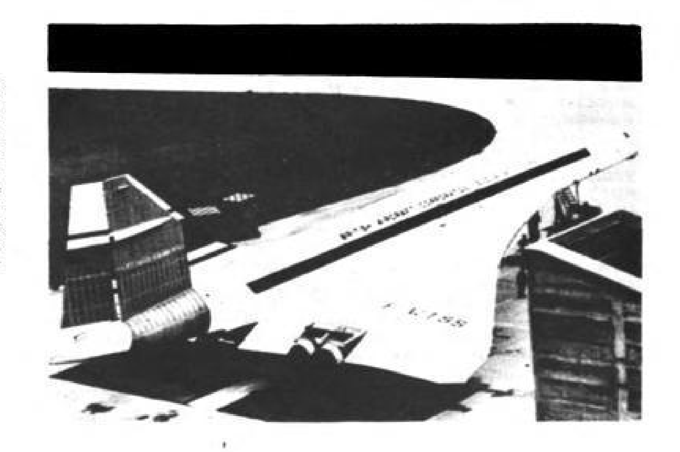

В столице Народной Кореи Пхеньяне состоялась пресс-конференция, на которой перед журналистами предстали члены команды американского шпионского судна «Пуэбло», захваченного в территориальных водах КНДР (на снимке они слева). Американские моряки признали свою вину в провокационных действиях против Народной Кореи.

Под давлением расистского правительства Южно-Африканской Республики преподаватель Кейптаунского университета Арчи Мафедже был изгнан из университетских стен только за то, что он принадлежит к черной расе. Возмущенные студенты ответили на это сидячей забастовкой, заняв административное здание. К своим товарищам из Кейптауна присоединились студенты университета в Иоганнесбурге.

«Конкорд-001» — так называется сверхзвуковой пассажирский самолет англо-французского производства. Он еще ни разу не поднимался в воздух. Предполагается, что это произойдет в октябре. Пока же этой новинке авиационной техники предстоят наземные испытания.

Молодежные банды «рокеров» наводят страх на население Гамбурга. Бесчинствующие молодчики на мотоциклах — символ буржуазной культуры, порождение культа насилия и распущенности. «Рокеры не нацисты»,— утверждает западногерманский журнал «Квик», напечатавший этот снимок. Но разве случайно появилась на гоночном шлеме свастика? В ФРГ сохраняется почва, на которой возрастают неонацистские идеи. И вот еще снимок, свидетельствующий об этом. Итальянский журнал воспроизвел бравую солдатскую грудь, которую украшают планки гитлеровских орденов. В ФРГ ордена, полученные за преступное участие в фашистской агрессии, носят открыто. Для всего мира это — напоминание о том, что фашистская угроза не миновала.

ПОБЕЖАЛИ!

В. ВИКТОРОВ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Для сильнейших легкоатлетов страны Армения стала крестной матерью рекордов. В республике есть места, которые повыше, чем грозные 2240 метров Мехико. Есть где «адаптироваться», как говорят ученые, но для генеральной проверки возможностей бегунов, прыгунов и метателей был избран Ленинакан, расположенный на высоте «всего» полторы тысячи метров смогли увидеть бег, о котором еще недавно не смели и мечтать. В полуфинальных и финальном забегах все три товарища Вячеслава Сапеи пробежали сто метров за 10,1 секунды, сам же Сапея, установивший на мемориале Знаменских в Ленинграде новый всесоюзный рекорд — 10 секунд, снова в Ленинакане показал этот блестящий результат. Кроме того, Н. Иванов и В. Сапея стали соавторами нового всесоюзного рекорда на двухсот-

Финишируют Л. Самотесова и Н. Иванов.

над уровнем моря: это достаточно высокий уровень, и наши олимпийцы доказали там, что и сами находятся на достаточно высоком уровне.

Конечно, мы далеки от того, чтобы за два месяца до первых олимпийских стартов бить в победные литавры. Грозные соперники ждут советских легкоатлетов в Мехико. И мы помним, как в Токио нашим спортсменам удалось завоевать всего пять золотых медалей вместо одиннадцати римских. Но на чемпионате страны в Ленинакане мы смогли убедиться в важном качественном сдвиге, который не наблюдался на четырех предыдущих олимпиадах: советские спринтеры наконец побежали!

Спринт — бег на короткие дистанции — основа основ всей легкой атлетики. Вот почему нас так огорчало неумение наших спортсменов показывать высокую скорость. В течение многих лет никак не могли они раскрыть искусство пробегать сто метров быстрее чем за 10,2 секунды. А вместе с тем скорости в спринте растут непрерывно. Еще нынешней весной мировой рекорд был равен 10 секундам, а затем сразу три американских бегуна, участвуя в одном забеге, пробежали 100 метров за 9,9 секунды.

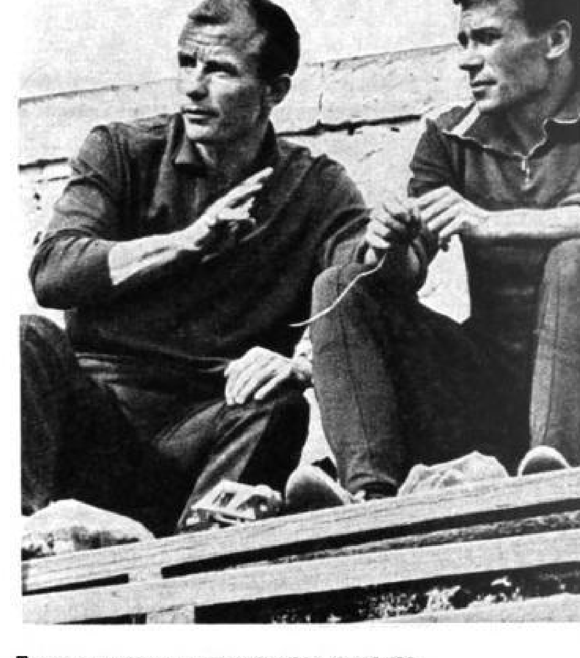
И вот все изменилось и на наших беговых дорожках.

В сборной команде страны появился Вячеслав Сапея, мало кому известный спринтер из Гомеля, и стал в один ряд с недавним юниором Алексеем Хлопотовым, молодым спортсменом Евгением Синяевым и самым старшим среди них Николаем Ивановым. Эти четыре спринтера — ученики тренера сборной команды Леонида Бартенева, в прошлом одного из быстрейших бегунов, судя по всему, будут представлять Советский Союз в Мехико. В Ленинакане мы метровой дистанции — 20,5 секунды, а еще до этого, на соревнованиях, посвященных Всесоюзному дню физкультурника, в окрестностях Еревана четыре спринтера, объединившись в одну команду, установили всесоюзный рекорд и в эстафете — 39,1 секунды.

Много общего в успехах наших спринтеров — мужчин и женщин. В Ленинакане новый всесоюзный рекорд установили в эстафетном беге Людмила Ткаченко, Галина Бухарина, Вера Попкова и Людмила Самотесова — 43,9 секунды, а Л. Самотесова повторила мировой рекорд на дистанции 100 метров — 11,1 секунды. И установила всесоюзный на двухсотметровой — 23 секунды. Даже фамилии лидеров двух команд — Сапеи и Самотесовой начинаются на одну и ту же букву «С», на ту самую букву, с которой начинается и слово «спринтер» и синоним этого слова — «стремительный».

Чемпионат СССР по легкой атлетике в Ленинакане стал подлинным праздником быстроты, и хочется верить, что в ближайшее время мы станем свидетелями еще более ярких событий на беговых дорожках. И не только на коротких дистанциях, но и на длинных. Увы, пока нам хвастаться в стайерском беге нечем. Да и не только в беге...

Бросается в глаза резкая разница в уровне мастерства, достигнутого в различных прыжках и метаниях. Если в прыжках в длину мы имеем такого замечательного спортсмена, как Игорь Тер-Ованесян (он победил в Ленинакане, прыгнув на 8 метров 28 сантиметров), то в прыжках с шестом мы никак не можем приблизиться к лучшим мировым результатам. Мы имеем лучших метателей в молоте и копье (Р. Клим в Ленинакане метнул молот на 72 метра 72 сантиметра, а Я. Лусис, недавно установивший мировой рекорд, снова послал копье за 91-метровый рубеж), и вместе с тем наши толкатели ядра и дискоболы вряд ли имеют шансы оказаться среди олимпийских призеров. Мы можем гордиться мировым рекордом в толкании ядра Надежды Чижовой (она и в Ленинакане была первой с большим отрывом от своих соперниц), а наши копьеметательницы не смогли даже выполнить олимпийского норматива. И все же соревнования на ленинаканском стадионе и у озера Севан, где состязались скороходы и марафонцы, и в окрестностях Еревана, где на большой высоте разыграли чемпионские медали и олимпийские путевки наши стайеры, оставили хорошее впечатление. И хотя мы не собираемся заранее подсчитывать число олимпийских медалей (их, как и цыплят, считают по осени, и чего добьются наши легкоатлеты, мы узнаем лишь в октябре), но если долетят до вас радостные вести из Мехико,— не удивляйтесь и вспомните Ленинакан.

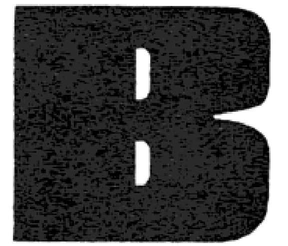
Тренер лучших спринтеров страны Л. Бартенев и быстрейший из быстрых — В. Сапея.

И. Тер-Ованесян в одной из попыток показал фантастический результат. Его прыжок намного превысил рекорд мира — 8 метров 35 сантиметров... Но, увы, судейская коллегия определила: заступ.

Марина ЧЕЧНЕВА,
Герой Советского Союза

ВЫСОТА

Из документальной повести о Марине Расковой

Кажется, все это кадры из давным-давно прошедшего фильма.

...Солнечный осенний день. Вся Москва вышла на Комсомольскую площадь встречать летчиц-героинь, которые ехали с Дальнего Востока в специальном поезде.

Я стояла в толпе, приподнималась на цыпочки, старалась рассмотреть их лица. Сколько народу кругом! Так встречали челюскинцев, папанинцев, экипаж Чкалова и Громова. Теперь встречают летчиц. Таких же, как я, и — других. Героинь. Может, и не я,— мне-то где!— а мои подруги повторят когда-нибудь их полет!

Раскова смеялась. Сотни рук с цветами тянулись к ней, нет, кажется, ни конца, ни края народному торжеству...

Сломалась, ушла в далекое-далеко старая жизнь.

Началась война. Расковой — слушательнице академии имени Фрунзе — было 29 лет... Мама Анна Спиридоновна и дочь Танюша уезжали на Волгу, в далекий поселок Васильсурск. Брат Роман с первых дней был в Действующей армии. А Марина Михайловна осталась в Москве.

Фашистские самолеты каждую ночь прорывались к столице. Когда налеты заставали летчицу дома, она спешила в штаб противовоздушной обороны. В подчинении штаба находились близлежащие дома по улице Горького. Она бежала, тушила пожары, оказывала первую помощь пострадавшим. А после отбоя снова шла домой, садилась за письменный стол и готовилась к занятиям в академии.

8 сентября она выступала на женском антифашистском митинге:

— Дорогие сестры! Неизмерима наша ненависть к врагу. Непоколебима наша воля к победе. Неисчерпаемы наши силы, которые мы целиком отдаем Родине для борьбы с врагом!.. Советская женщина — это сотни тысяч высококвалифицированных мастеров на гигантских заводах, где тысячами рождаются наши боевые самолеты, танки, пушки и пулеметы. Советская женщина — это сотни тысяч автомобилисток, трактористок и летчиц, готовых в любую минуту сесть на боевые машины и ринуться в бой...

Притихший зал жадно ловил ее слова, а наутро речь передали по радио и напечатали в газетах.

Но она чувствовала себя не у дел: разве может спокойно опытный летчик учиться, когда земля его истекает кровью?

Она писала рапорты. Ей приказывали ждать. Чего ждать?

А на столы военкоматов ложились тысячи заявлений девушек с просьбой направить их на фронт. Среди них с пометкой: «летчица Осоавиахима», «работает в Гражданском воздушном флоте...»

Марина Раскова пошла в ЦК партии.

— Нужно создавать женские авиационные части.

— Женские?

— Да, женские!.. По-моему, уже доказано, что женщины летают не хуже мужчин.

— Что же, подумаем над вашим предложением.

Подумали. И в сентябре состоялось долгожданное решение: сформировать женские авиационные части из женщин — пилотов ГВФ и летчиц-спортсменок.. Поручить М. Расковой...

Дальше она уже не читала, бросилась к телефону... Нельзя терять ни минуты. Вместе со своими помощниками, неоднократной мировой рекордсменкой Верой Ломако, известными летчицами сестрами Тамарой и Милицей Казариновыми, политработниками Евдокией Рачкевич и Линой Елисеевой Раскова составляла списки летчиц, разыскивая их повсюду: в Гражданском воздушном флоте, в аэроклубах, в авиационной промышленности.

Сотни откликнулись на ее призыв. Имя Расковой было овеяно легендой. Кто из девушек не мечтал в это трудное для страны время находиться рядом с ней? Среди этих девушек была и я.

Марина Михайловна Раскова и опытный летчик Евдокия Давыдовна Бершанская, наш командир, встретились на Волге.

Приглядывались друг к другу недолго. Сразу перешли на «ты».

— Знаешь, Дуся,— сказала Раскова,— жизнь опрокидывает наши планы. Вначале я думала создать один женский авиационный полк. Но уже прибыло столько людей, что можно укомплектовать три. И каждый день приезжают и приезжают...

— Что же, этому только радоваться надо!

— А я радуюсь.

И добавила официальным тоном:

— Вы, товарищ Бершанская, назначаетесь штурманом. Этим круг ваших обязанностей не ограничивается. Будете руководить всеми ночными полетами...

— Есть, товарищ командир!..

Так началась наша работа. Упорная, ожесточенная, с бессонными ночами, с маленькими победами над техникой. И с горькими поражениями, когда дело не ладилось и машина не желала слушаться...

Бершанская, кажется, вообще не уходила с аэродрома. Днем обучала слепым полетам по приборам на аэродроме. Ночью проводила практические занятия в полете...

Однажды, вернувшись из Москвы, Раскова срочно вызвала Бершанскую.

— Вы назначены командиром полка.

Раскова пожала Евдокии Давыдовне руку. Бершанская оторопела.

— Какого полка?

— Ночного. Легкобомбардировочного.

— Я думала, вы мне серьезное дело предлагаете... А что можно сделать на этих учебных тихоходах «У-2»?

— Многое можно сделать, дорогая Евдокия Давыдовна. Очень многое. Наши «уточки» могут незаметно, с выключенным мотором появиться над важнейшими оборонительными узлами врага. И пройдут они там, где не пробиться бомбардировщику!

Бершанская задумалась.

— Может быть, вы и правы...

В мае сорок второго Бершанская доложила:

— Полк к боевым действиям готов!

Да, мы были готовы, но мечтала-то я стать истребителем.

В день моего приезда я шла по коридору школы, раздумывая, кому бы доложить о прибытии. И вдруг:

— Вы уже тут? Здравствуйте, истребитель!

Я обернулась. Да это она — то же милое лицо, те же чуть грустные глаза и добрая улыбка. Неужели запомнила, узнала? Вот радость!

— Марина Михайловна!.. То есть товарищ командир!— тут же поправилась я.— Летчик-инструктор Чечнева прибыла в ваше распоряжение.

— А вы повзрослели, возмужали. Это хорошо. Ну, пошли ко мне,— сказала Марина Михайловна, распахивая дверь кабинета.— Как летается? Значит, будем воевать вместе?

Узнав, что я летаю ночью, Марина Михайловна удивленно вскинула брови:

— Даже так? Чудесно! Такие летчики нам очень нужны!

— Для ПВО?

— Не только для ПВО.— Раскова помолчала.— Хотите летать на ночных бомбардировщиках ближнего действия?

Я не сразу поняла ее.

— Разве такие имеются?

— Конечно. И вы их отлично знаете, только не догадываетесь. «У-2»!

У меня вытянулось лицо.

— Ну вот, сразу и разочарование. А работа предстоит интересная. Будет создан полк ночников, оснащенный «У-2». Цель его — оказывать помощь наземным войскам непосредственно на передовой.

И она заговорила о роли, которую должны сыграть маленькие «У-2» на войне...

Увлекшись ее рассказом, я сразу же согласилась стать ночным бомбардировщиком, хотя Марина Михайловна и не торопила меня с ответом.

И лишь когда вышла за дверь, вспомнила об истребителях и закусила губу. Но уже было поздно. В раздумье я постояла еще немного в коридоре. Потом тяжело вздохнула и примирилась с постигшей меня участью.

В конечном счете впереди меня ждал фронт. Это самое главное...

...Нет, совсем нелегко все это нам сразу далось: и стремительные ночные атаки, и выходы точно на цель в непроглядной тьме, когда небо закрыто тучами и не видно ни звезд, ни луны, и прицельное бомбометание по целям, выхваченным на какие-то мгновения из мглы осветительными бомбами.

И нетрудно понять мое состояние, когда я однажды на тренировке чуть не угробила машину, сажая ее ночью.

Спрыгнув на землю, я в сердцах бросила подруге:

— Не получится из меня ночного бомбардировщика! Видишь, что натворила!..

У самолета лопнуло крепление шасси.

— Надо сделать так, чтобы вышел, Чечнева!— раздался из темноты резкий голос Расковой.

Я не заметила, как она подошла.

— Марина Михайловна, вы же сами видите... Наказывать за такие вещи надо...

Не знаю почему, меня обуял бес самобичевания. Сказался стыд за мою неудачную посадку и за то, что ее видела сама Раскова.

— Это у нее пройдет, товарищ майор,— вступилась за меня подруга.

— Вот что, Чечнева, успокойся, не нервничай... Выше голову! После войны хочу видеть у тебя ордена. Смотри, не меньше двух!

— Так уж и двух!..

Раскова засмеялась:

— Три можно. А меньше двух не пойдет!..

За окном капель. Чернеет в лощине снег. Бурым стало летное поле.

Весна! С какой радостью ждала она ее каждый год! Весна — значит, новые трассы. Далекие, о которых даже боязно сказать вслух. Но сейчас война — другие полеты, другое небо.

Небо, распоротое визжащими осколками, грохочущее ревом моторов, смятое, вздыбленное, огненное... Хорошо, что мать и дочка в безопасности... Кстати, какое сегодня число?

Раскова посмотрела на листок календаря. 14 марта 1942 года... Нет, сегодня нужно написать письма. Во что бы то ни стало. Завтра опять не соберешься.

Окончание. См. «Огонек» № 34.

Отложив в сторону бумаги, она пододвинула чернильницу.

«Пользуюсь тем, что имею десять свободных минут, чтобы написать тебе. Если сейчас не напишу, то, может быть, недели две не смогу сесть за письменный стол... Я вполне здорова, работаю хотя и без отдыха, но с большим интересом...»

Не много сохранилось этих писем. Как не много их было и написано.

2 апреля 1942 года: **«...У нас испортилась погода. Два дня стояла такая пурга, что в 5 метрах не было видно человека. При этом ветер достигал силы 20 метров в секунду. Это настоящий шторм! Ломало крыши, поломало дверь в мой ангар. Хлопот было много. Необходимо было сохранить все свои самолеты — и в ангарах и стоящие просто на поле. Это стоило большого труда, но все обошлось благополучно: все наши чудесные самолеты целы.**

Правда, когда пурга стихла, все мы были похожи на чучел, так как наша одежда была покрыта коркой льда, а когда лед растаял, то все было мокрое, хоть выжимай. Еле-еле успевали высушиться и снова бежали сменять тех, кто уже обледеневал, защищая от стихии самолеты. Сделав небольшую передышку, пурга замела снова. Но за это время мы уже успели кое-что укрепить, и новая пурга принесла нам меньше хлопот.

Мой народ показал себя замечательно. В пурге пробирались они к стоянкам самолетов в тесном строю, держа направление по компасу, так как ничего не было видно. Это был хороший экзамен и для них и для меня...»

15 мая 1942 года: **«...Наша жизнь прекрасна великой, исторической героикой. Какие подвиги способен совершить наш народ и какой единой волей в борьбе за свое счастье и свободу спаян весь наш великий Союз! Люди сейчас на глазах растут во всем своем величии. Ты не узнала бы нашего Рому! За эти десять месяцев войны он стал более взрослым, чем за все годы своей жизни. Его настоящая душа и сердце русского советского человека определились для него самого ясно только теперь. Он сам сказал мне в Москве, в последний мой прилет туда, что теперь самое сильное его желание — стать коммунистом, членом партии. Я горжусь тем, что Рома в суровые дни войны понял это сам, и понял сердцем. Многое, что казалось прежде важным, стало теперь ничего не значащим, просто пустяками. На чем спать, как быть одетым, что есть, что пить — все это не играет ровно никакой роли в жизни. Цель одна — как можно больше принести пользы в деле освобождения нашей земли, в деле священной войны с фашизмом не на жизнь, а на смерть... Главное, что все мы твердо верим в свою победу. Нам ничего не жаль для окончательного боя за нашу свободу. Кто в это верит, тот перенесет любые трудности, выйдет победителем.**

Мечтаю прилететь к вам в конце мая. Хорошо бы было попасть на Танюшино рождение. Но так точно угадать трудно. Если я к 29 мая не прилечу, когда будешь ее поздравлять утром, то поздравь и от меня и крепко-крепко поцелуй. Я так без нее скучаю, но стараюсь об этом не писать, чтобы она не скучала. Потерпи еще немного, моя родная, скоро мы заживем снова мирной жизнью. Будем быстро восстанавливать былую жизнь в своей стране. И ты с Танюшей вернешься в нашу родную Москву, в которой будет ярко гореть свет. И в этот радостный день мы все снова помолодеем на десяток лет...

Обо мне не беспокойтесь, у меня дела идут хорошо...»

«...Сегодня у меня вдвойне радостный день: я вылетела самостоятельно на самом современном скоростном пикирующем бомбардировщике, двухмоторном. Самолет изумителен, скорость огромная, вооружен прекрасным оружием. Ни один фриц не уйдет от меня! Мой вылет начальством оценен на «отлично».

И вот после такой радости пришла я в штаб и застала твое письмо, доброе, ласковое, с поздравлением за прошлый вылет. Это чудесное совпадение! Пока до тебя дошло письмо и ты ответила, я уже вылетела на новом самолете, на более сложном и совершенном...»

Жизнь многих из нас, кого коснулись участие, совет, дружба Марины Расковой, сложилась иначе, чем она могла бы сложиться.

— Скольким дала она крылья!— невзначай сказала недавно моя боевая подруга Оля Голубева, рассматривая портрет Расковой.— Вот ее уже нет. А ведь без нее немыслимы наши биографии и судьбы...

Всякий раз, приезжая в Москву, Оля звонит мне по телефону, и мы непременно встречаемся. Мы знаем друг друга более двадцати лет, но нам всегда не хватает времени, чтобы наговориться. И в моей жизни и в Олиной Марина Михайловна Раскова оставила неизгладимый след. Можно сказать, сделала, вылепила их — наши жизни...

Раскова умела увидеть в человеке основное. А главное, понимала мечту. Ведь она сама была из крылатого племени мечтателей.

Разве до «лирических подробностей» было в том огненном 41-м? Тем более Расковой, на плечи которой легли важнейшие правительственные задания!

Может быть, она, встречаясь с нами, неоперившимися, юными девчонками, у которых, кроме мечты о небе и решимости бить врага, не было за душой ничего, вспоминала свою юность? Может быть! Только никто не уходил от нее без совета и помощи.

В сорок первом Оля и ее подруга Лида Лаврентьева разыскали часть Расковой, хоть это и было не просто. Оля уже не думала о кино — до войны она мечтала стать киноактрисой. Какое там кино, когда Родина в огне! Когда истекают кровью Украина, Белоруссия, Смоленщина.

В ожидании приема Оля познакомилась с летчицей Дусей Носаль и откровенно призналась ей, что, собственно говоря, она не имеет никакой надежды быть принятой в авиачасть, так как ничего не смыслит в авиации.

— А ты скажи, что знаешь электричество, нам как раз электрики нужны,— подала совет Носаль.

— Ладно, будь что будет, лишь бы приняли...

М. Чечнева и дочь М. Расковой Таня.
Фото Л. Бородулина.

В кабинет Расковой Голубева и Лаврентьева вошли вместе.

— Мы очень хотим летать!— в один голос выпалили обе.

— Я окончила аэроклуб в Средней Азии,— сообщила Лида.

— Ну, а вы кто? — обратилась Раскова к Ольге.

— Я?— смутилась та.— Я Голубева Ольга, из Тобольска... Училась в Москве, в институте кинематографии, добровольно пошла в армию...

— Ну, а с авиацией вы знакомы?— спросила Марина Михайловна.— Что вы умеете делать?

— Ничего,— упавшим голосом призналась Оля. И, боясь, что дальнейший разговор с ней будет коротким, торопливо добавила:— Почти ничего... Вот петь могу, плясать умею, стихи читаю неплохо... И электричество хорошо знаю. В школе по физике пятерки получала!

Марина Михайловна засмеялась:

— Ах, девчонки, девчонки. Ну что ж мне с вами делать?! Ладно...

И нашла выход. Лиду Лаврентьеву зачислили штурманом, а Олю Голубеву назначили мастером по электрооборудованию.

А потом... Потом Ольга окончила курсы, стала штурманом.

Раскова поставила перед Олей нелегкую цель. Не прощала ни единой ошибки. Но и никогда не упускала ее из виду и во всем помогала ей. И хоть штурманом Оля стала уже после гибели Марины Михайловны, именно она помогла Оле добиться своего...

Я сказала: гибели. Но я до сих пор не могу примириться со смертью Марины Михайловны...

В день нашего вылета на фронт майор Раскова не пошла к трибуне, а вышла из-за стола, покрытого красным кумачом, поближе к рампе, к аудитории.

Негромко говорила о беде, нависшей над нашей страной, о том, что наш долг — жестоко отомстить врагу, призывала нас совершенствовать боевую выучку, овладеть техникой боя...

— Свою преданность Родине вы доказали в учебе,— говорила она.— А теперь докажите ее в бою. Это будет потруднее. Но я уверена, вы справитесь с любыми заданиями и со временем обязательно станете гвардейцами...

Мы вылетали на фронт. Но Марина Михайловна еще не оставила нас. Полетела вместе с нами, чтобы лично познакомиться с воздушной армией, в которую был назначен наш полк.

Весь путь на Южный фронт до Донбасса мы летели с ней.

Когда мы получили приказ о зачислении нашего комсомольского полка в состав авиадивизии, Раскова приказала выстроить личный состав.

Зачитав приказ, она пошла вдоль строя, вглядываясь в наши лица, и негромко говорила на ходу:

— Счастливого неба, девчата! Счастливого неба!..

Это были последние слова Марины Расковой, которые мне привелось услышать.

Она улетела назад; ее ждали там еще два женских полка: истребительный и пикирующих бомбардировщиков.

Мы больше ее не видели, но она не забывала о нас.

Однажды после полетов нас выстроили на плацу.

— К нам поступило письмо от личного состава женского полка пикирующих бомбардировщиков,— заговорила, волнуясь, Бершанская.— Подписано командиром полка Расковой...

«Наконец-то весточка от нее»,— подумала я.

«Дорогие боевые подруги!

Поздравляем вас с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, которую вы встречаете в героической борьбе с озверелым фашизмом, с теми победами, которые вы ежедневно, наши родные героини, приносите на легких крыльях своих самолетов, возвращаясь с боевого задания...

...Рады мы бесконечно вашим успехам и стараемся приумножить их. С огромным интересом мы читали фронтовую газету. Она гордостью наполнила наши сердца.

Сестры, ведь не только вас наградили. Вместе с вами наградили и нас, всех советских девушек-патриоток нашей Родины.

Сегодня и мы еще раз обещаем нашему народу и большевистской партии не омрачать светлого знамени полков наших. Боевых успехов, дорогие подруги, скорой встречи в родной Москве!

Принято на торжественном заседании 7 ноября 1942 года.

Раскова, Елисеева, Казаринова и другие».

Еще раньше мы узнали, что женский полк пикирующих бомбардировщиков «Пе-2» во главе с командиром полка Героем Советского Союза Мариной Михайловной Расковой готовился к отправке на фронт. Это был третий полк, который она подготовила. Уже храбро дрались в небе девушки летчики-истребители и мы — ночные бомбардировщики, и уже немало к этому времени было подвигов на счету этих женских полков. Марина Раскова могла радоваться за своих воспитанниц. Теперь она сама собиралась на фронт.

Позднее я прочла письмо Марины Михайловны, написанное в это время маме:

«...Вот уже пять дней, как мы начали новую жизнь, расстались со своим насиженным местом и двинулись в путь. Живем по-походному. Все те маленькие удобства, которые мы себе создали там, уже забыты. Теперь каждый из нас воин: и по духу, и по знаниям, и по умению мужественно переносить трудности походной жизни. Народ у меня молодой, смелый, веселый и преданный. Никогда не унывают. Очень люблю я их. Суровая у них молодость! Не задумываясь, они готовы отдать жизнь за Родину, и все это горячо, от сердца, по-молодому. Дружные они!

Мамочка, я счастлива сейчас, как никогда. Прихожу утром на стоянку своих машин. Красивые они, мощные, много их — прямо сила!.. По взмаху моей руки одновременно запускаются моторы, и по моей воле все это мгновенно поднимается в воздух, собирается в боевой строй и летит за мной туда, куда я поведу. Это большое счастье, которого я никогда еще не испытывала. А самое большое счастье — это

видеть мощное наше оружие, которое таит в себе смерть врагам...»

Это письмо Анна Спиридоновна получила в ноябре 1942 года, когда они с Танечкой вернулись в Москву.

А 17 декабря 1942 года на несколько дней по служебным делам прилетела Марина Михайловна в столицу. Все свободное время Марина проводила с дочкой. Рассказывала ей о фронте. Садилась за рояль, и тогда по комнате тихо плыла песня:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море...

А виделось ей, наверное, тогда не море, а изрешеченная раскаленным металлом темнота и мертвенно-голубые мечи прожекторов...

Уже кончалось время ее пребывания в Москве, когда проездом с фронта заехал брат Роман Михайлович. Последний вечер они сидели все вместе. Марина читала свои любимые стихи.

Утром Марина обняла дочку, мать, брата.

— Что же, до скорой встречи, мои дорогие. Ромка, береги себя!

— Ты сама берегись! Вечно лезешь в самое пекло!..

Потом она еще звонила домой. Далекий ласковый голос, который услышала Анна Спиридоновна в трубке, сказал:

— Мамочка, мы улетаем. Поцелуй за меня Танюшу мою... крепко-крепко...

На московском аэродроме 23 декабря перед отлетом Марина Михайловна отослала еще одно письмо родным:

«Дорогие мои мамочка и Танюрочка... посылаю вам привет и тысячу поцелуев... все у нас в порядке... Обо мне не беспокойтесь. Посылаю тебе ключ от нашей квартиры, который улетел со мной в моем кармане... Будьте умницы, мои дорогие, берегите здоровье... Целую вас, мои любимые...»

Это было последнее ее письмо.

Я узнала о ее гибели на Северо-Кавказском фронте, когда наши войска перешли в наступление. Привезли центральные газеты. Я взглянула на полосу «Правды» и... не поверила своим глазам.

Расковой не стало. У кого из советских людей не сожмется сердце при этих словах?..

Нет, это невозможно... Это противоестественно, этого не может быть!..

Но это было. И комок подступал к горлу, и я видела, как отворачиваются, доставая платки, девчата. А одна, не сдержавшись, начала плакать навзрыд.

Такое трудно, почти невозможно перенести. Попав в тяжелые метеорологические условия, самолет командира полка майора Марины Расковой потерпел катастрофу, и она погибла вместе с членами экипажа...

Долго я смотрела на портрет и вспоминала все, все...

В тот день мы написали на бомбах, подвешенных к нашим самолетам: «За майора Раскову».

И девчата полка дали клятву: «Марины Расковой нет больше с нами, но мы торжественно обещаем, что не посрамим ее славы. Мы доведем ее дело до конца».

В тот год по всей стране начался сбор средств на строительство авиаэскадрильи имени М. Расковой.

Через восемь дней Москва провожала в последний путь свою любимую дочь. В почетном карауле вместе с членами правительства стояли и девушки из ее полка: Милица Казаринова, Люба Губина, Катя Мигунова.

* * *

...Когда-то она писала: «Кончался рабочий день, я возвращалась домой, к своей маленькой дочке. Ей... уже полтора года... Часто я вставала к ней ночью, поправляла постельку, меняла белье и следила за тем, как Танюша тихо засыпает... Доставляла ли мне моя дочка огорчения? Только тогда, когда ей случалось хворать. Но кто из матерей не знает этих огорчений? Мешала ли она мне работать? Никогда! Не было момента в моей жизни, чтобы я чувствовала какие-нибудь неудобства от того, что у меня ребенок. Дочь доставляла мне только радость».

Мы тихо сидим с Таней на тахте. В комнате полумрак. Только окно отражает причудливые блики уличных фонарей.

Это та же комната, где я первый раз говорила с Расковой. Комната на улице Горького.

А рядом со мной ее Таня, Таня, о которой она с такой нежностью писала. Виновата! Уже не Таня, а Татьяна Сергеевна.

Впрочем, это для других. Для меня она прежняя Таня, так похожая на свою мать. И все здесь вокруг прежнее. И фотографии, и мебель, и письма. Они все идут. Пионеры сообщают, что решили назвать свою дружину именем Расковой. Школьные музеи страны просят материалы о жизни народной героини. Пишут люди разных возрастов. Пишут зарубежные друзья...

На все эти письма до сих пор отвечала аккуратно Анна Спиридоновна и неутомимо выступала в школах с воспоминаниями о дочери. Но Анна Спиридоновна скончалась в октябре 1966 года. В последний путь ее пришли проводить воспитанницы Марины Михайловны — бывшие летчицы женских полков. И теперь на письма отвечает Таня.

Я смотрю на Таню... Меня берет за руку ее сын Володя, ученик шестого класса. Внук Марины Расковой.

— Вы знали бабушку?— спрашивает он.

— Ее многие знали. Люди назвали площади и улицы ее именем, отряды, школы, пионерские дружины. Ты ведь пионер?

— Да!

— Вовка, ты кем собираешься стать?

— Конечно, летчиком! Как бабушка.

Таня улыбается.

Что же, у жизни и юности свои законы. Они не останавливаются ни на миг. Они имеют это неоценимое и не зависящее ни от кого и ни от чего свойство.

Жизнь и юность продолжаются. Набирают высоту.

Грани таланта

В последнее время в редакцию «Огонька» пришло несколько писем от В. Мищенко из города Ивано-Франковска, Е. Граня из Мончегорска и других читателей с просьбой помещать на цветных вкладках журнала малоизвестные картины из собрания русской классики.

Сегодня мы печатаем произведения М. А. Врубеля, менее других известные широкому кругу любителей изобразительного искусства.

В своем творчестве М. А. Врубель часто обращался к народному эпосу, сказкам. «Микула Селянинович», «Богатырь», «Пан» — персонажи русской народной поэзии, преданий, мифов, «Принцесса Греза» — мотив легенды XVIII века о трубадуре...

«Микулу Селяниновича» и «Принцессу Грезу» художник выполнял по заказу С. И. Мамонтова для Нижегородской выставки 1896 года. Профессора академии, входившие в жюри выставки, забраковали панно «за претенциозность». Не понравилась жюри и сказочная призрачность «Принцессы».

Мамонтов все-таки выставил эти панно, построив для них специальный павильон, над входом в который повесил большую надпись: «Выставка декоративных панно художника М. А. Врубеля, забракованных жюри императорской Академии художеств». Картины имели большой успех.

Продолжая тему «Микулы Селяниновича», Врубель пишет «Богатыря». Это обобщенный образ русского былинного героя. Есть у него родство с врубелевскими Микулой, и Вольгой, и Паном. Он более сказочный, чем богатыри В. Васнецова. Может быть, картина «Три богатыря» и послужила толчком к работе Врубеля,— он находил ее образы недостаточно былинными.

Приступая к композиции «Богатыря», Михаил Александрович нашел на каком-то извозчичьем дворе, где стояли ломовики, коренастого, широкогрудого коня с толстыми, короткими ногами. Писал с натуры. На богатыря своего поверх кольчуги надел стеганый ватник — защиту от вражеских стрел. Получился богатырь грузный, большой. Глаза ясные. Мешковатый, могучий, смелый, умный и хитрый — такой всех проведет, всех победит.

Жена Врубеля в январе 1899 года писала своей сестре: «Представь, Дягилев отказался взять «Богатыря» на выставку, между тем Миша все время работал над этой вещью и сам находит, что еще ни разу не доводил вещь до такой законченности... Они решили на этой выставке примириться с публикою и не выставлять ничего возмутительно смелого».

После того, как «Богатырь» все-таки был выставлен, он наделал много шума в художественном мире. Интересны впечатления Римского-Корсакова: «Мне кажется, что «Богатырь» значительно удаляется от загадочного направления, и мне он нравится».

Фантастичность врубелевского образа, условность решения раздражали тех, которые хотели своими привычными понятиями ограничить реалистическое искусство.

А Врубель в самых своих великолепных фантазиях всегда оставался реалистом и все сказочные произведения проверял жизнью. Молодому Прахову, искусствоведу и художнику, живописец давал такой совет: «Когда ты задумаешь писать что-нибудь фантастическое — картину или портрет, ведь портрет тоже можно писать не в реальном, а в фантастическом плане,— всегда начинай с какого-нибудь куска, который напишешь вполне реально. В портрете это может быть перстень на пальце, окурок, пуговица, какая-нибудь малозаметная деталь, но она должна быть сделана во всех мелочах строго с натуры. Это, как камертон для хорового пения — без такого куска вся твоя фантазия будет пресная и задуманная вещь — совсем не фантастическая».

...«Гамлет и Офелия» — одна из первых попыток молодого художника создать самостоятельную картину, которую он предпринял по совету Репина: «Начинайте вы какую-нибудь работу помимо академии и добивайтесь, чтобы она самому вам понравилась».

У Врубеля в это время была мастерская. Явился и сюжет — Гамлет и Офелия. Сделал эскиз. Но по письмам художника того времени видно, что не сразу все заладилось.

Натурщиков нет. Начал писать для Гамлета автопортрет. Затем увлекли другие работы. Но стремление воплотить в живописи этот глубокий, сложный характер не оставляло художника. И зимой в письме к сестре Врубель подробно рассказывает о «Гамлете»: «С картиной все неудачи: писать самого себя, оказывается, за невозможностью устроить освещение, невозможно. Так что 2-месячный труд рисования собственной головы пропал даром (разве может служить хорошим портретом). Бруни, взявшись позировать, теперь, с приближением конкурса, сильно стеснен во времени, а через две недели и вовсе перестанет бывать. Диллон, ученица, невозможно пудрится и имеет отвратительный лиловый оттенок на фоне гобелена, так что мне сильно хочется от нее отделаться. Сегодня вечером у меня с Серовым было серьезное совещание, как наладить это дело. Он берется позировать каждый день по полтора часа; женскую фигуру беру с одной из его двоюродных сестер».

Двоюродная сестра — это Мария Яковлевна Симонович, которую В. А. Серов написал потом в одном из своих самых лучших произведений — «Девушка, освещенная солнцем». Сохранился и ее карандашный портрет работы Врубеля.

Композицию «Гамлет и Офелия» художник не завершил. Он получил большой заказ в Киеве и уехал из Петербурга. Может быть, это помешало, а может быть, художник еще не был готов к тому глубокому воплощению характера, которое сам от себя требовал.

У Врубеля был острый ум. Он создавал картины великолепным талантом живописца, но контролировал их строгим разумом. Возможно, поэтому художник так часто не заканчивал работу, когда видел, что она не сможет подняться до желаемой вершины.

После смерти художника каждая работа, даже не завершенная, становится окончательной. И зритель хочет видеть если и не осуществленный замысел, то разные грани таланта.

Н. СВЕТЛОВА

М. Врубель. (1856—1910). БОГАТЫРЬ.

Русский музей

М. Врубель. ГАМЛЕТ и ОФЕЛИЯ.

Русский музей

Владимир ФИРСОВ

Республика Бессмертья

ПОЭМА

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ.

Традиционная надпись на братской могиле.

...Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей.

Н. А. Некрасов

Моя история не диво.
И дивом разве объяснить
Ее суровую правдивость,
Где трудно слово заменить?

Я забывал о ней.
И снова
Припомнил в траурной тиши.
И к горлу подступило слово,
Похожее на крик души.

Когда в безмолвную минуту
Отяжелела тишина,
То взрывы скорбного салюта
Напомнили, что есть война.
Она идет.

И будет длиться,
Покамест нет путей иных.
Но я никак не мог смириться,
Что нет Гагарина в живых.
Что волосы его льняные
Не потревожит ветерок,
Что не услышу я отныне
Его смоленский говорок...
Но — верьте мне или не верьте —
Я с болью понял,
Что опять
К его такой нежданной смерти
Недолго будем привыкать.
Привыкнем в постоянстве зыбком,
В заботах, в праведных трудах
К отсутствию его улыбки,
К названьям улиц в городах.

Привыкли к смерти Комарова.
Смирились все-таки. Смогли.
Привыкли, как к раскатам грома,
Как к уходящим с космодромов
Ракетам — детищам Земли,
Что нашу славу возносили
К недосягаемым краям...
И снова нужно боль осилить.
От сердца горевать России
По самым лучшим сыновьям.

По тем,
Которые безмерно
Ее любили,
И ушли
Навек — в Республику Бессмертья,
И стали совестью земли.
Не дивом дивным и не чудом
Дорога их озарена...
Моя история оттуда,
Из той Республики она.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Звучат привычно, отдаленно
Бои, прошедшие давно.
Не всех героев поименно
Нам, видно, помнить суждено.
Их миллионы,
Тех героев,
Не покорившихся врагу,
О ком мы думаем порою,
Пред кем в неслыханном долгу —
Кто шел в огонь со школьной парты,
С лугов, прокос не докосив...

Моя история
О парне,
Каких немало на Руси,
Им люди имена вверяли,
Которые из века в век
По-своему олицетворяли
Спокойствие озер и рек,
Простор полей в ночных туманах,
Тропинки в утренней росе.
Антоны, Прохоры, Иваны,—
Да разве перечислишь все,
Все имена,
Где столько сини,
Где столько света и тепла!
Ну, вот хотя бы взять — Василий,
И синь ясна, и даль светла.
Я этим именем неброским
Назвал героя прошлых дней.

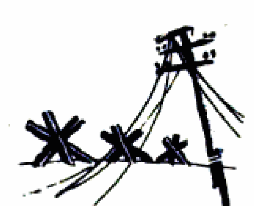
И да простит меня Твардовский
При всей суровости своей.

Василий...
Пахнет сонной мятой
И холодком зари лесной.
Василий!
Тишина подмята.
И на границе — гибель брата.
И — дым над отчей стороной.
Василий,
Путь в бессмертье начат,
Последний путь в твоей судьбе.
Василий,
Слышишь, мама плачет
И причитает по тебе.

Первый плач матери

Уж ты радость моя да последняя.
Улетаешь ты из родных краев,
От земли, где спит батька родный твой,
Где до встречи с ним жить мне маяться.
Неспроста, знать, тебя потребовали
На чужу сторонушку дальне-дальнюю.
Города там, говорят, белокаменны,
Только ими любоваться будет некогда.
Навалилась на Россию нашу матушку
Ой, великая война да кровопролитная...
Станут вас учить, добрых молодцев,
Приучать ко ружью да казенному,
Ко штыку да ко вострому,

Ко сабле да ко быстрой.
На часах стоять да на
минуточках,
Повострей смотреть ночьми
темными,
Почутчей слушать ушми
молодецкими,
Побойчее быть да поуверистей,
Не сдаваться ворогу поганому,
Поганому да лиховитому,
Лиховитому да ядовитому...
Уж ты дитятко мое рожоное,
Не отдай фашисту распроклятому
Ни одного лоскутка
России-матушки.
А уж мы да вам поможем
повыстоять,
Отстоять поможем да
повытерпеть...
Ой, земля, земля, дела давние,
Дела давние, края дальние!
Много вас, молодцов, да уложено
В тех краях далеких да угроблено
С молоду веку до середины веку!
Учены вы да были рощены,
Не заработали гроба соснового,
Гроба соснового да савана белого.
Не омыта ваша кровь горячая,
Не закопаны вы да во желты
пески,
Не надето на вас платье чистое.
Прострелены да груди белые,
Оторваны да буйны головы...

ГЛАВА

ВТОРАЯ

«Ни лоскутка России...»
Где там!
Врагу огни Кремля видны.
В шинели серые одета
Одна десятая страны.
Ну что ж!
Не привыкать России
Держать пред будущим ответ...

А вспомнят ли тебя, Василий,
В тиши послевоенных лет?
Не скажут ли
На белом хлебе
Юнцы, возросшие в тепле,
Что ты
Придуман мной,
Что не был,
Что даже не жил на земле,
Что это я идеи ради
Сквозь ту окопную беду,
Как на смотру,
Как на параде,
Тебя, красивого, веду.

Так скажут те, кто, не надеясь
На собственную правоту,
Внесет в понятие ИДЕЙНОСТЬ
Сомнительную широту.
С той широтой
Померкнут грани
Меж злом и праведным добром.
Ту широту и обэкранят
И лихо выпишут пером.
И молодым, не знавшим горя,
Привыкшим к чувственным словам,
Дадут слепую грусть по морю,
По неоткрытым островам.
Взамен армейских побратимов,
Идей, что в смертный бой ведут,
Дадут им парус бригантины,
Маршрут сомнительный дадут.
Бездумную тоску разбудят
По легкой жизни, по тряпью.
И кое-кто легко забудет,

За что
Василий пал в бою...
Не знал он, что героем станет.
А что он знал?
Да ничего.
Он знал, что был Иван Сусанин
За три столетья до него.
Он помнил, как сражался Тушин
В кровавый день Бородина.
Он песни о гражданской слушал
И пел о девушке Катюше,
Хмелея, словно от вина.
Обычный парень, сын крестьянки,
В семье возросший без отца,
Он смело шел на вражьи танки
И, хороня друзей останки,
В победу верил до конца.
Был славным пахарем Василий.
Солдатом был — врагам на страх.
Тысячелетие Россия
Нуждалась в эдаких сынах.
И каждый был из них солдатом
На протяжении веков.
И в том земля не виновата,
Она рожала мужиков.
Рожала для трудов спокойных,
Для самых мирных дел земли.
Но ей навязывали войны!
И пахари в солдаты шли.
И каждый знал о том, что тело
С душою не одно и то ж,
Что Родина — святое дело:
Умрешь,
А вроде не умрешь.

Так верьте, молодые, верьте
В нелегкий путь своей страны
И в ту Республику Бессмертья,
Что выросла за дни войны.

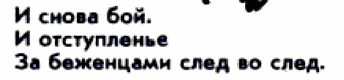
ГЛАВА

ТРЕТЬЯ

Эх, мама, мама...
Меркнут дали.
В глазах от пламени темно.
На днях Орел с боями сдали,
Но не сдаемся все равно.
Война.
Не привыкать к утратам.
Идут жестокие бои.
Ты верь,
Я честно мщу за брата,
За слезы чистые твои.
Безлесье...
Все — как на ладони.
Идем в простреленных полях.
День изо дня друзей хороним.
И спим, как кони,
На ногах.
Мне Костромщина наша снится.
Ее леса...
А здесь — ни пня,
Ни деревца, чтобы укрыться
От перекрестного огня.
Но, думаю, минуют годы,
Неся с собою тишину,
Я выучусь на лесовода
И разводить леса начну.
И в этот край,
Где волен ветер
Творить, чего захочет сам,
Войдет мой лес — широк и светел,
Как ровня костромским лесам,
И в черноземном этом крае,
Что потемнел за дни войны,
Березы песни заиграют
Среди безбрежной тишины.
И в том лесном разноголосье,
Что сладко растревожит мир,
Раздастся трубный голос лося,
Идущего на брачный пир.
Здесь будут чудо-урожаи,
Коль зашумят — земли краса,
Горячий воздух остужая
И лютый ветер отражая,
Земли краса — мои леса.
Вот видишь, мама, размечтался.
А всяко может быть. Война!
Я надолго с тобой расстался,
Но это не моя вина.
Я на судьбу свою не плачусь.
Пока перед тобой в долгу,
Я верю, что вернусь.
Иначе
Я даже думать не могу.
Прими сыновнее спасибо
За все добро, тепло твое,
За то,
Что мне дала Россию
И право
Защищать ее!

И не казни, что отступаем.
Бывает, надо отступать.
Мы горькой кровью искупаем
Любую брошенную пядь.
И как ты, мама, веришь в бога,
Так верь и в то,
Что я приду
Живым к родимому порогу
В победном радостном году.
Когда он будет?
Я не знаю.
Но крепко верю в эти дни...

Ну вот и все. Прощай, родная,
И для меня
Себя храни.

ГЛАВА

ЧЕТВЕРТАЯ

И снова бой.
И отступленье
За беженцами след во след.

Сегодняшнему поколенью
Не знать печаль тех горьких лет.
Не знать.
И в этом наша сила.
И ради этого
Сквозь дым
Глядела скорбная Россия,
Себя доверив молодым.

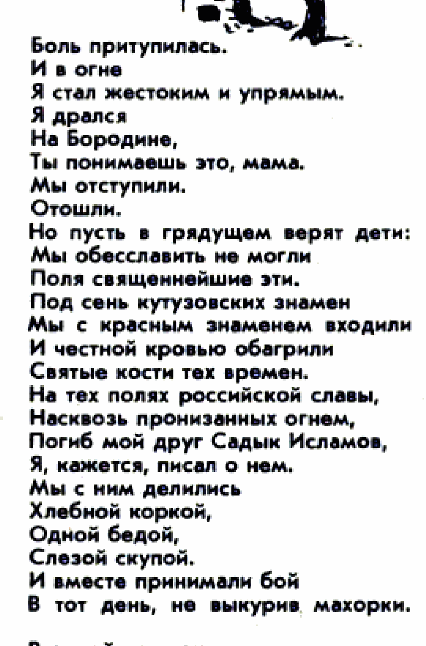
Была уверенна, спокойна,
Когда к отмщенью звала
И, громко проклиная войны,
Священной
Эту
Назвала.

Война была священна!
В этом
Не усомнится даже тот,
Кто, прилетев с иной планеты,
Земли историю прочтет.
Прочтет о том, как под грозою
Страна возмездием жила.
Война священна,
Если Зоя,
Не дрогнув, к виселице шла.
Война священна!
И Матросов
Всем сердцем лег на пулемет...

О, сколько русых и курносых
Во имя жизни
Смерть возьмет!
Они уйдут в сырую землю,
В рассветы, в травы, в дерева,
До самой смерти
Веря,
Внемля
Всей правоте твоей, Москва!

А ты, Москва,
Не за горами,
А вот за тем резным леском...

И снова с думою о маме
Солдат склонился над листком.

ГЛАВА

ПЯТАЯ

Боль притупилась.
И в огне
Я стал жестоким и упрямым.
Я дрался
На Бородине,
Ты понимаешь это, мама.
Мы отступили.
Отошли.
Но пусть в грядущем верят дети:
Мы обесславить не могли
Поля священнейшие эти.
Под сень кутузовских знамен
Мы с красным знаменем входили
И честной кровью обагрили
Святые кости тех времен.
На тех полях российской славы,
Насквозь пронизанных огнем,
Погиб мой друг Садык Исламов,
Я, кажется, писал о нем.
Мы с ним делились
Хлебной коркой,
Одной бедой,
Слезой скупой.
И вместе принимали бой
В тот день, не выкурив махорки.

В одной из вражеских атак
Садык, от боли обессилев,
Упал с гранатами под танк
И громко крикнул: «За Россию!»
Атаку мы отбили.
Но
Потом
Прощай, Бородино.
Мы шли к Москве.
За шагом шаг.
Холмы могил скрывала вьюга.
А тот, предсмертный голос друга,
Он до сих пор стоит в ушах...

Мы ждем приказа наступать.
И на душе светлее стало.
Жестокость русского металла
Врагу придется испытать.
Сердца солдатские запели.
Я слышал от политруков,
Что к нам на помощь подоспели
Дивизии сибиряков.

Плечом к плечу
С Россией рядом
Встают сыны одной страны.
Здесь украинцы и буряты,
Сыны Баку и Ферганы.

Трещит мороз.
Метут метели.
Мы крепко держимся пока...
Вчера участвовал в расстреле
Солдата нашего полка.
В его глазах мольба застыла.
Стоял с поникшей головой.
Ты знаешь, мама, горько было,
Какой ни есть, а все же свой.
Но тот налет сердечной муки
Прошел,
Когда прочли приказ.
Как ни крути, он поднял руки,
Он предал Родину и нас.
Он вяло замер перед строем —
Без звездочки и без ремня.

А мог бы умереть героем,
Но не от нашего огня.
Но он поверил вражьим бредням,
К тому же шкура дорога.
Не первый он
И не последний,
Кто верит в гуманизм врага,
Кто счастлив выжить на коленях
У камелька иных держав...

И я стрелял без сожаленья.
Прости мне, мама,
Я был прав!..
Так и живем — от боя к бою.
Покамест жив и невредим.
Мне миг свидания с тобою,
Хотя бы миг, необходим.
Услышать бы твое дыханье,
Припасть к теплу твоей груди,
В рассвет, пропетый петухами,
С крыльца родимого сойти.
Пройти по костромским
просторам,
С горы в санях слететь легко...
Но до свидания не скоро
И до победы далеко...

Пора!
Ветра полощут знамя.
Ложится небо на штыки.
«Ребята, не Москва ль за нами!»—
Кричат сквозь снеговое пламя
Охрипшие политруки.

Второй плач матери

От соколика мово, мово дитятки,
Прилетело письмо, письмо-
весточка,
Точно ласточка, ой да залетная,
Залетная да развеселая.
Веселиться бы мне, да я плакала,
Что незнама мне с детства
грамота,
Что не мне прочесть мово дитятки
Правду-матушку о житье-бытье.
Но нашлись во селе люди добрые,
Дети малые да ученые,
Уж смогли меня, горемычную,
Тою правдою да порадовать...

Уж и горько мне, что черна война,
Что в земле лежит сын мой
первенец,
Не обмытый мной да не убранный,
Во тесовый гроб не положенный.

И уж радость мне, что живой
меньшой,
Что врага он бьет, помнит
матушку,
За меня стоит, как за весь народ,
За Москву стоит, как за Родину.
И уж плакала я да за его дружка,
За Садыка тово, друга верного.
По всему селу его славила,
В церкви чистую свечку ставила...

Сбереги, господь, мово Васеньку
От огня тово да фашистского.
Не дай милому мому соколу
Опалить в огне крылья светлые.
Кто ж тогда меня да порадует
Добрым помыслом, словом
ласковым,
Кто же высадит во степях леса,
Леса частые, леса чистые.
Сбереги, господь, мое солнышко,
Сбереги глаза мово сокола,
Сбереги его ноги резвые,
Руки белые, крылья крепкие!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Был враг отброшен, но не
сломлен.
Был враг побит, но не разбит.
Но это было
Предисловьем
Ко всей истории побед.
Поди учти, какой ценою,
Какой жестокой правотой
Далась победа под Москвою
Зимою памятною той.

В войне, казалось, нет просвета,
Но Сталин
Волю диктовал.
Матерый враг Страны Советов —
Сам Черчилль, признаваясь в этом,
Его приветствуя,
Вставал.

Когда война к Москве катила,
Он к жизни вызвал имена,
Которые потом твердила
Вся потрясенная страна.
Они легли священным грузом
На души молодых солдат:
Входили Невский
И Кутузов
С бойцами рядом в Сталинград.

С жестокостью фашистов споря,
Собою прикрывая тыл,
Нахимов
Баренцево море
Под вой снарядов бороздил...

Пусть нет его,
В кого безмерно
Когда-то верила страна...
Безоговорочная верность
И нынче Родине нужна.

А это значит —
Нужно верить
Земле, рожающей зерно,
Той правоте, что нам измерить
Лишь кровью воинов дано.

Нам надо верить в нашу славу,
В мечту гагаринских высот,
В свою священную державу,
Что знамя Ленина несет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Уже зацветшие сады
Лежали подбелённой тучей.
Пел соловей над волжской кручей,
Как говорят, на все лады.
В полях отфыркивались кони.
Но голос песни
Нарастал!
Неторопливый и спокойный,
Тот голос ровно рокотал.
В ночную тишь
Пахнуло стужей.
И на цветы мороз дохнул,
И мрачно в слюдяные лужи
Холодный месяц заглянул.

Но, как ни странно,
Не стихали
Мелодии земных высот!
А бабы все еще пахали,
Тогда — и ночь кормила год.
Пахали женщины,
Не слыша,
Почти не слыша соловья.
А только слышали,
Как дышат
В сырых окопах сыновья.

Не ширь полей перед собою
Им виделась,
А те края,
Где спят солдаты перед боем,
Почти не слыша соловья.
И кто-то вдруг сказал:
— Красиво!
Поет, как золото кует.
А что, как он на всю Россию,
На всю весну
Один поет?
А что, как больше нет другого.
И не услышат сыновья
Ну, хоть какого, хоть какого,
А лишь бы только соловья!..

В тиши,
Для фронта непривычной,
Был и другой певец тех дней.
И не какой-нибудь обычный,
А самый курский соловей.
И над речушкой безымянной,
Как тот над Волгой,
В этот час
Он ждал зари своей туманной
И пел, не открывая глаз.
Он пел в рассвете дымно-ржавом,
На рубежах передовых
Для всех сынов моей державы,
Для мертвых пел и для живых.
И песня, разрывая душу,
Скупой слезой касалась глаз.
Не мог он знать, что кто-то слушал
Его в ту ночь
В последний раз.
А если б знал певец об этом,
То все равно бы не молчал.

Он пел!
И первый луч рассвета
На кончике хвоста качал.
В движении смешном и милом
Таилось жизни торжество.
Таким спокойствием и миром
От песни веяло его!
И, вытирая с автоматов
Седые капельки росы,
Его заметили солдаты —
На самом острие лозы.
Его заметил и Василий.
И, слушая его,
С тоской
Подумал:
«Что как он такой
Теперь один на всю Россию?..»
И мысленно ушел солдат
В края, с которыми простился.
Припомнил дом родной и сад,
Где вечно соловей селился.
А как он молодо свистел,
Восторженно рассветы славя!
А вдруг да он, летя сквозь пламя,
Летя домой,
Не долетел?..

Не знал Василий,
Что певца
В тот самый час над волжской
далью
С такой же думою печальной
Встречают матерей сердца.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лицом на Запад веселее
Идти...
И он идет, солдат,
Хоть смерть все так же не жалеет,
Не милует, как говорят.
С ней не поспоришь, не осилишь,
Ей не заткнешь костлявый рот.
Два года с ней прошел Василий,
Глядишь, и далее пройдет.
Глядишь, минует, как и прежде,
Ее жестокая рука.
И остается жить надеждой,
Пока победа не близка.
Насколь близка, никто не скажет,
Еще сильна броня врага.
Насколь близка, она покажет,
Орловско-Курская дуга...
Война!
Сожженные деревни,
Землянок тощие дымки.
По той земле, святой и древней,
Идут советские полки.
Уже солдатские шинели
На спины скатками легли.
И земляничины алели
На взгорьях раненой земли.

Солдаты жадно воду пили,
Устав от знойного тепла.
Дороги к фронту в пыль пылили.
И техника ночами шла.
С достоинством
Она катила
От гор Уральских до Орла
И предъявляла
Право тыла
На те же ратные дела.

На Запад!
Путь один.
На Запад —
Стволы надежных батарей.
Походных кухонь щедрый запах
Становится еще острей.
Солдаты опытнее стали,
Два года все-таки война.
Что ни солдат, глядишь — медали,
Да что медали! Ордена!
И мой Василий не мальчишка,
Не тот, чем был когда-то он.
Недаром в орденскую книжку
И орден Славы занесен.
Не то, чтоб окружен почетом,
А все ж немного знаменит.
В противотанковом расчете
Он первым номером стоит.
Он стал скупее на улыбку
И равнодушней к похвале,
Ведь на войне
На редкость зыбка
Твоя прописка на земле.
В страде, где смерть царит
угрюмо,
Под посвист пуль над головой
О ней нелепо даже думать
По той причине роковой.
Все может быть в страде той
самой,
Где сердце слышится твое,
Где смерть стоит перед глазами,
Где сам ты —
Сеятель ее.
Не верь абстрактным гуманистам,
А мсти, пока в беде народ!
Иди! Ты видишь: коммунисты
Два шага сделали вперед.
Иди за ними.
Дело наше
Превыше всякой правоты.
Плевать, что кто-то после скажет,
Что был прямолинейным ты!

Республика Бессмертья

Твоей посмертною улыбкой
Живые поглядят на тех,
Кто был в тылах гуманно-гибким
Среди земных, мирских утех.
Иди!

И ты идешь упрямо.
И веришь тем политрукам,
Что перед смертью шепчут
«мама»,
Уже принадлежа векам,
Уже принадлежа дорогам,
По коим
В мирной тишине
Живые к отчему порогу
Придут с рассказом о войне.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Три дня подряд
Земля горела,
Развернутая, как ладонь.
Три дня гремела батарея,
Три дня: «Огонь! Огонь! Огонь!»
Теперь огонь не тот, что прежде!

Победный отсвет торопя,
Орловско-Курская,
С надеждой
Глядит эпоха на тебя.
И на тебя, мой друг Василий,
Глазами, синими от слез,
Глядит Советская Россия
Под шум простреленных берез.
За эти слезы, эти очи,
За горе наших матерей
Святым пожаром третьей ночи
Ревут все виды батарей!
То было мужество без меры.
Слепое?
Нет!
Уже три дня
Вкушают «тигры» и «пантеры»
Всю силу нашего огня.

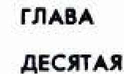
Земля горела.
Было жарко.
Уже не вызывая страх,
Лежат снопами в пору жатвы,
Темнея, трупы на буграх.

Земля горела от металла,
Так сколько ж ей еще гореть?
И земляника опадала
От взрывов,
Не успев дозреть.
Хотя друзей легло без счета,
Василий жив и невредим.
Теперь остался он один
От орудийного расчета.
Один! Один! —
Звучит, как крик.
И снова — новая атака.
Один!
Уже дымят два танка,
А третий режет напрямик.

Гляди, Василий,
Вот он, рядом.
Да что с тобою, что, скажи!
А он уходит долгим взглядом
Туда, где плещет море ржи,
Туда, где костерок дымит,
Где вся в малиновом закате
Родная Волга волны катит
И мать над Волгою стоит...
А танк идет.
Идет сквозь рвы.
Ужасен гром его нестройный.
И так некстати
Шмель спокойно
Ползет по стебельку травы.

Был рядом танк,
Когда Василий
К прицелу медленно припал.
И так же медленно упал,
Неслышно крикнув: «За Россию!»
Легко упал,
Спугнув шмеля,
Лицом на заревые травы,
За нашу веру, нашу славу,
Вдруг ощутив,
Как вертится
Земля...
И стало от зари светло
И тихо, тихо как-то сразу.
И земляничина
У глаза
Алела всем смертям назло!
Она затмила мир собой.
И третий танк в огне пылавший —
Молчал.
И смертью храбрых павший
Не видел угасавший бой.
Не видел,
Как восход густел,
Как шел рассвет, широк и светел,
И как спокойно
Шмель сидел
На остывающем лафете.

Лишь на мгновенье он воскрес,
Увидел тусклыми глазами,
Как травы
Вровень с небесами
Шумели, что дремучий лес.
А он тот лес не посадил
И никогда уж не посадит...
И с неземной тоской во взгляде
Солдат
В Бессмертье уходил.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На Запад!
В мир чужих закатов,
Сплошным огнем врага слепя,
Из боя в бой идут солдаты
Уже, Василий, без тебя.

На них взирает вся планета,
Геройством их изумлена.
Спокойным отсветом рассветов
Им вслед глядит моя страна.

Им нужно до победы драться.
Они идут — за валом вал.
А ты лежишь в могиле братской,
В тиши,
Что ты отвоевал.
И ты не слышишь, как устало
Плетутся беженцы домой.
Землянки торопливо ставят
Над остывающей золой.

Не слышишь ты, как в школах
Снова
Легко звучит родная речь.
Напевен звук родного слова,
Что ты в боях сумел сберечь...

Все дальше
От твоей могилы
На Запад катится война.
И журавли плывут уныло,
Их провожает тишина.
Они плывут над всей страною,
Над Костромой и над Москвой,
Они прощаются с войною,
Чтоб снова встретиться с войной,
Они плывут себе,
Не зная,
Что их не встретит тишина,
Что и в Египте
Мировая,
Да, да, та самая война...

У журавлей такая доля:
Пришла пора — и отлетай.
Да вот, да вот они —
Над полем!
Уже задели неба край,
Уже вошли в зарю.
Все выше.
Коснулись солнца
И пошли
Уже спокойнее и тише —
Туда, на дальний край земли.

Они размеренно летели
Над ширью убранных полей.
И в небо женщины глядели,
Уже не видя журавлей.

Уже над Волгою светила
Скупая, тяжкая заря.
И мать Василия грустила
И все-то думала — не зря,
Ведь ей подумалось невольно
Среди осенней тишины,
Что журавлиный треугольник
Похож
На весточку с войны.
А весть и вправду ожидала...

И мать, как сосенка в бору,
Вдруг покачнулась и упала.
И голова белее стала,
Чем снег,
Что выпал поутру.

Третий плач матери

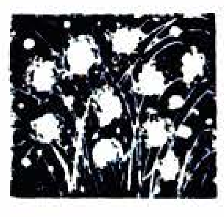
Вот и пала на меня, сиротинушку,
Осень черная, непроглядная.
Не придет за ней зима светлая,
Ой да весна ясная, солнце
красное!
Спит соколик мой во сырой
земле,
Мной не убранный, не увиденный,
Не омыта мною кровь горячая
С тела белого моего сынка,
Не закрыты мной очи карие,
Очи ясные, соколиные...

Как на белый лист со гербом
взгляну,
Так подкосятся ноги старые,
Так опустятся руки стылые,
Затуманятся глаза слезные.

Для чего теперь нужны руки мне,
Если некого приласкать, обнять?
Для чего глаза, если не за чем
На дорогу глядеть, ожидаючи.

Как же писарю жилось-думалось,
Иль железное да сердце писаря?
Как рука его да не дрогнула
Таковы слова взять да вывести?

Для чего мне жить, одной
маяться!
Мне бы крылья те журавлиные.
Полетела б я в степи дальние,
Где уснул сынок сном
небуженым.
Попросила б я землю черную
Расступиться бы, раствориться бы,
Рядом с ним легла б тише тихого,
Вечный сон его ой да
не встревожила.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Война закончилась весною,
Когда черемуха цвела.
Победа наша
Над страною
Салютным отсветом прошла...

Шли годы.
Раны зарастали.
О эти мирные года!
Из пепла города восстали,
Взгляни, какие города!

Аж к звездам поднялась Россия,
Светлей и краше не найдешь,
Мы молодость в труде растили,
Взгляни, какая молодежь!..

А в край степной,
Где спит Василий
Вовеки непробудным сном,
Пришли березы и осины
Напомнить людям о былом.
Пришли с волнующим напевом,
Нелегкий путь преодолев,
Как говорится, самосевом,
Но сколь ужасен тот посев!
Из волжского, иного ль края
Сюда солдат вела война.
И каждый,
Сам того не зная,
Принес с собою семена.

Они до срока тяжелели,
Отлеживаясь в рюкзаках,
В карманах скатанных шинелей,
В подсумках, в пыльных сапогах.

И в кровь солдатскую ложились
Те семена во дни войны.
И вот теперь
Они прижились
В земле, где спят ее сыны.

Обычный лес. Обыкновенный.
Стоит над кладбищем свинца.
И в каждом дереве, наверно,
Стучат солдатские сердца.

Здесь не было лесов издревле.
И вот пришли они с войной,
И близлежащую деревню
Уже давно зовут Лесной...

Брожу июльскою порою,
Как в пантеоне, в том лесу
И к сердцу моего героя
Цветы обычные несу.
Там часто женщину встречаю.
Она идет
Лицом к заре,
Идет по пояс в иван-чае,
В росе, как в чистом серебре.
Она давно рассталась с Волгой,
Давно приехала сюда.
Надолго ли?

Да что надолго!
Теперь уж, видно, навсегда.

Не все равно ль?
И здесь Россия,
И здесь родной земли краса...

Вот и сбылась задумка сына:
Шумят в степном краю леса!

Павел ГЛИНКИН,
кандидат филологических наук

У карты былых сражений

(По страницам военных мемуаров)

Один из критиков недавно справедливо заметил, что у всякого поколения общественное сознание формируется под воздействием каких-то значительных исторических дат. Человек, наблюдавший литературный процесс последних лет, обратил, конечно, внимание на поток книг о прошедшей войне. Поразителен, например, успех военных мемуаров. С удалением от драматических событий острота трактовки последних отнюдь не ослабевает. Сборник документов порой расходится с прилавков быстрее, чем роман.

Возбужденная потребность документальной основы в современной литературе есть отражение общего желания восстановить гордую страницу народной летописи, сохранить благодарную память о павших. Эти естественные стремления поддержаны партией, государством, наукой, печатью. Особенной признательности заслуживают Издательство Министерства обороны и «Военно-исторический журнал». Их усилия окупаются сторицей: в обществе, у молодежи заметно ныне активизируется драгоценное чувство патриотизма.

Однако воздать должное — это не только склонять благоговейно голову. Военные мемуаристы понимают задачу шире. Поясню на примерах.

Трудно поверить, но даже Сталинградская битва лишена в необъятной прессе о ней полноценного освещения. Замысел «Сатурна» возник на основе колоссальной подготовки к зимней кампании 1942 года. Накопленные силы позволяли начать борьбу за стратегическую инициативу. Подобно цепной реакции, пишет М. И. Казаков, в то время начальник штаба Воронежского фронта, должны были нарастать удары, захватывая огромные территории на Северном Кавказе, по среднему течению Дона, в Донбассе, под Воронежем и Харьковом. Операция «Сатурн» разрабатывалась как часть общего разгрома фашистских войск на юге. При полной реализации замысла, помимо котла у Сталинграда, создавалось окружение по линии Чертково, Миллерово, Ростов. В него должны были попасть остатки 4-й, 6-й танковых армий и вся немецкая группировка на Северном Кавказе. Контрудар Манштейна, изменение в связи с этим задачи 2-й гвардейской армии и ряд других обстоятельств повели к переориентации наших усилий. Появился ограниченный вариант плана — «Малый Сатурн». Размах операций с середины декабря сократился. И напрасно, пишет мемуарист, наши авторы старательно избегают даже упоминать об этом, поскольку, мол, не все задуманное удалось. «Война есть война: пока обе стороны достаточно сильны, ход борьбы определяется не только замыслами».

Так с былого снимается ретушь. Мы достаточно повзрослели, чтобы знать правду, чтобы постичь ее обнаженную красоту.

По разным причинам из истории начального периода войны выпали важные эпизоды. Далеко не раскрыто, скажем, значение оборонительных боев под Могилевом, Смоленском, Киевом; за первые пять месяцев тягчайших сражений в невыгодных условиях советское командование осуществило двадцать фронтовых контрударов и несколько наступательных операций. В результате концентрированный натиск главных группировок врага был рассредоточен, мощь первоначального удара ослаблена, стратегический план сорван. Однако наши активные действия той поры исследованы плохо. У художников слова и критиков стало модным представлять первые месяцы боев как «мрачную сумятицу» и черные дни сплошных поражений. Воспоминания воинов содержат массу иных ратных примеров. Л. А. Плоткин в монографии «Литература и война» не зря упрекает беллетристов за упрощение обстановки начального периода войны и ее подготовки. На примере романов Г. Бакланова «Июнь 1941 года», С. Злобина «Пропавшие без вести», «Последние две недели» А. Розена он показывает, что без учета многообразия важных для хода событий фактов неизбежна односторонность концепций.

Узость писательского взгляда соотносилась с аналогичной меркой у определенной части историков и мемуаристов. Необъективность авторов в освещении начальной стадии войны выражается обычно через нагнетание отрицательных свидетельств и тенденциозных оценок, что неизбежно приводит к гнетущим искажениям. Критика исторической литературы вынуждена была резко выступить против особого рода трудов, где роль центральных военных организаций накануне и в начале войны преподносится таким образом, что вся их деятельность видится только в черных красках, вызывая у читателя горечь и гнев. Среди подобного рода работ особенно выделилась грубо тенденциозная, искажающая общую картину начала войны брошюра А. М. Некрича «1941. 22 июня». Стремление обозначить пагубную нераспорядительность властей привело к откровенному отказу от истины и М. Галлая в воспоминаниях «Первый бой мы выиграли» («Новый мир», № 9, 1966). По утверждению автора, корпус, прикрывавший столицу с воздуха, был вооружен преимущественно устаревшими самолетами. На самом деле две трети авиаполков под Москвой имели новейшие по тому времени машины «ЯК-1», «МИГ-3», «ЛАГГ-3». Необъективность тут не в деталях, а в позиции, ибо, говоря о защите Москвы от налетов, М. Галлай «подчеркивает лишь одни теневые стороны, опуская всю ту огромную работу по укреплению противовоздушной обороны, которая задолго до начала войны была осуществлена ЦК ВКП(б) и Московским комитетом партии» (А. Шиманский, М. Малахов. За высокий идейный уровень мемуарной литературы.— «Военно-исторический журнал» № 7, 1967).

Сейчас эта болезнь преодолевается. Не без борьбы, разумеется. Обращение к достоверным источникам, широта аргументации и непредвзятость исключают субъективизм при характеристике мер Советского правительства по организации отпора агрессии.

Мы долго с неиссякаемым увлечением говорили о пресловутых ошибках нашего Верховного командования и мало слышали о гибельных ошибках вождей третьего рейха. Но факты упрямы. В частности, изучение предвоенной экономики Германии вскрывает несостоятельность гитлеровских планов, авантюризм генштабистов, заблуждения фашистской разведки. Научный анализ подтверждает необеспеченность «похода на Восток» и значительно более основательную подготовку к войне в Советском Союзе.

Для успеха современных армий, какими располагали в тридцатые годы противостоящие силы, важней географии и климата расчет соотношения потенциалов. План «Барбаросса» был предприятием с негодными средствами, ибо зиждился на авантюристическом определении возможностей противника, хотя, конечно, начиная столь роковую кампанию, стратегам следовало учесть и погоду, и состояние дорог, и необъятность театра боевых действий. К этому обязывали их элементарные требования военного искусства и печальный опыт предшественников. Но, как с горечью признал командующий группами войск «Север» и «Южная Украина», «разведка, направленная на Восток, была совершенно недостаточной в части сбора данных о России... немецкому солдату пришлось дорого заплатить за эту горькую науку».

Генерал-лейтенант В. Г. Позняк (предисловие к воспоминаниям А. Филиппи) и маршал А. И. Еременко («В начале войны») отмечают недопустимую, чисто профессиональную небрежность готовивших восточный поход инстанций, которые более или менее верно определили только первый стратегический эшелон Красной Армии — войска приграничных округов. Кадровые части в глубине страны, двинувшиеся к фронту сразу, после или даже за несколько дней до 22 июня, всерьез не принимались. Мало того: даже планируемый блицкриг должен был длиться четыре месяца, а за этот срок десятками возникли формирования военного времени — третий стратегический эшелон. Его также игнорировали.

Презрели гитлеровские страте-

ги и необходимость иметь собственные резервы. Ввиду непредусмотренного сопротивления Красной Армии сухопутные войска за первый же месяц израсходовали половину запаса дивизий. К началу октябрьского наступления на Москву резерв группы «Центр» растаял до одного танкового соединения, полка СС и учебно-тренировочной бригады. Через два месяца на тысячекилометровый фронт группы армий приходилась одна резервная дивизия; у главного командования немецких частей в запасе вообще не осталось.

Именно отсутствие резервов, по мнению некоторых теоретиков, сбило наполовину темп немецкого продвижения уже к середине июля.

«Под давлением «уничтоженных» сил противника германские армии в значительной степени утратили свободу маневра и инициативу. Через 5 недель после начала войны наступило такое время, когда Гитлер вынужден был ориентировать свою стратегию... на мероприятиях Красной Армии, приспосабливать ее к ним» (Гейнц Штехборт. О некоторых проблемах фашистской стратегии в осенне-летней кампании 1941 г. против СССР).

Как известно, при подготовке нападения возникало несколько вариантов разгрома Советского Союза и постоянно имелся в виду абсолютно пассивный противник, трактуемый только как объект действий. Движение собственных войск авторам «Барбароссы» представлялось лишь быстрым преследованием, «маршами с боем» и «маршами без боя». Даже наступление в истинном его значении — с прорывом укрепленных рубежей, паузами для перегруппировки и т. д. — не рассчитывалось.

Нехватка резервов, упование на бездеятельность противника повели к отказу создавать сплошной фронт. Между основными группировками противника возникли незанятые войсками промежутки в 150—300 километров. Высокомерным этим небрежением блестяще, кстати сказать, пользовалось советское командование: Торопецко-Холмская операция, удар 26-й армии от Канева на Богуслав и др.

Таким образом, в основу тактики вермахта были положены беспорядочные наступательные действия по нескольким оперативным направлениям без уверенного обеспечения флангов. Оборону гитлеровский генералитет исключил из своего арсенала. В результате к защитным действиям вермахт оказался совершенно не подготовлен и за всю войну не выиграл ни одного оборонительного сражения. Между тем «таких войн, которые бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали как исключения» (В. И. Ленин).

Итак, двинулись на Восток с упованием на исключительный случай.

Как чаще всего бывает, недооценка противника — самая опасная из возможных на войне ошибок — повлекла за собой другую, не менее гибельную. Предоставим слово генерал-лейтенанту В. Г. Позняку: «Филиппи пишет об «озабоченности» фашистского генерального штаба при разработке плана войны против СССР... Но «озабоченность» эта отнюдь не привела к какой-либо осторожности, к разработке гибкого плана, предусматривавшего различные варианты действий. Нет».

«Проанализировав соотношение сил и возможные намерения противника», гитлеровское командование решило покончить с Советским Союзом одним ударом... как с панской Польшей, Францией, Югославией и Грецией. Это уже был шаблон»...

Шаблон для любого искусства противопоказан — в военном за него платят кровью.

Не менее выразительны факты экономического анализа. Следствием недопустимой близорукости явилось медленное расширение военного производства Германии, неизменного, по существу, почти весь 1941 год. Это повело, например, к грубым просчетам в изготовлении боеприпасов. Легкие победы в Западной Европе и на Балканах вскружили голову руководителям рейха, они уверовали, что в войне против Советского Союза расход огня не возрастет, а, возможно, уменьшится. Было решено сократить выпуск боеприпасов, высвобожденные же резервы использовать для строительства подводных лодок. Но в первые же месяцы войны стало ясно, что потребность в огневых средствах на Восточном фронте значительно превосходит прежние нормы. За весь 1941 год промышленность дала 540 тысяч тонн боеприпасов, а за полгода сражений с Красной Армией только сухопутные силы вермахта израсходовали 583 тысячи тонн. Возник кризис с обеспечением фронта патронами и снарядами. Потребовалась срочная перестройка промышленности.

Так, в свете достоверных данных выглядит хваленая изощренность в подготовке агрессии. Ратующий за историческую правду не должен проходить мимо подобных фактов. Умолчание их, акцент на ошибках только одной стороны создают ложное представление о подготовке к войне и ее начальном периоде.

Но тут, пожалуй, стоит поразмыслить на тему, не умаляем ли мы в полемике серьезность намерений врага, его коварство и возможности. Ведь Отечество на самом деле пережило смертельную опасность, только невероятное, необъяснимое для многих физическое и духовное напряжение народных масс в конечном счете спасло положение. Что страна находится близко к грани катастрофы — так полагали в 1941 году не одни только недруги да союзники. Колебались и подлинные доброжелатели. Не обошлось без проявлений паники и в собственных наших пределах. Нет, замыслы врага не были легкомысленны и тогда отнюдь не казались нам предприятием с негодными средствами. Грешно упрощать задним числом — борьба действительно шла не на жизнь, а на смерть.

Тем величественнее подвиг народа, страны, армии. Но страна, армия, народ — это и управляющие органы, партийные и государственные лидеры. Людская молва, история, искусство сохранят для потомства память о нерушимом единстве советского общества в грозный час. И, помня свои победы, народ чтит и своих полководцев. Священны плиты у могилы Неизвестного солдата, но священны и камни над гробницей Александра Невского.

Историзм взглядов на прошлое можно понимать по-разному. Можно, как полагают некоторые прозаики и мемуаристы, ощущения и думы того времени модернизировать. Умы еще более гибкие вполне допускают в книге двойственность оценок одного события: то, что думал автор, когда предпринимал действия, и то, как они ему видятся сейчас.

В каждом из этих подходов есть, наверное, свой резон. Но есть и свои заблуждения. Вряд ли возможно, чтобы пишущий о прошлом не корректировал его вольно или невольно. Знание конечных результатов, раскрытая взаимосвязь явлений, господствующие в данный момент концепции неизбежно кладут отпечаток на воззрения художника или мемуариста. Только документ или дневник несет на себе неизменный облик времени (хотя, естественно, и они сегодня читаются иначе, чем вчера). Мемуарист же вообще лишен возможности оперировать представлениями и эмоциями двадцатипятилетней давности. Ему посильна лишь реставрация их. При этом теперь, конечно, некоторые из них могут показаться наивными. Но стыдна ли та наивность? Мужественный и честный человек доносит отголоски тогдашних волнений и хлопот, «чтобы дать читателю представление о том, как постепенно в трудных условиях маневренной войны совершенствовалась работа» (А. А. Вишневский. Дневник хирурга).

Итак, не подмена, может быть, горького кому-то, неизящного или, наоборот, слишком парадного прошлого, а бережное его восстановление делают ценным исторический или художественный труд. И тут уже есть зависимость от субъективных начал. Будь то роман иль воспоминание, научная статья иль публицистика — абсолютно важна позиция автора. Постыдно намерение чернить прошлое, не от крепости духа и желание украсить его. Но это крайние случаи деформации былого под пером очевидца. Не они, к счастью, определяют сегодня уровень современной нашей военно-исторической мысли. Напротив, в отпоре подобным тенденциям выковался тот тип военного мемуариста, который снискал уважение у читателя и книги которого с успехом заменяют иные «художественные осмысления».

Вместе с тем даже при явно враждебной позиции летописца — я имею в виду воспоминания гитлеровских генералов — они дают нам в руки порою уникальные, иным путем недостижимые сведения. Случается, свидетельства недруга служат подспорьем — парадокс! — в тяжбе с нашими домашними скептиками.

Ну, а кроме того, мы не можем отказать себе в удовольствии заглянуть в святая святых когда-то грозных замыслов врага, в тайники его стратегии и тактики. Если б мы знали тогда хоть долю того, что чувствует и переживает супостат! Но и задним числом это дрожание его души, эти смертные страхи, бессильная злоба, сознание неотвратимости рока, запечатленные им собственноручно, порою образно, приносят неизведанное удовлетворение. Даже отступая, теряя города, целые республики, неся миллионные жертвы, мы так изматывали врага, что закладывали крепкие камни в фундамент грядущей победы. Тяжко нам приходилось, но во сто крат отчаяннее с первых же шагов по чужой земле сделалось положение агрессора.

Ни бравурные радиомарши и звон победных реляций, ни головокружительные броски механизированных корпусов Гудериана и Гота, ни мнимая легкость маневров на просторах необъятной страны даже на короткое время не ввели в заблуждение самих повелителей. Трагизм Германии раньше всех почуяли высшие армейские инстанции фюрера. Пропаганда и действительность ни на йоту, ни на минуту не совмещались. Война с первых же мгновений глянула в глаза авантюристам страшным холодом, жестокой неоспоримостью правды. И это история зафиксировала.

Гудериан, потеряв половину своих танков, пережив на фронте стыдные мгновения, когда пришлось спасаться от разрывов в ближайшей канаве и уносить ноги от наших солдат, которые вдруг вырастают перед носом отнюдь не с намерением сложить к вашим ногам оружие, недавний баловень фортуны сетует на верховное командование, которое-де упоено блестящими итогами первых боев и не видит осложнений. Ошибся и в этом танковый Гудериан. Не читал он, слагая свои «Воспоминания солдата», дневников Гальдера. Мы тоже лишь недавно познакомились с ними. Они любопытны.

Уже на третий день вторжения начальнику генерального штаба сухопутных войск стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся немецким войскам. Через пять дней: «На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский механизированный корпус глубоко вклинился в наше расположение и зашел в тыл 11-й танковой дивизии. Это вклинение противника, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу... Противник угрожает с юго-запада Дубно... русские всюду сражаются до последнего человека... Бросается в глаза, что при захваченных батареях большей частью взяты в плен лишь отдельные люди... Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам... В Польше и на Западе мы могли позволять себе известные вольности... теперь это недопустимо». Шестнадцатый день вторжения: «Оптимистическое настроение у командования 11-й армии снова испарилось». Двадцать третий: «11-я танковая дивизия потеряла 2 000 человек». Двадцать пятый: «Противник силами около семи дивизий перешел в наступление из района Гомеля на правый фланг группы армий «Центр». Двадцать девятый: «Число боеспособных разведывательных самолетов резко сокращается... Отдельные группы противника, продолжающие оставаться в нашем тылу, являются для нас настоящим бедствием».

По прошествии месяца отдельные акценты, выдающие замешательство, недоумение, сливаются в меланхолический мотив.

«На фронте группы армий «Центр» противнику удалось разорвать кольцо окружения в райо-

не Невеля... обстановка складывается печально. Вышедшие из окружения части противника двинутся на Великие Луки, в результате чего положение 19-й танковой дивизии, уже сегодня испытывающей очень большие затруднения, станет крайне тяжелым... обстановка на ряде участков фронта группы армий «Центр» резко обострилась. На южном фланге группы армий противнику удалось вклиниться в наш фронт. На вновь создаваемом участке фронта севернее и южнее Смоленска... противник ведет упорные энергичные атаки... Ожесточенность боев... затяжка с прибытием на фронт пехотных дивизий... медленность вообще всех передвижений по плохим дорогам и, кроме того, большая усталость войск, с самого начала войны непрерывно совершающих длительные марши и ведущих упорные кровопролитные бои,— все это вызвало известный упадок духа у наших руководящих инстанций. Особенно ярко это выразилось в совершенно подавленном настроении главнокомандующего сухопутными войсками».

Как видим, тут и намека нет на пресловутую наглую самоуверенность немецких генералов в начале войны. Стереотипные представления часто возникали от недостатка знаний. Публикация совершенно секретных в прошлом документов открывает на многое глаза.

Но вернемся к дневникам Гальдера. С середины августа в голосе начальника генерального штаба зазвучали вполне человеческие интонации, от позы бесстрастного летописца окончательно не остается следа.

«На всех участках фронта, даже там, где не ведется наступательных действий, войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне. Верховное командование обладает крайне ограниченными средствами. Группы армий разобщены между собой... В эти бои брошены наши последние силы. Каждая новая перегруппировка... требует от нас крайнего напряжения сил и непроизводительного расхода людских и технических ресурсов. Все это вызывает нервозность и недовольство у командования и рост недовольства действиями командования... Мы не знаем конкретных условий, в которых развиваются события. Если события будут развиваться медленнее, чем мы этого желаем, тогда будут считать, что с нашей стороны не было проявлено достаточного желания и рвения или даже имело место злостное самоуправство... Общая обстановка показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия... был недооценен нами. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные моменты... Дивизии противника, конечно, не вооружены и не укомплектованы в нашем понимании. Но, однако, эти дивизии имеются. И если даже мы разобьем дюжину из этих дивизий, то русские сформируют еще одну дюжину. Русские еще и потому выиграют с течением времени, что они сидят на своих базах, а мы все более отдаляемся от своих баз... (Итак, уже через 51 день войны, 11 августа, начальник генерального штаба сухопутных войск понял: война проиграна!!!) Таким образом, создается положение, при котором наши войска, страшно растянутые и разобщенные, все время подвержены атакам противника. Противник же потому и имеет местами успехи, что наши войска ввиду растянутости на огромных пространствах вынуждены оставлять громадные разрывы во фронте...»

Стратегическая цель советского командования — рассредоточить ударные силы врага по множеству направлений, как явствует из слов Гальдера, достигнута.

Таковы результаты первых шести недель боевых действий. Настроения Гальдера не исключение; они отражают складывавшуюся в ставке фюрера атмосферу. В октябре Гитлер горько признался приближенным: «22 июня мы распахнули дверь и не знали, что за ней находится». Месяц спустя при обсуждении оперативной обстановки он поднял вопрос о «переговорах для заключения перемирия». Примерно в то же время генерал-квартирмейстер вермахта заявил: «Мы находимся на грани истощения наших людских и материальных ресурсов». И, наконец, спустя еще месяц эти обмолвки и проблески, полуофициальные признания или внутренние озарения предводителей нашли выражение в документе: 8 декабря ОКВ (Главнокомандование сухопутных сил) отдало директиву «немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне».

Такова была реакция германского командования на развитие стратегических событий. Результаты первых же операций, ход их оказали разлагающее воздействие и на умы низшего, окопного, так сказать, уровня действующих лиц. Моральный дух немецких войск с середины июля начал резко падать. Письма фронтовиков, которые наша печать обнародовала еще тогда, в 1941 году, зафиксировали этот процесс. Сейчас это своеобразное эпистолярное наследство дополняется рапортами офицеров-фронтовиков.

Маршал Еременко, восстанавливая картину малоисследованного Смоленского сражения, пишет о том, как к началу сентября, то есть к исходу этого сражения, сильно поослаб пыл солдат немецкой армии, и приводит выдержки из донесения батальонного командира.

«Вследствие больших потерь за последние дни батальон не в состоянии регулярно действовать. Боеспособность — трагическая. С личным руководством со стороны офицерского состава дело обстоит очень опасно. Эта напряженная обстановка привела к тому, что батальон можно заставить идти в наступление только принудительно, силой оружия».

Таковыми становятся «доблестные» войска фюрера не через 18 или 6 месяцев войны, а через 40 дней. Тут есть существенное, я бы сказал, принципиальное различие. Далее Маршал Советского Союза пишет:

«Офицеры и штабы были охвачены нервозностью. Иными стали и приказы германского командования: из них стали исчезать слова «внезапность», «молниеносность». В последних приказах все чаще говорилось о потерях, о бережном отношении к материальной части, об экономии горючего и боеприпасов. Командиров предупреждали, чтобы они не рассчитывали на прибытие танков и автомашин, на пополнение живой силой. «Русские контратакуют и обороняются упорно и храбро и часто гибнут на том месте, куда они были поставлены приказом своего командира...» — так писал о наших солдатах враг».

Бесхитростная горечь солдат, недоумение и растерянность офицеров, отрезвление генералитета приходят ныне в соответствие с данными о состоянии духа верховных вождей. Круг замкнулся.

При освещении войны у некоторых наших журналистов и художников возникли трафареты и ходовые суждения. Повторенные тысячекратно в различных формах печатного слова, на экранах и сцене, они перешли и в исторические труды, прозвучали из уст военачальников, политических деятелей и, получив общественное полупризнание, обрели вид почти бесспорного. Таков образ самоуверенного и наглого немецкого солдата, утратившего спесь где-то к концу 1942 года, еще более схематичный стереотип гитлеровского генерала в блестящем плаще, фуражке с высокой загнутой тульей, резкого, жестокого, начисто лишенного эмоций, почти автомата. Таковы мифы о превосходной организации немецкого государственного аппарата, совершенной оснащенности войск, о четком планировании штабами операций и завидной налаженности поставок оружия, боеприпасов, снаряжения. Такова легенда об отличной подготовленности к войне гитлеровской Германии и, напротив, почти катастрофической неготовности нашей. Такова версия о полной неожиданности для нас нападения. Это лишь часть устойчивых «истин». Немало и других. Одни родились в пору тяжких испытаний, другие — в послевоенные годы. Так, в письме Всеволоду Вишневскому руководитель ССП А. Фадеев на третьем году войны пишет о том, что «среди известных кругов интеллигенции еще немало людей, понимающих интернационализм в пошло-космополитическом духе», что «именно из этой среды в первый период войны раздавались голоса о будто бы существующем преимуществе немцев перед нами в области организации, в области военной науки и т. п.». Многие из подобных теорий уточнены, опровергнуты или рушатся в свете научного анализа. Но полемика по актуальным проблемам Великой Отечественной войны часто замкнута на страницах специальных изданий, ученых трудов и отголосками едва доходит к широким читательским массам. Новые взгляды очень медленно проникают в художественную прозу и почти не коснулись литературоведения и критики.

Не будучи специалистом военного дела, филолог, естественно, обращается за помощью к авторитетным источникам, чаще всего к мемуарам полководцев, реже к трудам военных историков. Но его сознание уже обременено сведениями о тех самых «истинах», о которых только что шел разговор. Если данные авторитета не сходятся с устоявшимся мнением, в душе филолога возникает противоречие. Встает дилемма: менять мнение или обходить препятствие. То и другое сделать трудно, тогда возникают попытки примирить несовместимое. В монографии «Литература и война» профессор Л. Плоткин, широко процитировав «высказанную в самое последнее время» точку зрения двух крупных военачальников, сочтя ее «компетентной, объективно убедительной», делает вывод об известных романах Г. Бакланова и А. Розена, подвергшихся справедливой критике в нашей печати: «Она (точка зрения маршалов Баграмяна и Гречко.— *П. Г.*) позволяет заключить, что постановка вопроса в романах и повестях советских писателей отвечает исторической правде». Но в душе у автора столь решительного вывода неспокойно. Все-таки читатель может прочесть упомянутые выступления маршалов сам, и не в тех извлечениях, которые сделал филолог. Поэтому следующая фраза как бы уравновешивает или нейтрализует подозрительную благополучность первого вывода, дает оценкам вид объективности. «Вместе с тем,— продолжает Л. Плоткин,— должно признать, что обстановка в те грозные времена была сложней, противоречивей, чем это запечатлено в книгах наших романистов». ...Итак, с одной стороны, романы отвечают исторической правде, с другой — «необходимо в решении проблемы избегать односторонности». Но односторонность — это уже и есть отход от исторической правды, искажение ее. Кажется, у филолога что-то с чем-то не вяжется. Остается проверить подлинную точку зрения крупных военных, «высказанную в самое последнее время». Обратимся к тем же самым авторитетам.

В «Записках начальника оперативного отдела», рисуя атмосферу предвоенной Академии Генерального штаба, И. Х. Баграмян вспоминает жаркие споры о перспективах развития конфликта в Европе. Некоторые открыто говорили о возможности поворота гитлеровских полчищ после разгрома Франции на восток: среди военных не было особенных иллюзий насчет советско-германского пакта. «Ставшие крылатыми слова: «фашизм — это война», — по-прежнему волновали умы советских людей». Это в смысле психологической настроенности. Но полным ходом шла и организационная подготовка. Спешно разрабатывались планы прикрытия государственной границы на случай конфликта. В апреле 1941 года «руководство Красной Армии стало заметно форсировать осуществление мер по усилению приграничных округов». И далее маршал серьезно размышляет и делает обобщения по поводу традиционных оценок нашей подготовки к войне:

«...невольно приходит в голову мысль, а не слишком ли мы упрощаем, когда подходим к объяснению итогов первых дней и недель минувшей войны? Одно время мы доказывали, что главная причина всех постигших нас в начале войны бед заключалась в том, что агрессивные страны, развязывая войну, всегда располагают большим преимуществом перед миролюбивыми государствами. ...Затем наши первоначальные неудачи кое-кто стремился объяснить лишь отдельными просчетами И. В. Сталина и нашего высшего военного командования, допущенными ими накануне вероломного нападения фашистских орд... В этих объяснениях заключена немалая доля истины... Но, к сожалению, эти объяснения заслонили собой другие не менее важные и далеко не субъективные причины...»

Бывший начальник оперативного отдела Киевского военного округа приводит примеры действенных мер партии, правительства к повышению мощи Советских Вооруженных Сил. С 1929 по 1941 год в семь раз возросла артиллерия, а противотанковая и танковая — в семнадцать; количество самолетов с 1930 по 1939 год возросло в шесть с половиной раз; ВМФ получил к 1941 году около пятисот новых кораблей. Конечно, продолжает маршал, не все удалось тогда сделать. Одной из важнейших объективных причин была крайняя техническая и промышленная отсталость страны в прошлом. Лишь проведенная ценой огромного напряжения в тридцатые годы индустриализация позволила приступить к перевооружению армии и флота. «Однако угроза империалистической агрессии стремительно нарастала. Учитывая это обстоятельство, Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли спешные меры к

развертыванию Красной Армии». Ее численность стала бурно расти и с 1939 по июнь 1941 года увеличилась почти в два с половиной раза. Нужды «вновь формировавшихся частей и соединений и перевооружавшихся старых... в вооружении, боевой технике, транспортных средствах и т. п. промышленность не могла, естественно, удовлетворить сразу... нужно было время. А этот фактор не зависел от воли государственного руководства».

Спокойный и трезвый анализ специалиста совершенно отличен от того, что мы найдем в романах, отвечающих, по мнению Л. Плоткина, исторической правде. Таковы же раздумья И. Х. Баграмяна о политике ЦК в отношении руководящего состава армии. Удовлетворение запросов в командных и технических кадрах оказалось труднейшей задачей, ибо емкость военно-учебных заведений не позволяла быстро пополнять резко возросшую потребность в них. Но «партия и правительство уделили серьезное внимание решению проблемы... Только с 1939 по 1940 год из запаса было призвано 174 тысячи командиров и около 33 тысяч подготовлено из одногодичников». С 1939 года количество обучавшихся в военных академиях возросло почти вдвое. За год до начала агрессии было сформировано сорок два новых училища, а численность курсантов с 36 тысяч поднялась до 168. Кроме того, открылись многочисленные курсы младших лейтенантов. «Все это, безусловно, во многом восполнило к началу войны большой некомплект в рядах командного состава, но далеко не полностью»,— замечает мемуарист. И главное: «Именно накануне войны выдвинулись многие прославившиеся в годы Великой Отечественной войны военачальники». Так обстояло дело с командными кадрами.

Не меньшую активность, по оценке Баграмяна, руководство страны проявило при форсировании оснащения армии до уровня технических требований времени.

«Было срочно завершено создание великолепных образцов военной техники и вооружения, которые запускались в серийное производство. Именно тогда родились замечательные самолеты «миги», «яки», «илы», непревзойденные средние танки «Т-34», прославленные «катюши» и многие другие виды вооружения».

Однако опять-таки, несмотря на чрезвычайные меры властей и подвиг рабочих, ученых, инженеров, промышленность не смогла к лету 1941 года полностью экипировать бурно растущую армию. Мемуарист не скрывает серьезных слабостей. В Киевском Особом военном округе насчитывалось только 15% новых самолетов, из восьми механизированных корпусов лишь два были наиболее укомплектованы и подготовлены к ведению боевых действий. Что это, преступная халатность и нераспорядительность? Нет. В войсках, например, имелось не более 25—30% нужного количества автомобилей и тракторов, но «страна тогда еще не была настолько богатой, чтобы обеспечить одновременно полную потребность в автомашинах и тракторах и быстро растущей армии и народного хозяйства».

Столь же не вяжется с военными концепциями названных выше литераторов и мнение маршала А. Гречко.

«В результате создания мощной экономической базы, социальных преобразований, усиления и технического перевооружения Советской Армии и Военно-Морского Флота наше государство располагало необходимым экономическим, морально-политическим и военным потенциалами для отражения фашистской агрессии. Это во многом предопределило разгром гитлеровского вермахта, явилось важнейшим фактором победы. Всемирно-историческая победа советского народа, одержанная в Великой Отечественной войне, не пришла сама, она была подготовлена всем ходом развития социалистического государства в довоенные годы» («Правда», 1968, № 130, от 9 мая).

Наконец, сошлюсь еще на книгу «Генеральный штаб в годы войны» генерала армии С. Штеменко, возглавлявшего в войну оперативное управление Генерального штаба, где развернута блестящая аргументация против досужих рассуждений, принадлежащих, по меткому замечанию автора, как правило, людям невоенным. Также серьезной критике подвергнуты высказывания о том, что мы совсем будто бы оказались не подготовлены к отражению агрессии, а Красная Армия-де воспитывалась в расчете на легкую победу.

Полнейшим диссонансом этому документированному, исторически достоверному описанию звучат нелепые, поверхностные, удивительно тенденциозные рассуждения в некоторых романах о начале войны. Скажем, у А. Розена в повести «Последние две недели» командарм Данилов просит Москву усилить пограничные войска танками. Они поступают не в том количестве, в каком хотелось бы. Комкор Кленов комментирует: «Как всегда, в Наркомате считают, что если просят четыре куска, то надо дать один». Итак, не экономические затруднения молодого социалистического государства, в невероятном напряжении ликвидирующего техническую отсталость и героическим трудом ученых, рабочих, партии создающего современную армию, а злонамеренность твердолобых министерских бюрократов, видящих в запросах военных спецов лишь желание урвать побольше.

Наконец мы подошли вплотную к первейшей злобе дня. Оказывается, не только оценки событий разными людьми, но даже изложения чьей-то «точки зрения, высказанной в самое последнее время», могут оказаться несовместимыми. Стало быть, тут есть за что биться. Нам не безразлично, какие чувства разбудили мы у читателя, тем паче у юного читателя, постигающего величие своего рода и племени. Нам не все равно, какие порывы охватят будущего защитника Родины при воспоминании о Великой Отечественной войне. Односторонняя интерпретация предвоенных лет и первых военных месяцев у Некрича, Бакланова, Злобина пробуждает уныние, обиду, негодование. Встав на подлинно исторические позиции, ученый, мемуарист, прозаик, политик получают возможность спокойно, с достоинством говорить про начальные материально-технические преимущества гитлеровской армии, усиленные ее изготовленностью к нашествию. Более того, это обстоятельство вызывает восхищение тем, что в невероятно трудных условиях Красная Армия сумела выстоять перед грозным нашествием, самоотверженно продолжать войну и победить.

Поклонники семи муз

Может ли человек прожить без искусства?

Вся многотысячелетняя история человечества подтверждает: не может!

Искусство сопутствует человеку от первых ломких линий наскальных изображений в первобытных пещерах до гения Леонардо да Винчи, Рублева, до жарких полотен Сарьяна, от первого подражания голосу птиц, ветра, небесного грома, от первого звука натянутой тетивы лука до фуг Баха, вальсов Шопена, до Чайковского и Рахманинова, Прокофьева и Шостаковича...

Искусство вечно. И все-таки с младенческих лет человечества и по сей день не утихают споры о том, каким оно должно быть и как действует оно на человека. Вечно искусство, и вечен спор о нем. Но в спорах рождается, как известно, истина.

Родилась она и после долгого, серьезного разговора в стенах Казахского государственного университета в Алма-Ате. Началось с диспута студентов исторического факультета: «Мы любим искусство». Диспут шел многие дни. Спорили, мирно делились своими мыслями, выступали со статьями в университетской многотиражке, приглашали к себе музыкантов, художников, писателей, поэтов, артистов. На диспут заглядывали студенты других факультетов. Студент всегда любопытен: «Что за шум? А нельзя ли сказать тут свое слово?»

Оказалось, можно. Число участников разговора быстро росло. Рамки одного факультета явно стали тесны для тех, кто любит искусство. И вот родилась истина: кроме всех существующих в университете факультетов, надо создать еще один — для всех: факультет искусств.

Так возникло студенческое общество «Семи муз». Ни один факультет не остался равнодушен к новорожденному. На досках объявлений замелькали афиши: «Дорогой друг, совет общества «Семи муз» приглашает Вас на концерт-загадку... вечер одного стихотворения... творческий вечер народного артиста СССР Шакена Айманова... оперу Леонкавалло «Паяцы»... выставку «Искусство — в быт»... концерт русского народного хора имени Пятницкого... в мастерскую художника... на телевидение... на концерт замечательной певицы Розы Баглановой...»

Невозможно перечислить все объявления, приглашавшие студентов то в актовый зал университета, то в театр, на выставку, в мастерскую художника, на встречи со студентами алма-атинских институтов.

И это были не просто вечера развлечений. Вечеру, который проводят «Семь муз», сопутствуют серьезный разговор об искусстве, живые споры, стремление глубоко разобраться в эстетических процессах, познать что-то новое, помочь сформироваться высоким художественным вкусам. И каждое приглашение на такой вечер заканчивается призывом: «Приходи! Послушай! Выступи!» И приходят, слушают, выступают.

Студенты — народ беспокойный. И всегда смотрят вперед. И вот уже возникли театральные студии, ансамбли, не обошлось и без эстрадного ансамбля «Оптимисты» и литературного объединения.

Свои танцоры, певцы, поэты, музыканты, актеры. У каждой из дочерей Зевса и Мнемозины нашлись свои поклонники — талантливые ребята и девчата со всех факультетов Казахского государственного университета.

О них, поклонниках семи муз, и рассказывают цветные вкладки этого номера журнала.

С. ЮРЬЕВ

Аркадий КАНЫКИН

Когда-то, расшалившись беспричинно,
в один из одиноких вечеров,
я вылепил ее из той же глины,
которая годится для стихов.

Веселая придуманная дива
обосновалась в тайниках моих.
Я был уверен, что такой красивой,
такой хорошей нет среди живых.

Она являлась к месту и не к месту,
чтоб превосходство подтвердить свое.
Мне женщина была тем интересней,
чем больше походила на нее.

...Я часто удивляюсь, как достало
и сил и духа женщине живой
бороться с ней, и побеждать помалу,
и заменить в конце концов собой!

— Сейчас выход на сцену. Волнуюсь!..

Студентка филфака Алмагуль Шинарбаева.

На развороте вкладки:

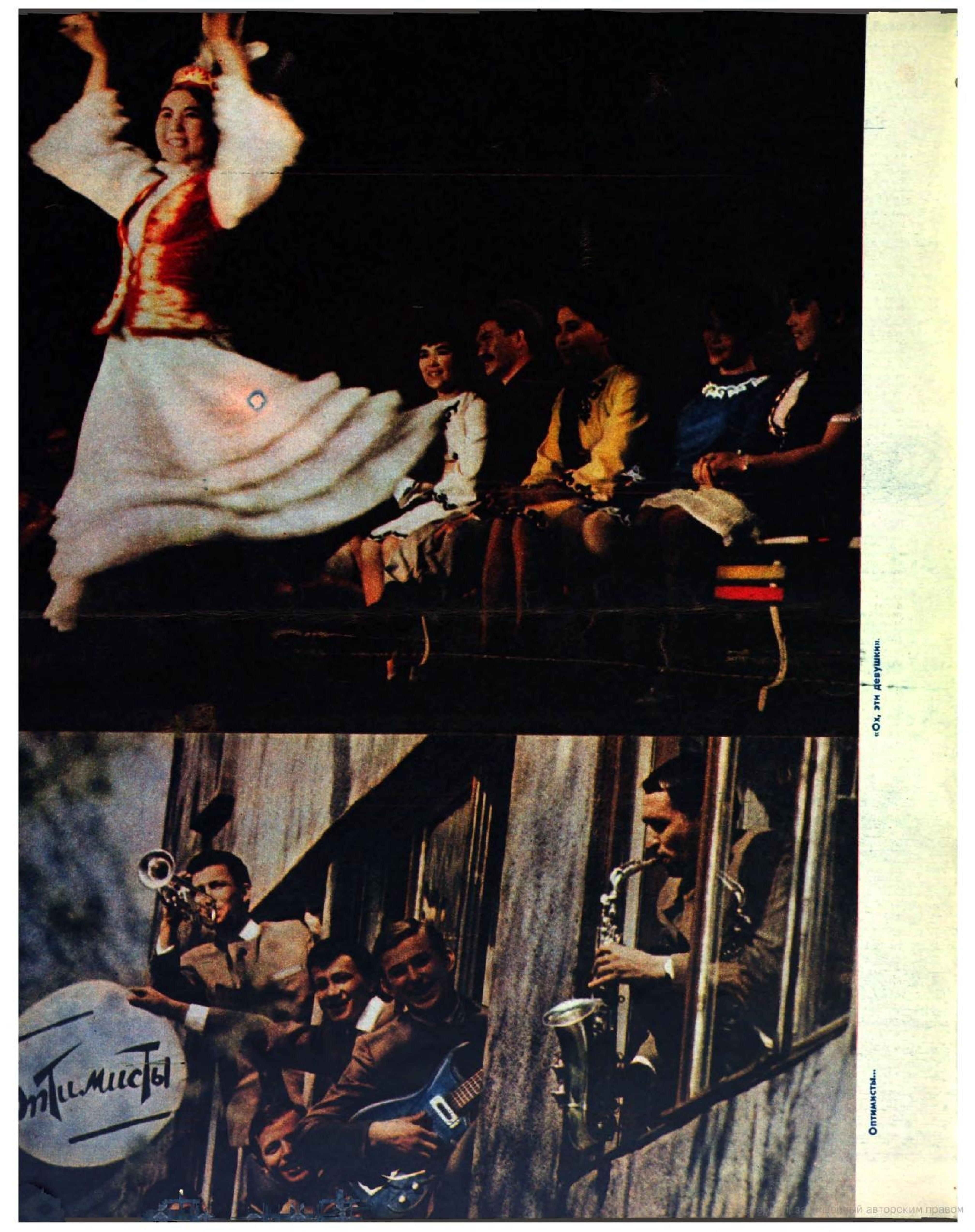
Фрагмент мозаичного панно на темы казахского народного эпоса.

Сара Имагамбетова — признанный исполнитель казахских танцев.

Фото И. Тункеля.

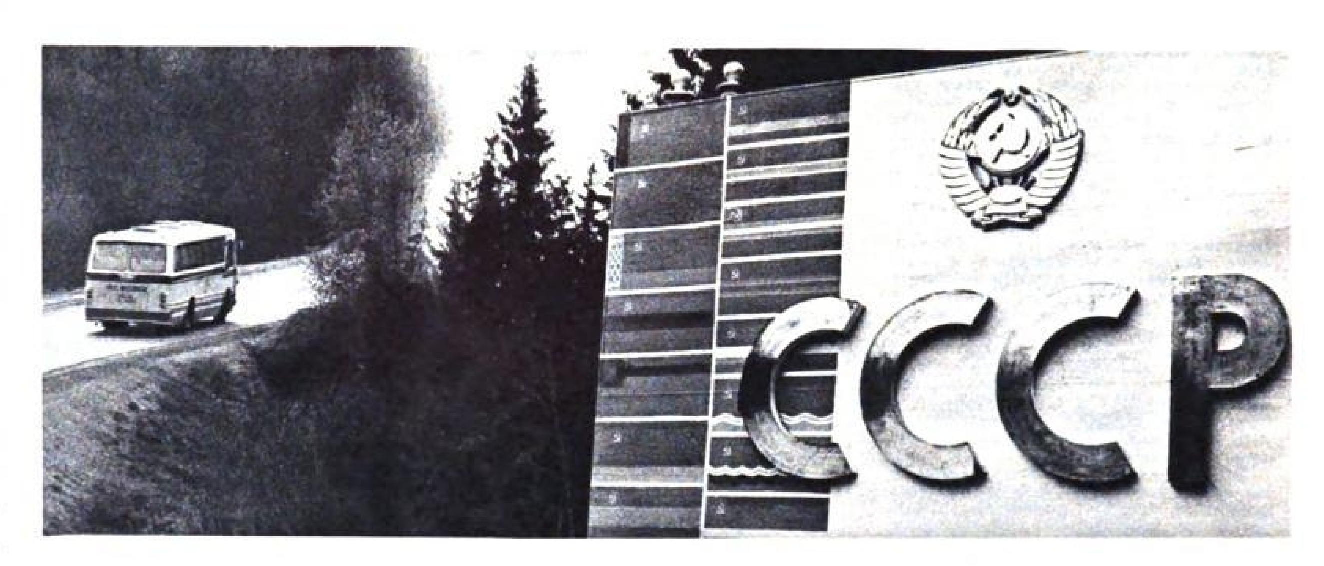

«Ох, эти девушки».

Оптимисты...

Л. ЛЕРОВ, К. ЧЕРЕВКОВ,
Фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты «Огонька»

ОТ ДЕСЯТИ ДО ДЕСЯТИ

Итак — проспали! Самым бессовестным образом. И, как мыльный пузырь, лопнул весь наш замысел: в фотокадре — озаренные лучами восходящего солнца первые автобусы пересекают границу. Фотокорреспондент поглядывает на нас укоризненно. Но виноваты мы все трое. А если уж быть более точным, то виновата она, та чудесная пора, когда, как сказал поэт, «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса». Что поделаешь, обманчивы белые ночи: проснулись — светло. Хотели подняться, глянули на часы — три часа. Снова уснули. И вот, извольте, никакой тебе зари!

...Мы вышли во двор. На пограничный КПП нас привезли из Выборга поздно вечером и сразу уложили спать. Теперь мы разглядываем дом, где провели ночь, и все, что вокруг него. Дом как дом. Два этажа современной постройки. Большая часть здания — штаб, казармы, ленинская комната, необходимые службы. Меньшая — удобные квартиры офицеров-пограничников. А окрест далеко-далеко тянутся к горизонту одетые в утренние одежды хмурые северные леса и перелески. Они дышат терпким запахом смолы, пленяют особой, неброской красотой своей.

Но нам в те минуты, откровенно говоря, было не до терпких запахов смолы. Проспали! По двору одиноко шагает часовой — он уже знает, кто мы, и не обращает на нас никакого внимания. А те, кто должен был с утра отправиться в очередной наряд — к границе,— видимо, уже давно покинули казарму. Теперь и нам надо спешить. Вот так обсуждаем мы свои невеселые дела, а тут на дворе появляется группа крепких, подтянутых, спортивно сложенных солдат с зелеными погонами, в до блеска начищенных сапогах, идеально отутюженных гимнастерках. Неторопливо усаживаются на скамейке и о чем-то весело разговаривают — сдается, ребята вышли на перекур после завтрака. Мы обрадованно переглянулись: значит, дела наши еще не так плохи. Может, и не ушел тот наряд. И вдруг кто-то окликнул нас: «Доброе утро, товарищи корреспонденты. Как спать изволили?» «Спасибо, Борис Михайлович.— Мы сразу узнали нашего вчерашнего спутника, майора Матиенко, под опеку которого нас передали в Выборге.— Вот только проспали отличный кадр...»

Рассказываем майору о своей беде, а он едва сдерживает улыбку: «Это я виноват... Забыл предупредить вас вчера, чтобы с утра не спешили. Наш КПП не совсем обычный. Границу открываем в десять утра и закрываем в десять вечера. Зато уж все двенадцать часов проходят в напряженнейшем темпе. Кто его знает, в какую минуту гость пожалует».

Выясняется, что служба наших друзей из КПП и здешних таможенников действительно не совсем обычна. Тут проходит одна из оживленнейших международных автотрасс, по которой мчатся мощные автобусы, лихо проносятся легковые машины всех марок мира — от шикарных «мерседесов» до скромных «ситроенов». Едут туристы, деловые люди, делегации, едут из разных стран. «Ворота» в СССР стоят здесь на широком шоссе, а не в аэро- или морском порту, не на железной дороге, где самолеты, поезда, корабли с заморскими гостями прибывают строго по графику. Для автотуристов расписания быть не может. Вот и установлен для них своеобразный лимит времени — от десяти до десяти. В любую минуту, без всякого расписания, милости просим...

До советского шлагбаума — несколько шагов. Мы нетерпеливо поглядываем на часы, на нашего спутника майора Матиенко, будто в его власти ускорить ход часовой стрелки. Майор — в прошлом сын артиллерийского полка, с которым прошел он все трудные дороги войны. У него отличная офицерская выправка, смуглое, обветренное лицо, проницательный взгляд, который удивительным образом уживается с ласковой, приветливой улыбкой. И весь он сама вежливость, обходительность, впрочем, как и любой его боец: служба обязывает встречать, провожать гостей...

Их уже много там, за бело-голубым шлагбаумом. Мы видим, как финский пограничник что-то объясняет туристам, показывая на часы. Майор тоже смотрит на часы. Осталось две-три минуты. Ровно в десять раздается звонок телефона, дежурный, младший сержант Логинов, снимает трубку, смотрит в окно и бросает короткое: «Есть!» Часовые, стоящие под грибками — на той и другой стороне,— мигом улавливают сигналы своих дежурных, нажимают кнопки, и два шлагбаума раздвигаются. Граница начинает трудовой день.

Несколько иностранных автобусов, миновав наш шлагбаум, останавливаются перед большим щитом с четырьмя огромными буквами — СССР. Пограничники тут же подходят к шоферам, по-военному приветствуют их и забирают уже подготовленные документы гостей. Машинам подана команда следовать дальше, к таможне. Вслед за ними поехали и мы. Асфальтовая лента, как шпага, рассекает лес, потом стрелою врывается на долину и плавно поднимается на гребень зеленого холма, где высится причудливой архитектуры здание таможни. Стекло, бетон, керамика, уютные интерьеры, открытая терраса летнего кафе. Широкие эстакады — справа и слева — ведут к зданию таможни. В операционном зале много света, простора. Все это позволяет точно, четко, а главное, быстро выполнять необходимые формальности. Пока они, эти формальности, выполняются, идет «штурм» бара, филиала «Березки» с богатым ассортиментом русских сувениров.

Десять часов пятнадцать минут, а в зале уже гудит-шумит разноязыкая пестрая толпа. Первыми прибыли студенты и школьники из Финляндии и Швеции. Едут на недолгую экскурсию в Ленинград. Для скандинавов это уже стало традицией — провести три-четыре дня на берегах Невы. Ребята из финского города Иматра следуют всем классом. Они еще ни разу не были в Ленинграде. А среди школьников Тампере есть уже «ветераны». Их учительница, Мария Линдберг, восемь лет подряд ездит на экскурсию в северную Пальмиру.

— Для меня это разговорная практика,— улыбается она.— Я преподаю русский язык. Моя бабушка русская, а мама училась в Петрограде. В Тампере молодежь охотно изучает ваш язык. Это естественно. Многие фирмы, когда берут молодых на работу, спрашивают: «Русский язык знаете?»

Едут к нам не только на экскурсию. Из автобуса вышли женщины в белых шапочках-картузах с лирой на месте кокарды. Они из Стокгольма. Женский хор. В Ленинграде знакомились с хоровыми коллективами. Тот же интерес к городу высокой музыкальной культуры и у Матти Вихтонена, преподавателя музыкальной школы Тампере. Он ведет класс вокала, руководит мужским городским хором, который готовится к гастролям в Таллине.

— О, я снова увижу Эрнесакса, мы с ним знакомы,— оглушает он нас своим мощным баритоном.— Как вы думаете, в консерватории еще не начались каникулы?

В зал шумно ввалилась ватага девушек в красных шапочках, экстравагантных костюмах, мини-юбках, поднятых, на наш взгляд, до крайне критической линии. Это норвежские студентки. Они первым делом ринулись в бар — дегустировать «Столичную» и вернулись оттуда обремененные бутылками с той же «Столичной». «Где бы вы хотели побывать в Ленинграде?» — спросили мы одну из студенток. «В первоклассном русском ресторане с цыганами»,— не задумываясь, ответила она.

Наше внимание привлек респектабельный мужчина с холеной черной бородкой. Шумно и весьма приветливо, как с добрыми знакомыми, раскланивался он с таможенниками, пограничниками. Поначалу мы решили, что таков стиль этого элегантного господина, видимо, хорошо усвоившего довольно банальную житейскую мудрость: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится другими так высоко, как вежливость». Но потом выяснилось, что у него здесь действительно много знакомых: господин Поль Бретон — служащий одной из английских туристических фирм. Его профессия — сопровождать туристов, следующих на автобусах по маршруту Лондон — Ганновер — Копенгаген — Стокгольм — Хельсинки — Ленинград — Москва — Киев — Брест — Варшава — Берлин — Кельн — Париж. Ежегодно семь раз он бывает в этой таможне на автотрассе.

— Сейчас везу туристов из Англии, Канады, Новой Зеландии, врачей, инженеров, музыкантов и просто скучающих дам,— весело подмигивает он в сторону своих подопечных.— Но сегодняшний мой визит сюда юбилейный, семидесятый. Значит, как говорят у вас, нужно отметиться. Правильно я сказал? — И поспешил в бар.

К полудню темп жизни таможенного зала нарастает. Выстроилась кавалькада автобусов и легковых машин, следующих в сторону Финляндии. Подкатил мощный авторефрижератор. Вот уже пять лет, как его водит Алексей Иванович Болдырев. «Туда» чаще всего везет пушнину, «оттуда» — молочные продукты. Пока идет оформление документов, Болдырев беседует с финским шофером Кета Кетурой,

Он тоже старожил на этой автотрассе. Но сегодня пересекает границу не как водитель грузовой машины, а как турист. Едет в Ленинград... к теще. Его хорошо знают многие наши пограничники и изощряются в шутках по его адресу: «Доездился господин Кетура, уволок Зину, женушку из Ленинграда...»

Болдырев тронулся в путь-дорогу. Место авторефрижератора занял большой финский автобус со школьницами. На ветровом стекле выведено по-русски: «Остановитесь, пожалуйста! В этом автобусе финские девушки». И чуть ниже: «Будьте счастливы». Все они из деревни Кирконкюля. Взахлеб рассказывают о ленинградских впечатлениях, о теплой встрече, оказанной им.

На легковой машине проследовала супружеская пара. Он инженер, она художница. Оба из Хельсинки. Мы спросили художницу, уже не раз побывавшую в Ленинграде: «Что вас больше всего поразило в этом городе?» Она на мгновение задумалась, потом весело рассмеялась и выпалила: «Очереди». И поспешила внести ясность: «Очереди в Эрмитаж... Очереди в кассу, где продают билеты на русский балет».

Люди и машины мелькают, как в калейдоскопе. Путешественники тут бывают разные. Вспоминают про семидесятилетнего чудака, который решил на велосипеде исколесить Европу,— его здесь прозвали «стальной дед». Недавно проследовали на машинах... московские рысаки. Направлялись в Финляндию вместе со своими наездниками, чтобы принять участие в конноспортивных состязаниях. Дебют советских конников в Финляндии состоялся в 1954 году. С тех пор вот и обмениваются визитами. А тут еще и финские коммерсанты внесли свой вклад в эту дружбу — приобрели в СССР триста рысаков, и их наездники с успехом выступали в Москве.

Кстати, о финских коммерсантах. Их здесь, на автотрассе, встретишь довольно часто — долго ли на автомобиле проскочить в Ленинград! А дел у них в этом городе много: там существует специальная внешнеторговая организация «Ленфинторг». Именно туда и держит сейчас путь господин Мантила Арни. В Ленинграде ему приходится бывать три-четыре раза в месяц. В беседе с нами он отмечает, что советские люди стали куда лучше одеваться, на полках магазинов куда больше теперь разных и хороших товаров. А как коммерсант он весьма доволен своими партнерами.

Машины, люди, чемоданы.

Необходимые формальности.

Добрые приметы добрых отношений СССР и Финляндии явственно проступают здесь, на границе. Как близких друзей встречают тут председателя городского управления города Турку Иоханнеса Койккалайнена и мэра этого города Вэйне И. Лейно. Они едут в Ленинград, на традиционный праздник — День дружбы городов-побратимов — Турку и Ленинграда. А в эту же пору из Клина возвращаются к себе домой в Лаппенранта члены общества «Финляндия — СССР». Это тоже города-побратимы. Руководитель делегации Аллан Пакаринен рассказывает нам, как много новых друзей появилось у финнов в старом русском городе Клин и как это здорово, что теперь так просто стало ездить друг к другу в гости.

Да, друзьям ездить к нам в гости стало ныне куда проще. Но, увы, кое-кто из недругов пытается воспользоваться этим. Гостеприимство гостеприимством, а закон есть закон. И редко, но случаются досадные коллизии. Мы были свидетелями одной из них. Автобус-иностранец возвращался из СССР в Скандинавию. Туристы пошли в бар, а машина — на досмотр. Пограничник Виктор Хмелев вместе с таможенником Анатолием Шурдовым осматривали автобус, занявший место над ямой. И вдруг заметили, что какой-то клочок бумаги выглядывает из-под днища машины. Странно!

Не будем передавать дипломатически-корректный диалог шофера и пограничника. Перейдем к финалу. В нескольких тайниках были найдены контрабандные товары. Конечно, составили протокол, контрабанду конфисковали. Пограничники не преминули посвятить нас в несколько историй про всякие валютные махинации, идеологические диверсии. Майор Матиенко достал из сейфа изъятую в последнее время у «туристов» добрую порцию идеологической отравы — антисоветские книги, журналы, кипы библий, порнографические альбомы — все то, что иные «туристы» по «рассеянности» оставляют на креслах зала театра или ресторана...

Попадаются и контрабандисты «высшего класса». Пограничники показали нам свою фотогазету. С фотографии смотрит насмерть перепуганный немец — господин Шмидт из ФРГ. Он следовал транзитом с Ближнего Востока — через СССР в Стокгольм. Видимо, какое-то шестое чувство — называйте его как угодно: зоркость, телепатия, проницательность, знание человеческой психологии — подсказало таможеннику и пограничнику, что в чемодане два дна. Между ними было обнаружено 3 килограмма 800 граммов гашиша — наркотического средства, которое оценивается на вес золота, буквально грамм за грамм. «Да, я мог бы стать богачом»,— сокрушался немец.

...Багровый пламень солнца в последний раз полоснул стволы русских березок. Стих смутный шум таможенного зала. Начальство уже подводило итоги дня. Оставались считанные минуты до 22 часов, когда граница закончит здесь еще один большой трудный день.

«Мы из Стокгольма...»

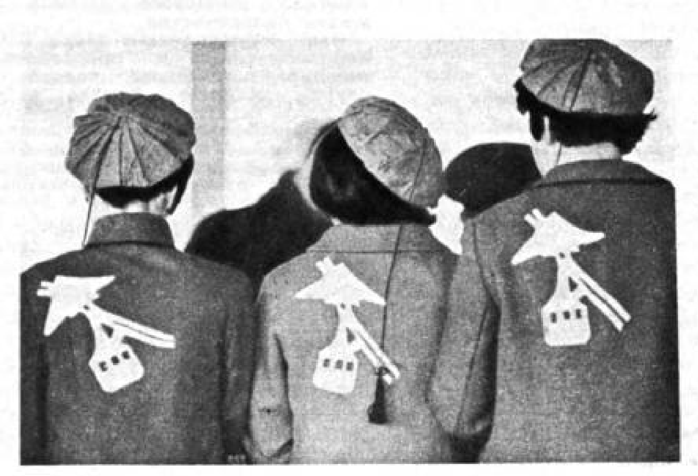

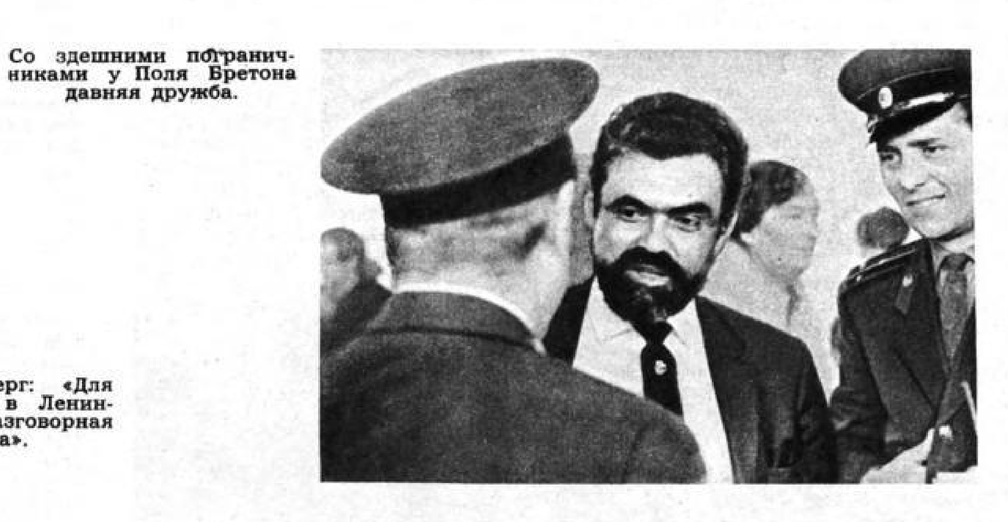

Широкие эстакады ведут к зданию таможни.

Их «визитная карточка».

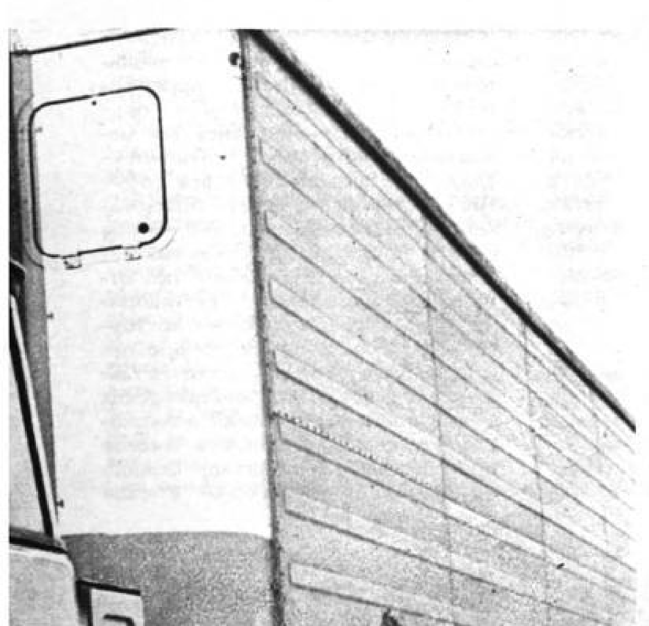
Со здешними пограничниками у Поля Бретона давняя дружба.

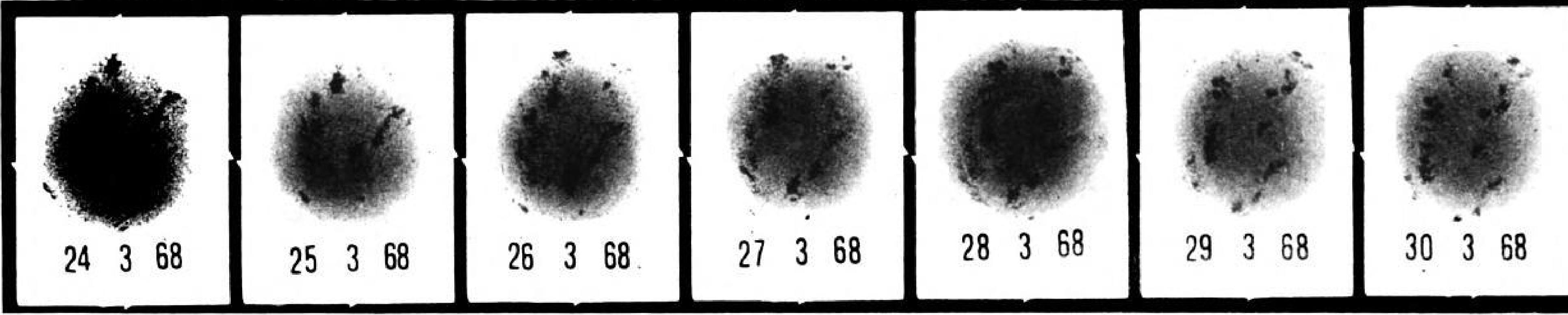
Мария Линдберг: «Для меня поездка в Ленинград — разговорная практика».

А. Болдырев: «До скорой встречи!»

...И мы остановились!

Так выглядело наше светило с 24 марта по 6 апреля этого года.

Интервью «Огонька»

1968-й — год активного Солнца. Сейчас наблюдается повышенный интерес к нашему светилу — от стремления понять закономерности его жизни до самых невероятных и устрашающих слухов о влиянии активного Солнца на жизнь человечества.

Наш корреспондент Марк Баринов обратился к председателю междуведомственного совета по службе «Солнце — Земля», директору Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР Николаю Васильевичу Пушкову с просьбой ответить на несколько вопросов.

СОЛНЦЕ-ДРУГ

Н. ПУШКОВ,
доктор физико-математических наук

Солнечный радиотелескоп ИЗМИРАНа

— Что это значит: год активного Солнца!

— Наше светило принадлежит к числу переменных звезд. Активность «действия» периодически изменяется. Солнце делает «вдох» и «выдох» с периодом приблизительно в одиннадцать лет — именно такой срок отделяет один пик от другого и соответственно один период «штиля» на Солнце от другого.

Хочу сразу предупредить о двух обстоятельствах. Понятие «год активного Солнца» вовсе не означает, что именно текущий, 1968 год и есть год наибольшей активности нашей звезды. Явление это проходит значительно более плавно. Активность Солнца начинает возрастать постепенно и длится два-три года. Затем так же постепенно ослабевает. Период активного Солнца падает на ближайшие три года.

Свет и тепло Солнца — основа жизни на нашей планете. И они всегда остаются почти неизменными. Под активностью или спокойным состоянием Солнца мы подразумеваем иные, более сложные процессы.

В Никоновой летописи (1371 г.) мы читаем: «Того же лета бысть знамение в Солнце, места черны аки гвозди...» Но и за много веков до этой записи люди наблюдали Солнце. Подлинное же изучение светила началось фактически только в наше время.

Что мы знаем об этой грозной и таинственной жизни нашей звезды? Почти ничего. Мы сделали лишь первые, самые первые шаги на длинной дороге познания. А знать совершенно необходимо. Ведь Солнце — это наша жизнь, познав Солнце, мы прочно возьмем в свои руки ключи собственной жизни, своего будущего!

Одним из проявлений солнечных процессов являются те самые «гвозди», как образно назвал их летописец,— пятна на поверхности Солнца. Выяснено, что пятна — это части поверхности с температурой на 1 000—1 500 градусов ниже общей температуры поверхности. Они очень недолговечны и исчезают через несколько часов или суток после возникновения. У полюсов и экватора пятен почти не бывает — они обычно гнездятся в низких широтах. А размеры пятен достигают порой нескольких земных диаметров!

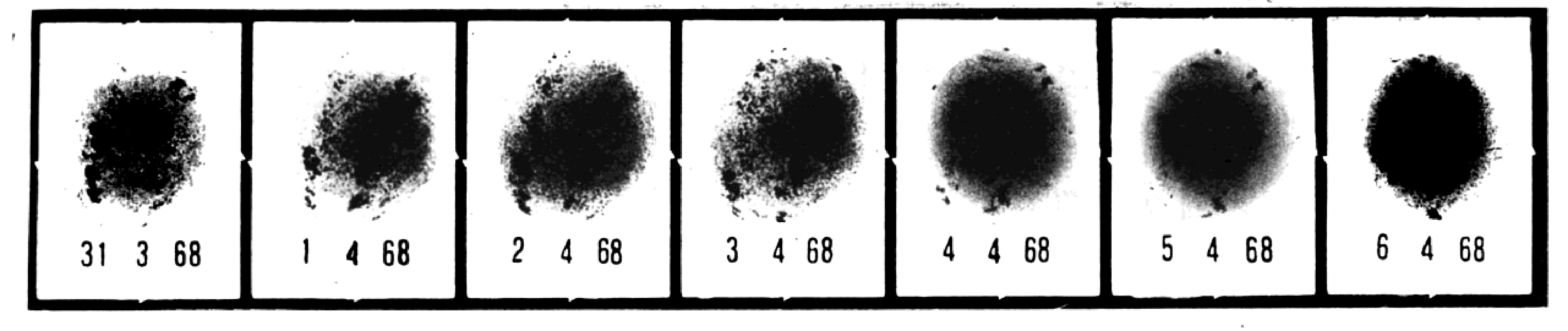
Периоды появления наибольшего числа пятен на Солнце и являются периодами наибольшей активности. Ибо не только пятнами характеризуются эти периоды. В «годы активного Солнца» резко возрастает число грандиозных всплесков материи — протуберанцев. Эти языки пламени и светящиеся облака вздымаются над поверхностью звезды со скоростью около 500 километров в секунду, а иногда отрываются от Солнца и уходят в мировое пространство.

Другим проявлением солнечной активности являются непременные спутники и соседи пятен — факелы, значительно более яркие участки солнечной поверхности, которые вдобавок иногда озаряются особенно яркой, так называемой хромосферной вспышкой. По предположениям некоторых ученых, причина таких вспышек — ядерный распад, что-то вроде взрыва естественной водородной бомбы.

В последние годы обнаружен еще один вид проявлений активного Солнца. Это протонные вспышки, дающие резкое увеличение радиоактивного излучения.

Существует такой термин — «научная тревога». «Научную тревогу» объявляет по всему миру обсерватория, первой заметившая очередной процесс на Солнце, и все ученые, в той или иной степени заинтересованные в исследованиях, спешат к своим приборам, чтобы регистрировать и наблюдать очередное явление. С этой точки зрения период активного Солнца особенно интересен, так как дает наибольшее число возможностей для таких наблюдений. И вот тут надо сказать о втором истолковании этого термина «год активного Солнца». Это крупнейшее международное научное мероприятие, приуроченное к усилению активности Солнца, проводимое с целью наиболее полного комплексного исследования всех проявлений жизнедеятельности нашей звезды. Мы имеем уже примеры подобных международных научных исследований. Это проводимый десять лет тому назад «Международный геофизический год», который, кстати сказать, длился фактически несколько лет, это МГСС —«Международный год спокойного Солнца», проводимый четыре года тому назад.

«Международный год активного Солнца» характеризуется значительно более широкой программой исследований. Если в прошлом мы ограничивались так называемой патрульной службой — следили и фиксировали все события на Солнце, то теперь программой МГАС предусмотрено более десяти проектов углубленных тематических исследований по отдельным проблемам. Так, например, мы предполагаем обстоятельно изучить природу протонных вспышек, предполагается также исследование электрических полей ионосферы Земли в периоды активности Солнца и многое другое. Говоря образно, Солнце не допускает еще людей в свои

владения, но в периоды активности наше светило забрасывает Землю, человечество шифрованными корреспонденциями с рассказами о своей жизни, анатомии, характере. И мы стремимся не упустить ни одно из этих сообщений, получить их все, расшифровать, осмыслить.

Это тем более важно, что сегодня мы имеем о нашей звезде гораздо больше гипотез и догадок, чем точных знаний. Мы задаем Солнцу тысячи вопросов, но получаем лишь единичные ответы.

— Наших читателей, естественно, очень интересует, как влияет активное Солнце на нашу планету. Не смогли бы вы рассказать об этом!

— Солнце беспрерывно шлет поток самых разнообразных излучений. Это свет и тепло, рентгеновские и ультрафиолетовые лучи, радиоволны и другие излучения. Наша планета, в свою очередь, принимает все эти дары Солнца, строго их фильтруя. Целый ряд оболочек Земли пропускает на поверхность свет и тепло, но задерживает другие излучения. И потому главные события разыгрываются «на дальних подступах». Там, в ионосфере, на высоте свыше 60 километров, бушуют магнитные бури, вспыхивают фейерверки полярных сияний. Активное Солнце резко повышает электронную концентрацию в ионосфере, протонные вспышки шлют туда могучие заряды радиации. Можно смело сказать, что ионосфера — детище Солнца, ее состояние непосредственно зависит от «настроения» нашей звезды.

Общеизвестно, что в периоды солнечной активности чаще всего происходят нарушения радиосвязи. Мы внезапно перестаем слышать мощные станции и вместо этого иногда вдруг начинаем принимать любительские передатчики, расположенные за тридевять земель. В эти же периоды происходят колебания состояния земного магнетизма, что, в свою очередь, влияет на активность земных токов.

В теле нашей планеты вечно бродят довольно слабые электрические токи. При обычном состоянии ее магнитного поля они не оказывают влияния на наши людские дела. Но под воздействием Солнца начинается буря в земных токах. А дело в том, что в нашей телеграфной связи вторым обратным проводом служит Земля. И вот во время этих бурь земных токов как раз и могут происходить нарушения телеграфной связи. Так, например, 16 апреля 1938 года земные токи вывели из строя телеграф почти на всей территории нашей страны! Вот как активность Солнца влияет на людские дела!

Кроме связи — радио- и телеграфной,— появилась в последнее время еще одна область, в которой человек лицом к лицу встречается с силами, порождаемыми активным Солнцем. Это космонавтика. Выходя в космос, хотя бы и ближний, человек как бы снимает предохранительный панцирь оболочек Земли и принимает на себя всю силу воздействия солнечных излучений. И если на поверхности планеты, под надежной защитой оболочек атмосферы, мы чувствуем себя в безопасности, то прогноз солнечной активности для космонавта имеет, пожалуй, гораздо большее значение, чем прогноз погоды для моряка, выходящего в плавание.

— А как влияет активность Солнца на климат, погоду на Земле!

— Прежде всего разберемся в терминологии. Что значит климат, погода? Если ответим: состояние температуры атмосферы, движение воздуха, выпадение осадков,— то это еще будет не точно сказано. Ведь нас с вами интересует обычно состояние весьма небольшой по высоте части атмосферы Земли, именуемой тропосферой. Это слой воздуха, непосредственно прилегающий к поверхности планеты до 8 километров у полюсов и до 16 на экваторе. Но ведь над тропосферой лежит слой стратосферы, идущий до 50 километров, выше располагается мезосфера, до 300 километров. И, наконец, еще выше — от 300 километров — экзосфера. И все это не изолированные друг от друга оболочки, все это та самая «кастрюля», в которой «варится» погода, складывающаяся в климат. Все перечисленные слои атмосферы непосредственно влияют друг на друга, взаимодействуют между собой, и если, допустим, рентгеновское излучение Солнца и не оказывает влияния на состояние тропосферы, то это не значит, что влияние не передается косвенно через влияние на верхние слои.

Я уже говорил, и это действительно так, что в «нашу» атмосферу, то есть в придонные области воздушного океана, свободно проникают лишь тепло и световые лучи. Они непосредственно формируют погоду. И поскольку тепловая и световая постоянная (величина «порции» тепла и света, отпускаемого нам Солнцем) действительно постоянна и не изменяется от состояния Солнца, то, можно сказать, что **непосредственно** на погоду и климат активность Солнца не влияет.

Но выше 50 километров, там, где, кроме света и тепла, «работают» и другие виды солнечных излучений, положение совершенно иное. Вот вам несколько примеров. В последний период активного Солнца в 1959 году на высоте 650 километров плотность атмосферы была в 50 раз выше, чем в 1963 году — в период спокойного Солнца!

На высоте в 300 километров зарегистрировано возрастание температуры воздуха во время магнитных бурь на 500—600 градусов! Конечно, читая это, вы не должны забывать, что на таких высотах газы, составляющие атмосферу, чрезвычайно разрежены и все эти сотни градусов тепла или холода выглядят там совершенно иначе, чем в наших привычных условиях.

Многолетние наблюдения связей солнечной деятельности с метеорологическими явлениями в нижних слоях атмосферы привели к выводу, что прямой связи между солнечной активностью и погодой нет, то есть той связи, которая бы оказывала влияние на наши людские дела. Однако считать этот вопрос «закрытым» нельзя. Исследования продолжаются, и хотя определенных выводов еще нет, но некоторые интересные наблюдения имеются.

К одному из явлений метеорологи присматриваются особенно пристально — это внезапные потепления в стратосфере. Всего несколько лет тому назад было замечено, что временами зимой, когда над полярными областями стоят холодные массы воздуха, на высоте больше 50 километров наступает потепление, которое потом распространяется на более низкие слои атмосферы. Бывает, что за короткое время температура повышается от —85° до нуля. Такие изменения температур вызывают настоящую революцию и, естественно, оказывают самое непосредственное влияние на погоду. Пока о причинах этого феномена можно лишь гадать, но не будем забывать, что он имеет место в верхних слоях атмосферы — именно там, где безраздельно господствует активное Солнце.

— И, наконец, самый волнующий для нас вопрос: а как Солнце этого года влияет на людей, на земную жизнь!

— По сути дела, я уже ответил на этот вопрос. Поскольку на поверхности Земли почти не заметны последствия солнечной активности, постольку и мы, люди, практически их не ощущаем.

Имеется множество работ (и они все продолжают появляться), в которых сообщается о якобы установленных связях между солнечной активностью и биологическими явлениями.

Размножение саранчи, свекловичного долгоносика, грызунов и других сельскохозяйственных вредителей связывают с циклами солнечной активности. Некоторые исследователи утверждают, что кровь человека реагирует на солнечные вспышки. В одном солидном немецком журнале доказывалось, что магнитные явления связаны с числом самоубийств и несчастных случаев. Итальянский химик Джорджио Пиккарди утверждает, что скорость выпадения мелких взвешенных частиц в коллоидных растворах также связана с деятельностью Солнца. Перечень этих исследований и утверждений можно продолжать и продолжать. И в нашей стране биологи и врачи, целые научно-исследовательские организации заняты исследованием влияния солнечной активности на жизнедеятельность человека. Они даже дают рекомендации больным при лечении на курортах.

По этому поводу я хочу сказать одно: ученые еще очень далеки от единодушия в этом вопросе. Необходимы еще длительные ряды наблюдений и экспериментов. И мое глубокое убеждение заключается в том, что всякое категорическое утверждение о влиянии солнечной активности на жизнь человека может лишь породить ненужный ажиотаж и дискредитировать саму идею исследований. Наберемся терпения... Между прочим, в рассуждениях о вреде солнечных излучений ученые обычно упускают одну деталь. А именно то, что наша цивилизация с ее огромным электронным хозяйством, мощной радиосетью, промышленными комплексами создает те же самые излучения, что и доходящие до нас солнечные, но во многократно усиленном виде. Крупные населенные промышленные центры окутывает такая сеть магнитных полей, такой радиации, перед которыми «работа» Солнца ничто. И человек, как видите, не особенно страдает от этого. И если уж изучать с биологической стороны проблему «Излучение и человек», то надо начинать именно с этой стороны.

По моему мнению, солнечная активность не представляет для нас никакой опасности. Ведь в конце концов все мы дети Солнца. Мы живем и развиваемся благодаря Солнцу, и, если бы каждые одиннадцать лет наша звезда посылала бы на Землю «заряд смерти», человечество давно уже вымерло бы. На самом же деле мы наблюдаем совершенно обратное явление: бурный рост населения Земли.

Так что у нас есть все основания быть уверенными: наше Солнце — могучий и добрый друг человечества.

ОГНЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая.

ХОРОШИЙ РАЗВЕДЧИК СТОИТ АРМИИ...

1

«31 марта с. г. Красная Армия завершила зимнюю кампанию против немецко-фашистских войск.

За время зимней кампании советские войска нанесли вражеским армиям тяжелые военные поражения. Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам крупнейшее в истории войн поражение под Сталинградом, разгромила немецкие войска на Северном Кавказе и Кубани, нанесла ряд тяжелых поражений врагу в районе Среднего Дона и Воронежа, ликвидировала вражеские плацдармы на Центральном фронте (Ржев — Гжатск — Вязьма) и в районе Демянска, прорвала блокаду Ленинграда».

ИТОГИ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ КРАСНОЙ АРМИИ
Совинформбюро.
2 апреля 1943 года.

Он ничего этого не слышал. Подводная лодка шла и ночь и день в крейсерском положении, потому что принятый на борт раненый был очень плох. Военфельдшер, оказавший ему первую помощь, доложил командиру, что пуля прошла рядом с сердцем и застряла в левой лопатке, но операцию делать он не рискует. Иностранная женщина, сказал он, и сама находится в шоковом состоянии, но не желает покинуть раненого...

Ответ на радиограмму поступил через тридцать минут. Командиру предписывалось доставить раненого как можно быстрее, «пренебрегая опасностями пути...» И лодка шла, не отстаиваясь, шла в надводном положении, потому что раненому и его спутнице был необходим свежий воздух. Дежурили пулеметчики у крупнокалиберных зенитных установок, дежурили офицеры и впередсмотрящие, дежурили акустики, а лодка прорывалась мимо берегов Норвегии, «пренебрегая опасностями...»

Подводники и сами не могли понять, почему им так повезло. Может быть, норвежская морская полиция потеряла следы маленького суденышка, обстрелявшего их катер из пулеметов, и решила, что беглецы или контрабандисты прорывались в Исландию или в Ирландию, и не сообщила сотрудничающим с ними немцам об этой случайной встрече в море. А может быть, немецкие военно-морские силы были отвлечены преследованием какого-нибудь морского каравана, идущего из Англии или Америки к берегам Советского Союза. Но Вита знала, что это ее молитвы, ее любовь укрыли подводную лодку от врагов...

Лодка вошла в порт утром, на пирсе ждала санитарная машина с двумя врачами и сопровождающим их офицером. После короткого разговора врачи сделали ра-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—34.

ННАЯ ДУГА

Николай АСАНОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ненному поддерживающие уколы и согласились сопровождать его до Москвы. Тихая женщина, не проронившая ни слова, ни слезинки, только все время державшая то руку раненого, то край его носилок, села рядом с ним в санитарную машину на неудобный откидной стульчик и поехала на аэродром, стискивая зубы каждый раз, как машину встряхивало на обледеневшей дороге и раненый коротко стонал.

И в самолете, который, к счастью, оказался теплым, она сидела рядом с подвешенными носилками и только раз удивленно взглянула в иллюминатор, увидев, что их самолет сопровождают еще несколько других — остроносых, с короткими крыльями, летящих то спереди, то по сторонам. И тут она вспомнила, что самолет еще должен лететь долго-долго, а в воздухе каждую минуту могут показаться самолеты врага... Вспомнила и тут же забыла.

И Москву она не видела, сидя за окрашенными в белый цвет окнами санитарной машины. Она все ждала, когда же будет больница, когда будет операция, когда ей скажут, выживет ли он, что лежит рядом с нею, безгласный, бесчувственный, еще не мертвец, но уже и почти не живой...

Она удивилась еще раз, что привезли их не в больницу, а в какой-то жилой дом, но тут раненого снова понесли куда-то на носилках, и она опять держалась за край этих носилок, как будто боялась: отпусти — и он исчезнет!

Но все-таки там, куда они наконец вошли — санитары с носилками, она, держащаяся за носилки, сопровождающие врачи, офицер, — там была больница: операционный стол, профессора в белом, сестры милосердия, ясный свет бестеневых ламп. Ей никто не мешал, только сестра милосердия вывела на минуту в соседнюю комнату, где в гардеробе висели платья, ящики были полны свежего белья, сказала, чтобы фрекен переоделась, ведь на фрекен все тот же рыбацкий костюм, пропахший соляром и бензином, помогла ей, подала такой же белый халат и снова проводила туда, где уже на столе под простыней лежал раненый и профессора, врачи, сестры что-то делали с ним, а в углу лежали остатки его изрезанной одежды.

Это продолжалось час-полтора-два. Вита смотрела порою на часы, но все равно не запоминала времени, а окна были закрыты глухими черными шторами, и трудно было понять, день ли за окном, или ночь. Но вот самый старый из профессоров подошел к Вите, спросил, понимает ли она по-русски, и на ее кивок сказал:

— Ваш муж, милая барышня, счастливец! Он будет жить!

И тут она впервые зарыдала, но это были уже облегчающие слезы, а профессор кивнул сестре, и та, ловко отвернув рукав ее халата и платья, сделала какой-то укол, и Вита вдруг ушла из этой комнаты. Но так как она была опять с Вольёдей — они шли по снежному озеру на лыжах, — то ей все казалось прекрасным, счастливым. И она уже не чувствовала, как сестра раздевала ее, поворачивала на большой кровати, укладывая поудобнее, она все шла рядом с Вольёдей, и он был здоров, был не такой, каким она увидела его так недавно в своей усадьбе, а еще таким, каким увидела его впервые и полюбила сразу и на всю жизнь...

Проснулась она от чужих голосов, но все равно пробуждение было прекрасным, так как все вокруг было светло, большие окна излучали в комнату синеватый свет, и она сразу поняла, что ночью выпал снег и это, наверно, самый последний снег этой долгой и трудной зимы. Дверь была приоткрыта, и в ней стояла сестра милосердия, та самая, что вчера помогала ей переодеться, и в комнате пахло кофе, свежим хлебом, и, когда сестра увидела ее открытые глаза, она подошла и сказала, что фрекен должна сначала позавтракать, что ванна уже готова, что товарищ Толубеев чувствует себя хорошо, хотя разговаривать с ним еще нельзя.

— Но увидеть? Увидеть? — вскричала Вита.

— Что вы говорите? — спросила сестра.

И тут Вита поняла, что всю ночь говорила с Толубеевым по-норвежски и с сестрой заговорила на родном языке, хотя и поняла, что с ней говорили по-русски. С трудом вспомнила она нужное слово и снова вскричала:

— Увидеть его!

— Только после завтрака и ванны! — строго сказала сестра и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

За дверью снова послышались чужие голоса, но они были тихи и мирны, и Вита успокоилась. Она только застеснялась немного, что одета в непривычную, необыкновенно длинную сорочку, а не в пижаму, но запах кофе уже возбуждал, и она вспомнила, что не ела двое, а может, и трое суток, что она в холодной России, но что Вольёдя чувствует себя лучше, значит, и она должна чувствовать себя лучше, и торопливо принялась за кофе, понимая, что от нее самой зависит, когда ей разрешат свидание с ним.

Больничных кнопок со звонками ни над кроватью, ни на столике не было, но стоял телефонный аппарат, и Вита подняла трубку. Далекая женщина спросила: «Кого?» — и Вита робко попросила: «Сестру милосердия!» И сестра тут же появилась в комнате. Вита поднялась было с постели, но у нее закружилась голова, и сестра сама принялась выбирать для нее белье, чулки, платье, туфли... Если это приготовили ей как приданое, то тут было довольно много всего. Потом сестра помогла ей пройти в ванну и помогла там, потому что Виту все покачивало из стороны в сторону, но сестра успокоила ее, сказав, что все это пройдет через десять — пятнадцать минут.

И верно, время, текущее то быстро, то медленно, какими-то странными прыжками, начало успокаиваться, и Виту провели в ту самую комнату, где профессора что-то делали с Вольёдей в день их приезда сюда, только непонятно было, вчера ли, или несколько дней назад. Комната была та же, но ни операционного стола, ни бестеневых ламп уже не было — просто такая же светлая комната с диванами, цветами, и в углу на широкой кровати лежал Вольёдя и глядел на нее изумленно-радостно, так что она опять не выдержала и заплакала. Но сестра уже закрыла дверь, провела ее в другую комнату, где сидели и пили кофе двое русских.

Русские встали, здороваясь, назвали свои имена, но она была еще так возбуждена, что не запомнила их. Однако она снова почувствовала себя хозяйкой, ведь это теперь был дом ее и Вольёди, и «товаричи» пришли навестить ее. Она опустилась на стул, приглашая и их присесть. Вошла та самая сестра милосердия, принесла кофейник и чашку для Виты, молочник со сливками и вышла. Вита предложила гостям еще по чашечке свежего кофе, налила себе.

Один из гостей, высокий, костлявый, узколицый, вежливо спросил на дурном норвежском:

— Фрекен говорит по-русски?

— О, я, я! — ответила она.

Тот с облегчением перешел на русский:

— Фрекен, вы сказали командиру принявшей вас подводной лодки, что все данные у вас... Что вы имели в виду?

— То, что мы с Вольёдей получили там. — Она неопределенно махнула рукой куда-то в сторону. Ей не хотелось называть ни свою страну, ни Германию.

— Владимир Александрович Толубеев еще долго не сможет побеседовать с нами, а нам хотелось бы рассмотреть ваши... данные...

Он как будто не очень верил в эти данные. Второй гость, грузный, с усталым и обеспокоенным лицом, тоже попросил:

— Да, мы хотели бы видеть.

Ее вдруг взволновало это невысказанное недоверие. Неужели они уходили под градом пуль из пустой похвальбы? Неужели Вольёдю чуть не убили из-за какого-то пустяка? Она гордо выпрямилась и сухо спросила:

— А почему я должна передать эти данные вам? Кто есть вы?

Гости переглянулись. Грузный, с озабоченным лицом вынул из кармана пиджака бумажник, а из бумажника небольшое удостоверение в красной коже и подал его Вите. Вита открыла книжечку, там была фотография грузного мужчины и несколько строк: «Заместитель народного комиссара тяжелой промышленности», — заверенных печатью и подписью. Она с уважением взглянула на грузного, переводя на свой лад: заместитель министра! В Норвегии для нее и министры были просто друзьями отца. Но Россия, наверно, в шестьдесят раз больше Норвегии. Здесь и министр, наверно, в шестьдесят раз важнее. Но на его спутника тоже взглянула требовательно.

Тогда и узколицый подал свое удостоверение, не такое роскошное, но тоже в кожаной обложке, и там она прочитала еще более короткую запись: «Полковник Кристианс М. А.» И, вспомнив, что полковник обратился к ней по-норвежски, подумала: «Возможно, он начальник Вольёди, только не имеет права сказать об этом...» Взглянув еще раз с любопытством на этого хмурого человека, она вышла из комнаты и прошла к себе.

Вся ее одежда висела в гардеробе. Она распорола потайной карман и достала небольшой каучуковый мешочек. Ощупав его, она решительно вернулась к гостям и положила его на стол.

Полковник Кристианс стал вскрывать его, и Вита заметила, как у него дрожали руки. «Боже, неужели это действительно так важно?» — подумала она и тут же остановила себя: «А Вольёдя? Разве он пошел бы на все эти испытания, если бы не особая

Гармония мечты

Эльвира ПОПОВА

После долгого отсутствия Борисов-Мусатов вернулся в родной город. Москва — Училище живописи, ваяния и зодчества; Петербург — Академия художеств, мастерская Павла Чистякова; Париж — мастерская Кормона, где совсем недавно учился рисунку Ван Гог. Все это где-то далеко... Пора начинать самому.

Рисунки натурщиков, летние этюды, даже законченные вещи — все лишь материал для первой программной картины «Гармония». Гармония в красках, в природе, в жизни, в человеческой душе... За работу! Не усилить ли ноту грусти? И он пишет этюд с одиноко сидящей «Старушки». Пригодились и позапрошлогодние этюды Слепцовки. Однако насколько свободнее набросанный по памяти парижский эскиз! «Чтобы написать пейзаж, сначала нужно его забыть» — для всех романтиков сформулировал это правило Делакруа.

Колористическая схема «Гармонии» готова. Закатное солнце зажгло облака, высветило кирпичные стены, лилово-красные крыши служб, поляну, где дамы в зеленовато-голубых платьях слушают кавалера в пудреном парике и розово-лиловом камзоле. С изящным томиком в руке он читает стихи.

Ложатся на холст мазки голубой «Гармонии». «Я кончаю свою картину... Я старался выразить мою идею гармонии». Борисов-Мусатов создал на своих холстах чарующий, грустный мир будто пригрезившегося прошлого... Среди овеянных преданиями, заросших сиренью, акацией, жасмином старинных парков, в анфиладах комнат, на низких террасах, возле мраморных скульптур и белокаменных колонн отдыхают, грустят, мечтают, медленно движутся, будто проплывая, пленительные женские образы. Вовсе не красивы их задумчивые, серьезные лица, но мы стоим завороженные одухотворенностью, тишиной. Припоминаем из Бунина: «Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежит женщине милой. Сия-то делается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадим о ней отчет сами себе, сердце наше делается невольником любви навеки...»

* * *

Жизнь Борисова-Мусатова была нелегка. Отец художника из крепостных пробился «в люди» — стал мелким чиновником. После смерти Эльпидифора Борисовича заботы о семье приняла мать, стараясь сберечь от житейских треволнений болезненного Виктора. Еще трехлетним ребенком он расшибся и, повредив позвоночник, остался горбатым. Сколько раз потом тяжелое увечье уложит его в клинику, отторгнет от друзей, творчества, прервет учение не только в Петербурге, но и в Париже! Сколько принесет нравственных страданий! Но не очерствит и не озлобит доброй, благородной души.

Ученики Саратовского реального училища рассказывали о мальчике с «милыми, кроткими, внимательными и зоркими глазами», какой он «был великолепный товарищ, всегда отзывчивый и даже веселый, что придавало особую трогательность его маленькой фигурке». Его не только любили, им гордились — первым рисовальщиком училища! А годы спустя о невысоком человеке с глубоко ушедшей в плечи головой, вежливом и решительном, деятельном и застенчивом, неизменно тщательно и изящно одетом, Андрей Белый напишет: «...художник Борисов-Мусатов, тончайший и нежный горбун, привлекал обаянием личным». И редкой добротой. Он, калека, не задумываясь, бросился в Оку спасать тонущего мальчика...

«Лучше иметь вид богатого помещика и голодать, чем, будучи вполне обеспеченным, делать вид казанской сироты» — этот жизненный принцип лишь однажды, за год до смерти, он нарушил в отчаянном письме к Поленову: «...ни одной надежды быть обеспеченным даже на месяц... какая-нибудь работа, хотя самая ничтожная, даже не художественная, все равно. Но я ищу с осени и ничего не могу достать. Единственное, что я имел до сих пор,— обложка для «Весов» и копия со старого портрета...»

А он хотел бы всегда говорить только об «отрадном». «Знаете ли вы, в чем заключается истинное счастье человека? Я это счастье нашел. Оно живет в труде. Все остальное — пустота». И когда это счастье слилось со счастьем разделенной любви, из-под кисти Борисова-Мусатова явилось совершенное творение.

...В июльские полдни 1902 года, когда не дрогнет лист, а в синеве небес плывут высоко взбитые облака, среди таинственной прохлады парка, у овального зеркала бассейна часами позируют художнику две девушки. Сестра и невеста. Елена Эльпидифоровна стоит у воды, склонив голову. Елена Владимировна в синем кринолине, кружевной кофточке, задумавшись, присела на траву. Замершее мгновение покоя в природе и душе человека.

Когда-то, лет шесть назад, впервые потрясло оно его восторгом возле прудов Юрьева: небеса утонули в водной глади! Можно писать небо будто у самых ног, оставив горизонт за краем картины...

В феврале 1903-го работа закончена. Не мираж, не призрак, не смутное видение прошлого — опоэтизированную, прекрасную реальность отразил «Водоем». И в самом деле принес славу! Вслед за первыми зрителями — друзьями художника в низенькой саратовской мастерской современники на выставках в Москве, Петербурге, Берлине, Париже «были ослеплены красками». И «широкая струя счастья» заливала сердца людей, стоящих перед этой картиной. Но денег на поездку с выставками за границу с трудом удалось добыть в долг. Нужно было восхищенной Европе заслушаться мусатовской «декоративной симфонией», чтобы после долгих переговоров меценат Гиршман приобрел «Гобелен», «Даму у гобелена» и «Водоем».

И вот уже на родине и за границей восхищаются музыкальностью его живописи, «достойной персональной выставки». Мирискусники находят у него «вещи прямо первостепенного качества». Третьяковская галерея покупает «Призраки», «Изумрудное ожерелье», «Даму в голубом»... Не то что прежде, когда совет Училища живописи не счел возможным присвоить ему звание учителя рисования в гимназиях. Когда со всех сторон обвиняли в «оригинальничанье», подражании «небезусловным» французским образцам, видели «только массу аляповатых пятен без всякого рисунка, наброшенных широкою декадентскою рукою...»

...Ему тридцать четыре года. Он полон замыслов. Жаждет попытать силы в монументальной живописи. С юности чувствовал: здесь призвание!.. Потому героиней его полотен стала еще и русская архитектура, чьи величавые, стройные пропорции наши зодчие выверяли поэтическим ритмом полей, лесов, холмов, речек и рек на родных просторах. Потому: «Мечтаю о Тинторетто и Веронезе. Завидую им. Мне покоя не дает их свобода, не сдерживаемая холстами. Какое это наслаждение, должно быть, работать на холстах по нескольку метров. Не знать предела своей энергии, своей фантазии, широким потокам краски!» И попытка за попыткой: эскизы панно «Времена года», эскизы фресок для частных и общественных зданий... «Мечты мои формируются. Найдется ли им место, где они воплотятся... на больших пространствах, на стенах...»

...И последняя, незаконченная картина, возле которой, как рассказывают, умер он с кистью в руке осенью 1905 года, не воспринимается станковой работой. Просится во фреску! «Реквием» — ее название... «Все это как-то приходит ко мне под конец. Летом только что распишешься — зима... снег пошел, надо бросать... Только что разрисуешься, рука разойдется — трах, конец — ателье запирается...»

На крутом берегу Оки, возле живописного городка Тарусы, на гранитном саркофаге лежит гранитный мальчик.

Совсем молодой в ту пору скульптор А. Т. Матвеев воплотил в вечном камне людскую скорбь по всем безвременно угасшим прекрасным жизням. Его памятник-саркофаг стоит на могиле русского живописца-мечтателя Борисова-Мусатова.

важность всего того, что он делал?» Между тем полковник Кристианс вынул и положил на столе записи Вольёди, черный пакетик с памятной фотографией из Германии и черное маленькое кольцо...

— А это что? — спросил он, взвешивая кольцо в руке.

— О, это мое обручальное кольцо! — лукаво ответила она.

Но он не заметил ее усмешки, отложил кольцо и открыл конверт с фотографией.

Он вдруг застыл, став похожим на сильную остроклювую птицу, так близко поднес к лицу снимок, затем длинно вздохнул, сказал: «Вот это да! Это действительно подвиг!» — и передал фотографию заместителю наркома. Тот тоже внимательно взглянул на фотографию и затем удивленно на Виту.

— Тот самый танк? — спросил он, глядя на нее восхищенно.

— Да! — ответила она.

Затем Кристианс вскрыл пакет с записями Вольёди. Они были сделаны на четвертушках бумаги бисерным почерком, без шифровки. Вита сама помогала писать их, и он читал страничку за страничкой, передавая листочки заместителю наркома, а тот, прочитывая, бережно укладывал их снова в пакет. Но вот они рассмотрели все, и полковник Кристианс спросил:

— У вас есть какие-нибудь устные дополнения?

— У меня есть вещественные дополнения! — смело сказала она.

— Какие же? — удивленно спросил Кристианс.

— Образец новой бронетанковой стали, достаточный для анализа. Так сказал мой муж, господин Толубеев.

— Где же образец?

— А это? — Она подвинула к нему кольцо.

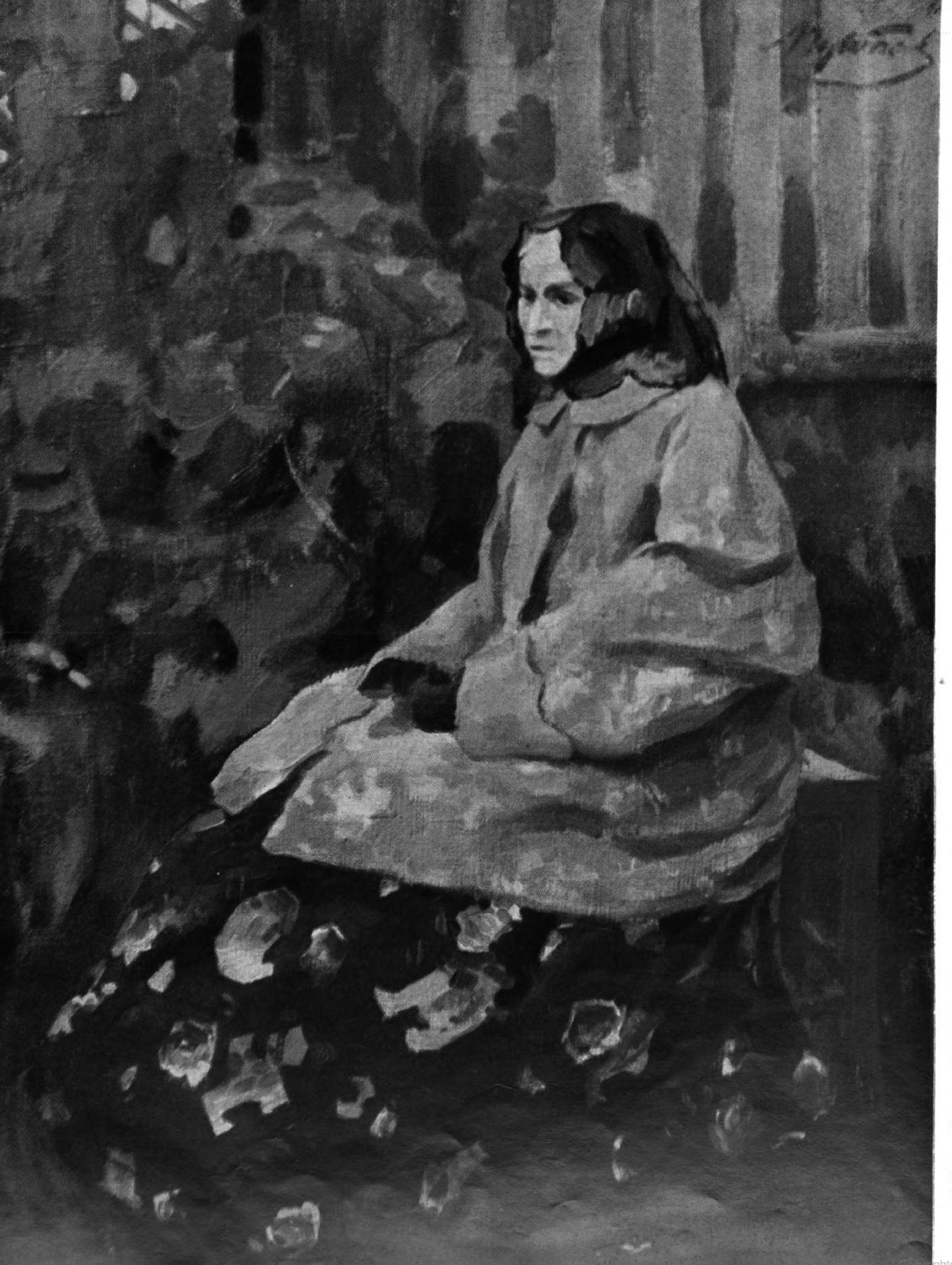
Боже, как они оба изменились в лице! Они склонились над кольцом голова к голове, передавали кольцо из рук в руки. Потом Кристианс бросился к телефону, позвонил кому-то, воскликнул: «Товарищ Толубеева привезла образец стали для анализа!» — потом потребовал машину с охраной. И из всего этого Вита поняла самое главное: ее признали достойной помощницей Вольёди и признали его женой.

За окном взревела машина, и гости поспешно откланялись. Вита была безмерно удивлена: оба мужчины поцеловали ее руку,— а ведь она думала, что русские здороваются и прощаются друг с другом ударами по плечу. Во всяком случае, так делали русские моряки, так показывали русских в тех немногих картинах, которые ей удалось просмотреть на родине. Она подошла к окну

В. Борисов-Мусатов. (1870—1905). ВОДОЕМ. Эскиз.

Русский музей

ВЕСНА.

В. Борисов-Мусатов. СТАРУШКА. Этюд.

Русский музей

и увидела, как оба гостя усаживаются в броневик. И только тут она наконец поняла, что все сделанное ею совсем не игра, пусть и захватывающая, но что-то такое большое, отчего, может быть, изменятся судьбы народов...

Взволнованная, чувствуя, как подкашиваются ноги, она присела на широкий подоконник, глядя со второго этажа вниз, на чужой город, который она выбрала как вторую родину. Город был тих, заснежен, и снег был белый, как на даче, и редко проходили под окнами прохожие, почти все они были одеты в солдатские шинели — и мужчины и женщины — и шли они быстро, как будто в этом городе, во всей стране был совсем иной ритм жизни, и она с еще большей силой поняла: она находится на войне, пусть и не на передовой, но в воюющем городе.

Пришел врач. Он разрешил ей взглянуть на спящего Вольёдю, а затем строго приказал ложиться в постель. И та же сестра милосердия, опять в белом халате, покормила ее обедом, а потом подала какое-то лекарство, и Вита не успела додумать свои мысли, потому что ее закачало, как в подводной лодке, когда она сопровождала своего раненого мужа,— там, на подлодке, это понимали все! — и ушла в забытье.

2

«В течение 7 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

...В Парижском районе (Франция) скрывается много немецких солдат, дезертировавших из армии, как только они узнали, что их части перебрасываются на советско-немецкий фронт. Специальные отряды эсэсовцев и жандармов день и ночь охотятся за дезертирами. В конце марта в Париже и его окрестностях задержано около 300 дезертиров. По приказу генерала фон Рундштедта расстреляно 90 немецких солдат, дезертировавших из своих частей».

Совинформбюро.
7 апреля 1943 года.

На следующий день Виту посетил полковник Кристианс. Он горячо поблагодарил ее за помощь Толубееву, попросил передать ему привет, как это будет возможно, и с удовольствием выпил кофе, который подала им сестра милосердия Лидия. Теперь Вита уже знала ее имя и пыталась улучшить свой русский язык, беседуя с нею. К Толубееву ее пускали только в те часы, когда он спал, Кристиансу и вообще не пришлось повидать раненого.

После кофе Кристианс сказал:

— Вам, должно быть, скучно, фрекен Вита? Я спрашивал врача, он считает, что вам пока не следует выходить на улицу, вы еще слишком слабы от пережитого. Но у меня есть просьба к вам: напишите подробные воспоминания о своей поездке в Германию. Это и развлечет вас и поможет нам. Даже лучше будет, если вы их продиктуете. Я пришлю вам завтра с утра стенографистку...

— Пусть она привезет мне книги и учебники русского языка. Я так плохо говорю по-русски! — пожаловалась Вита. Про себя она подумала, что если Вольёдя, вернувшись в Норвегию, говорил, как лапландец, то сама она говорит по-русски хуже лопарки. Кажется, так называли русские лапландцев, обосновавшихся на их территории.

Стенографистка приехала и привезла книги и учебники. Вместе с нею появилась и учительница русского языка. Но так как ни стенографистка, ни учительница не знали норвежского, то занятия и записями и уроками проходили медленно. Впрочем, Вита не жаловалась: она хоть чем-то была занята, а Вольёде понемногу становилось все лучше. Он чаще приходил в сознание, улыбался ей, хотя врач по-прежнему запрещал ему разговаривать.

Вита внимательно слушала радио, просматривала все газеты, какие посылал ей полковник Кристианс, в том числе и норвежские. О скандале с ее бегством в газетах не было ни слова. Отец, по-видимому, оставался еще в Германии, может быть, там ему было легче перенести этот удар.

В сводках с фронтов Вита с удивлением читала, что вся война словно бы застыла на одной и той же полосе. Изо дня в день сообщалось, что на фронтах изменений не произошло. Интересовали ее известия о движении Сопротивления, которые какими-то путями попадали через все фронты в Россию и иногда публиковались в конце сводок Информбюро. Как ни мало понимала она русский, но ясно было одно: Сопротивление во всех захваченных немцами странах расширялось, начинались настоящие боевые действия. И она молилась богу, чтобы немцев поскорее разбили, чтобы Вольёде не пришлось больше рисковать жизнью, хотя и понимала, что война решится не этими мелкими стычками, не войной англичан с немцами в Африке, а все равно здесь, в России.

И упорно пыталась объяснить стенографистке каждое свое слово, потому что и ее слова тоже служили будущей победе. В конце концов через неделю ее отчет был готов, и стенографистка пообещала передать его полковнику Кристиансу.

И вот наступило наконец счастливое время, когда ей разрешили быть рядом с Вольёдей, читать ему газеты, книги, разговаривать, но пока еще так, как разговаривают с малыми детьми: им только отвечают на вопросы, а все остальные, рвущиеся из души слова, стараются удержать.

По-видимому, врачи, следившие за Вольёдей, давали Кристиансу ежедневные сводки о его здоровье, потому что в тот день, когда Вольёдя впервые сел на постели, утонув спиной в подушках, приехал и полковник Кристианс.

Он зашел только на минуту, был хмур и озабочен чем-то, но с Витой и Толубеевым поздоровался радостно, справился о здоровье и тут же спросил:

— Можете ли вы завтра принять товарищей, которые дали вам «добро» на поездку?

— Да,— ответил Вольёдя.

И Вита поняла, что все эти неведомые ей люди ожидали улучшения его состояния с такой же тревогой и нетерпением, как и она сама.

Утром на следующий день Вита помогла мужу переменить сорочку, сестра Лидия, безотлучно находившаяся в их доме, побрила его, убрала комнату и поставила несколько стульев и столик.

— Их будет так много? — испугалась Вита.

— Нет, только пятеро. Маленькое совещание.

— Но Вольёдя не выдержит!

— Он будет только слушать.

— А я?

— Надо спросить у полковника Кристианса.

Кристианс приехал первым и привез с собой стенографистку. К Вите он обратился сам:

— Я хотел бы, чтобы вы приняли участие в нашей беседе...

Вскоре появился заместитель наркома и с ним еще три человека.

Вита прошла к мужу. Толубеев чувствовал себя хорошо и с нетерпением ожидал посетителей.

Она пригласила гостей.

Гости здоровались с Толубеевым почтительно, и это очень понравилось Вите. Все-таки она несколько побаивалась этого торжественного визита.

Когда все расселись и стенографистка разложила свои карандаши и тетрадки, полковник Кристианс произнес:

— Наше совещание не является официальным. Мы просто обменяемся мнениями по известному вопросу, пользуясь некоторым улучшением здоровья подполковника Толубеева...

— Подполковника? — удивился Толубеев.

— Позвольте мне первым поздравить вас с внеочередным присвоением звания и орденом Ленина, которым вы награждены за выполнение особого правительственного задания. Вита Арвидовна Толубеева награждена за беззаветную помощь вам в выполнении этого задания орденом Боевого Красного Знамени...

Вита вспыхнула от удовольствия. Собственно, не за себя даже, а за Вольёдю. Но и признание ее заслуг было также приятно. А особенно приятно снова подтвержденное ее право быть женой Толубеева. Ведь она понимала, представляла, знала, как трудно будет в этой воюющей стране ей, иностранке, человеку без документов и прав. И вот ее право на любовь и на жизнь с русским мужем признано!

А ее Вольёдя то бледнел, то вспыхивал. Сестра Лидия встала на пороге и строго сказала:

— Профессор просил не волновать больного!

— Милая сестра, еще никто не умирал от радости! — сказал Кристианс.

— Может быть,— непримиримо сказала сестра, но притворила дверь.

И Вита подумала: Лидия будет вот так сидеть за дверью все это время, чтобы в случае необходимости помочь Вольёде, а может быть, и попросить всех покинуть его. И снова ей стало радостно: ведь это оберегают ее мужа!

— Против медицины мы бессильны,— усмехнулся Кристианс.— Поэтому будем по возможности краткими. Первое слово заместителю наркома...

— Владимир Александрович, мы произвели анализ «образца»! — Он подчеркнул это последнее слово и достал из своего портфеля маленькую коробочку.— Сталь сверхтвердая. В эту минуту на одном из московских заводов идет первая плавка этой стали. Через неделю мы построим опытную коробку и попробуем испытать на ней наши бронебойные снаряды. Но Вита Арвидовна в своих записях сообщает, что немцы при ней испытывали новый танк на пробойность нашими орудиями калибра восемьдесят пять миллиметров. Снаряды оставили только вмятины. Не сомневаюсь, что вы уже думали об этом. Нет ли у вас особых предложений?

— Да. Новые пушки.

— Перед вами инженер одного из уральских пушечных заводов,— указал он на молодого еще человека, скромно устроившегося в уголке.— Они наладили выпуск стодвадцатидвухмиллиметровых орудий. Работу этих пушек мы испытаем на нашей «коробке» через неделю. Что вы можете предложить еще?

— Каково основное назначение новых орудий?

— Полковая артиллерия.

— Это не даст необходимого эффекта...— Толубеев внимательно посмотрел на молодого инженера и продолжал: — Теперь уже можно с уверенностью сказать, что немцы будут иметь к середине лета несколько тысяч новых танков. Так как эти машины очень тяжелы, немцы выберут самое сухое время для своей танковой атаки, и, вероятнее всего, их новым плацдармом окажется степная местность, без мелких рек, без лесов и болот. Я думаю, это будет Курск или еще южнее — Сальская степь. Во всяком случае, эти новые пушки, разбросанные по полкам переднего края, не смогут отбить массированную танковую атаку. Необходим заслон из самоходных орудий крупного калибра, которые могут быть немедленно переброшены на любой угрожаемый участок фронта, и надо вооружить этой пушкой наши тяжелые танки «ИС».

— Самоходки со стодвадцатидвухмиллиметровой пушкой? Танки? Но они будут очень тяжелы! — задумчиво сказал заместитель наркома.

— Почему же? — вдруг оживился инженер.— Ведь задача значительно упрощается! Поскольку большинство атак будет проходить на сближающихся курсах, пушку можно облегчить. В пехотных порядках останутся пушки прежнего образца, а для самоходок и танков мы изготовим модернизированные.

Молчаливо сидевший рядом с заместителем наркома генерал вдруг оживленно поддержал инженера:

— Если мы соберем две-три тысячи таких самоходок и танков, новые танки Гитлера будут пылать, как пылали старые!

— Две-три тысячи... — Толубеев прикрыл глаза ладонью. То ли он представил себе это небывалое по масштабам танковое сражение, то ли не мог поверить, что сражающаяся страна может совершить такой подвиг. А у Виты захолонуло сердце, когда она вдруг поняла, что эти люди вот так, спокойно говорят о будущих сражениях, в которых погибнут тысячи людей.

— И две, и три, и четыре! Сколько потребуется! — сердясь, сказал генерал.— Слишком многое поставлено на карту — судьба Родины! И заметьте, подполковник Толубеев, мы научились верить нашим разведчикам. Если вы доставили такие доказательства возможного танкового нашествия гитлеровцев, то уж давайте рассчитывать это сражение так, чтобы выиграли его не гитлеровцы, а мы! — Он резко встал и обратился к остальным: — Кажется, мы пришли к нужному выводу. Я позволю себе еще раз поблагодарить подполковника Толубеева и Виту Арвидовну за огромную услугу, которую они оказали армии и народу. Дадим теперь подполковнику отдохнуть. Надеюсь, что он будет участвовать в испытании нового орудия!

Все стали прощаться. Заместитель наркома подошел к Вите и подал ей маленькую коробочку, которую достал в начале беседы из портфеля.

— А это, Вита Арвидовна, вам взамен вашего бывшего обручального кольца. То кольцо пришлось, к сожалению, расплавить...

Он открыл коробочку, и Вита увидела в ней два обручальных кольца. Они были золотые, одно — мужское, другое — женское. Она надела маленькое кольцо на палец, и оно пришлось как раз впору. Другое она подала мужу, и Толубеев тоже удивленно взглянул, как ловко оно пришлось к его руке.

— Но где вы взяли размеры? — воскликнула Вита.

— Старые разведчики! — добродушно усмехнулся генерал.

Днем пришли два солдата с мотками проводов и телефонными аппаратами. Сестра Лидия, а с нею и Вита запротестовали против этого вторжения. Но солдаты неумолимо стояли в коридоре и повторяли одно: по распоряжению генерала они обязаны установить телефон у постели больного подполковника Толубеева. В конце концов пришлось сдаться. Хорошо еще, что второй аппарат установили в комнате сестры Лидии: звонок звучал у нее, потом она должна была посмотреть, как чувствует себя больной, и лишь после этого соединить его с абонентом.

Вита попыталась однажды послушать, кто беспокоит ее больного мужа. Но аппарат оказался эрикссоновским, замкнутым, того типа, который называется «секретарь-директор». Когда включался аппарат Толубеева, трубка сестры Лидии молчала.

Но звонки, видно, волновали Вольдё. Он начал вставать с постели, пытался ходить, хотя пока что у него почти ничего не получалось. Вита пожаловалась профессору, по-прежнему навещавшему больного почти ежедневно. Профессор прошел к Толубееву, побыл с ним несколько минут, вернулся и сказал:

— Мы должны поставить его на ноги, и как можно быстрее. После этого он сразу пойдет на поправку.

Вита не могла поверить, что какое бы то ни было изнурение может помочь, а не повредить больному. Но примерно через неделю, после одного из этих неожиданных звонков, Толубеев вдруг попросил, чтобы его одели. У сестры Лидии, как оказалось, давно уже была подготовлена новая форма. Толубеев с удовольствием оглядел себя в зеркале. В погонах подполковника он, со своим худым лицом, с седыми волосами, выглядел очень внушительно. «Слишком внушительно!» — пожаловалась Вита Лидии.

А через несколько минут пришла машина. «Хорошо еще, что санитарная!» — подумала Вита. И ей пришлось сопровождать мужа, которого опять несли на носилках, а она шла с краю и держалась за эти носилки, снова боясь, что он вдруг исчезнет. К счастью, поездка была недолгой, машина вошла в какой-то огороженный двор, и там ее встретили полковник Кристианс, заместитель наркома и тот самый генерал, что был у них однажды, и инженер, которого она тоже знала, а за ними еще несколько человек, которые с удивлением глазели на подполковника, выгруженного из санитарной машины и усаженного тут же в плетеное кресло, на женщину в нарядной шубке и шляпке, что держала подполковника за руку, словно боялась, что он вот-вот убежит от нее. И тут Вита поняла, что они на заводском полигоне...

Но как все здесь было скупо, буднично, просто!

Рабочие в грязной прозодежде выкатили откуда-то из-за ворот металлическую махину, похожую на танк, но даже не поставленную на гусеницы. У противоположной стены стояли два орудия — одно Вита узнала: похоже на то, что стреляло по танку при испытаниях нового чудовища в Германии, другое — незнакомое.

Металлическую коробку опустили в земляной капонир, заканчивавшийся высоким песчаным валом. Генерал позвонил по телефону, к нему подбежал офицер, командовавший пушками. Они о чем-то поговорили, потом офицер вернулся к орудиям. И генерал негромко скомандовал по телефону:

— Огонь!

Орудие негромко выстрелило, снаряд с визгом ударил по нелепой коробке и врезался в песчаный вал. Генерал внешне спокойно приказал снова:

— Огонь!

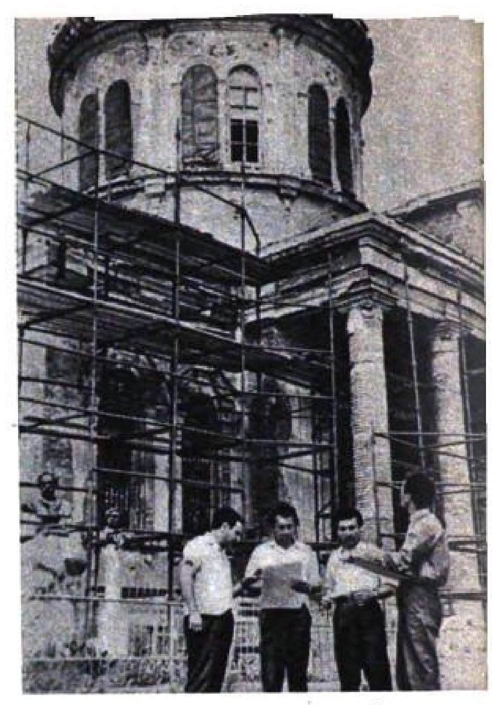
На этот раз прогремели три выстрела, и все снаряды попадали в дурацкую лоханку, она даже покачивалась на своих жиденьких колесах, но снаряды с визгом втыкались все в тот же песчаный вал, и Вите вдруг стало страшно. Теперь-то она понимала, что испытывается тот самый танк, который она когда-то сфотографировала, и эта железная коробка так же сопротивлялась снарядам...

Генерал сказал еще что-то, и вдруг все пошли к этой коробке, а два солдата взяли кресло с Толубеевым за приделанные к нему ручки и понесли, как китайского богдыхана на паланкине. Вита шла рядом с «паланкином», держа мужа за руку и утешая его какими-то самой неясными словами. Но вот все остановились, и офицеры принялись измерять и описывать вмятины, а коробка была почти такой же, какой ее вкатили на полигон.

Возвращались на наблюдательный пункт мрачные, молчаливые. Там их уже ждал офицер, командовавший стрельбой. Он что-то доложил генералу, и тот разрешающе махнул рукой. Офицер побежал бегом к пушкам. И совсем буднично довернул вторую пушку, артиллеристы загнали снаряд в казенную часть орудия, офицер взмахнул рукой. Грохнул несильный выстрел, коробка качнулась, и вдруг по ней пополз синий огонек, словно металл начал плавиться. Несколько секунд все стояли безмолвно, а потом вдруг закричали: «Урра!» И Вита не заметила сама, что тоже кричит и теребит руку Толубеева, а тот тоже кричит, хотя и слабо, болезненно, и только тут она опомнилась, зажала ему рот рукой. Толубеев окликнул солдат, и те подхватили его кресло и бросились бежать бегом, так что Вита выпустила руку мужа и бежала за ним уже одна.

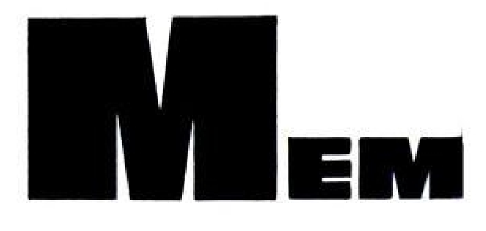
Макет танка, с вмонтированной моторной частью, был поражен сквозь бортовую броню с первого выстрела.

Продолжение следует.

На строительстве мемориала. Начальник строительства Илья Нишаньянц, архитектор Гурген Мнацаканян, инженер-конструктор Ашот Торгомян и архитектор Карлен Манушян.

Фото О. Должанского.

Михаил АНДРИАСОВ

Он стоит на высоком берегу речки Темерник в Ростове-на-Дону, старинный армянский храм Сурб-хач. У его стен похоронены великий армянский революционер-демократ, друг и соратник Чернышевского, Герцена, Огарева, пламенный трибун, поэт Микаэл Налбандян, классик армянской поэзии Рафаэл Патканян, известный поэт Арутюн Аламдарян, друг декабриста М. Пущина. В конце XVIII века здесь открылась первая в России армянская типография, а в XIX веке — школа. В свое время тут учились выдающийся большевик, соратник В. И. Ленина Александр Федорович Мясников (Мясникян), первый председатель Совнаркома Армении Сергей Лукашин (Срабионян)...

И для русских и для армян, давно живущих на Дону, эти исторические места были памятником русско-армянской дружбы. А в последние годы в Ростове настоятельно заговорили о том, что надо этот памятник восстановить. От разговоров — к делу: исполком городского Совета принимает решение о благоустройстве и развитии армянского мемориального комплекса. Планы большие, и ростовчане хотят поделиться своими замыслами с зодчими Армении. С тихого Дона — в Ереван. Здесь уже много энтузиастов будущего мемориала. И среди них — Мартирос Сарьян, человек, родившийся на берегах Дона, известный всему миру художник. Он давно и справедливо утверждает, что ни один край России не связан так крепко с Арменией, с армянским народом, как благодатная донская земля.

...Первая встреча с ереванскими друзьями.

— Мы приехали сюда,— говорит мэр Ростова Г. Е. Коновалов,— чтобы посоветоваться с вами: как лучше сохранить для потомков находящиеся у нас исторические памятники армянской культуры?

— Нам это приятно и радостно,— отвечает мэр Еревана Г. И. Асратян.— Это наше общее дело, и архитекторы Армении горячо откликнутся на ваше предложение.

РИАЛ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ

На следующий день мы встретились с зодчими. А затем поехали в гости к нашему земляку, Мартиросу Сергеевичу Сарьяну. Он ждал нас.

— Рад вас видеть, друзья. Милости прошу. Как там наш тихий Дон, как мой Ростов?

Сарьян восторженно говорит о земле русских богатырей, донских казаков, о земле Михаила Шолохова, Федора Подтелкова, Михаила Кривошлыкова, Семена Буденного.

— Стремительно летит время... Так нам и не удалось до сих пор встретиться с Михаилом Александровичем. Как он живет, как дела его?

Мы рассказывали художнику о жизни М. А. Шолохова в Вешенской, потом о наших планах, о Ростове. Сарьян оживился.

— Отличный город, я очень люблю его. Многое в моей жизни связано с Ростовом. Богатый край, край, полный легенд. Горжусь, что Дон—и моя родина. Хочется, чтобы Ростов был еще краше. И хочется, чтобы в памятниках города, в его мемориалах нашла отражение многовековая дружба русских и армян. Мы многим обязаны России: без русских очень трудно пришлось бы нам, армянам...

И снова заговорили о Ростове.

— Послушал вас и вспомнил Ростов конца прошлого века. Служил я в одной конторе. Она находилась на Большой Садовой, против городского сада. Что я должен был делать в этой конторе, ей-богу, сам не знаю. Только помню, что было в этой конторе очень скучно и безделье томило меня. Начал рисовать. Часами занимался рисованием. К нам в контору часто заходил присяжный поверенный Амбарданов, образованный и очень добрый человек. Он обратил внимание на мои рисунки. «Тебе, голубчик,— говорит,— учиться надо, обязательно учиться». Так, с его благословения попал я в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Как говорят, свет не без добрых людей... Помните, у Некрасова есть прекрасные строки:

Не без добрых душ на свете:
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!
Там уж поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Мартирос Сергеевич пригласил нас в залы, расположенные в трех этажах особняка,— подарок художнику от правительства Советской Армении. В залах — сотни работ Сарьяна.

Прощаемся. Дарим Мартиросу Сергеевичу наши скромные донские сувениры. Среди них — большая медаль, выпущенная к 50-летию Советской власти, в честь завода «Ростсельмаш». Сарьян бережно берет ее, внимательно рассматривает изображенный на медали комбайн, что-то ищет на рисунке, оглядывает оборотную сторону и вдруг обращается ко всем нам с вопросом: «А где же человек?» Вопрос неожиданный для нас. В самом деле, а где же человек?

— Человек, Мартирос Сергеевич, эту медаль сделал...— отвечает Семенов, председатель Первомайского райисполкома Ростова.

Сарьян добродушно улыбается.

— И все же, дорогой мой, на медали «Ростсельмаша» должен быть человек. «Ростсельмаш»—это рабочий класс, великий класс творцов.

Мартирос Сергеевич по-прежнему оживлен. Задает много вопросов. Его очень заинтересовала биография ростовского архитектора А. И. Валуева.

— Александр Иванович, приезжайте ко мне через год. Напишу ваш портрет. Непременно приезжайте...— Художник прищуривается и долго смотрит на Валуева.— Подойдите поближе. Хочу получше запомнить ваше лицо. Вы архитектор? Это очень хорошо — созидать, строить для людей. Вы с Ереваном уже знакомились? Видели наши новые площади, улицы, дома, памятники старины? А каскад фонтанов возле площади Ленина? Там две тысячи семьсот пятьдесят струй — столько же, сколько лет нашему Еревану. А сама площадь Ленина?! Изумительный ансамбль! Армянских строителей, архитекторов, камнетесов судьба не очень-то баловала. Я не ошибусь, если назову строителем весь армянский народ. На протяжении долгих столетий враги предавали нашу землю огню и мечу, уничтожали великолепные творения зодчих. Враги уставали разрушать, но армяне не уставали строить!

Слушаем Сарьяна и поражаемся его эмоциональности, молодости души, ясности мыслей художника.

— Жизнь — штука прекрасная, но, к сожалению, ограниченная временем. Ни секунды нельзя терять. Как подчас беспечны мы в молодости, когда каждому из нас кажется, что именно ему выпала дорога, у которой нет конца... Жестокое заблуждение! Спохватишься, а уже без пяти двенадцать. Вот мне под девяносто. Столько планов, столько интересных замыслов, время властно требует твоей работы. И все кажется, что ты ничего еще не успел и главное впереди. А посмотришь на календарь...— Сарьян разводит руками: дескать, ничего не поделаешь... И тут же переключается на другую тему, самую близкую художнику:

— Для меня каждый человек — это целый мир. Надо видеть человека-творца и найти для него точные краски. Нужно стараться писать цельным цветом, не грязнить... Мне огромную помощь в работе оказывает солнце. Для меня солнце — бог! Любить солнце — значит любить жизнь, любить творчество, любить того, кто трудится...

Хозяин дома явно не хочет расставаться с гостями, но мы обеспокоены тем, что отняли у Сарьяна два часа... Снова прощаемся. Художник вместе с нами выходит во двор, говорит вдогонку:

— Привет Ростову!

За день до отъезда из Еревана ростовскую делегацию принял первый секретарь ЦК Компартии Армении Антон Ервандович Кочинян.

— Отрадно, что к нам в Армению приехала делегация хорошего русского города Ростова,— сказал он.— С Ростовом, с тихим Доном армянский народ связывают давние и прочные узы. Мы готовы всем сердцем крепить нашу дружбу. Ваша миссия полна благородства. Сохранить исторические памятники армянской культуры, находящиеся на донской земле,—это наше общее дело, и что касается Армении, то мы сделаем все от нас зависящее. Передайте дорогим ростовчанам, всем жителям тихого Дона наши самые добрые пожелания.

И вот уже мы, ростовчане, у себя дома принимаем гостей из Еревана. К нам приехали архитекторы Гурген Мнацаканян, Карлен Манушян, инженер-конструктор Ашот Торгомян и один из крупнейших зодчих современной Армении, лауреат Государственной премии СССР, директор института «Армпромпроект», заслуженный деятель искусств Армянской ССР, наш земляк Марк Владимирович Григорян.

Ереванцы на месте познакомились со всем тем, что оставила людям история,— здание церкви, надгробные памятники на могилах захороненных здесь поэтов, каменная лестница, что спускается с бывшего монастырского взгорья к Темернику, железобетонный мост, построенный в начале нынешнего века...

И вот уже поднялись над куполом храма металлические леса. Развернулись восстановительные работы, идет обновление памятника старины. В бывшем храме решено открыть филиал Ростовского краеведческого музея. Он будет посвящен истории жизни армян на Дону.

Марк Владимирович и его помощники начали разработку проекта памятного мемориала — площади и сквера имени Налбандяна. Григорян познакомил ростовских зодчих, строителей, жителей донского поселка Мясникаван со своими замыслами.

На территории Налбандяновского мемориала будет воздвигнут бюст Александра Васильевича Суворова — великий русский полководец во второй половине XVIII века возглавлял долгое и трудное переселение армян из Крыма на земли Нижнего Дона, в прошлом выходцев из армянского Анийского царства, жестоко разгромленного врагами еще в одиннадцатом столетии. Почти семь веков кочевали они по свету в поисках обетованной земли, которая была бы для них не мачехой, а матерью. Именно на такую землю и привел Суворов почти двести лет назад исстрадавшихся скитальцев. Донские казаки радушно протянули им руку дружбы, по-братски поделились своими привольными землями...

В памятном мемориале многое будет посвящено Микаэлу Налбандяну, уроженцу донской земли, о котором Михаил Александрович Шолохов в свое время взволнованно сказал: «Русский народ глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна— выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционного демократа, единомышленника Белинского и Чернышевского, Герцена и Огарева. Армянин по национальности, он был моим земляком, и я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

«Свобода! — восклицаю я.—
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей, пусть
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

Будут поставлены также бюсты уроженцев этих мест, известных революционеров Александра Мясникова (Мясникяна), Сергея Лукашина (Срабионяна), восстановят в первоначальном виде памятники на могилах Микаэла Налбандяна, Рафаэла Патканяна и Арутюна Аламдаряна. Целый комплекс мемориальных сооружений напомнит о скрепленной кровью русско-армянской дружбе в годы войны, в частности о подвиге на ростовской земле легендарного батальона Героя Советского Союза Гукаса Мадояна, ныне почетного гражданина города Ростова.

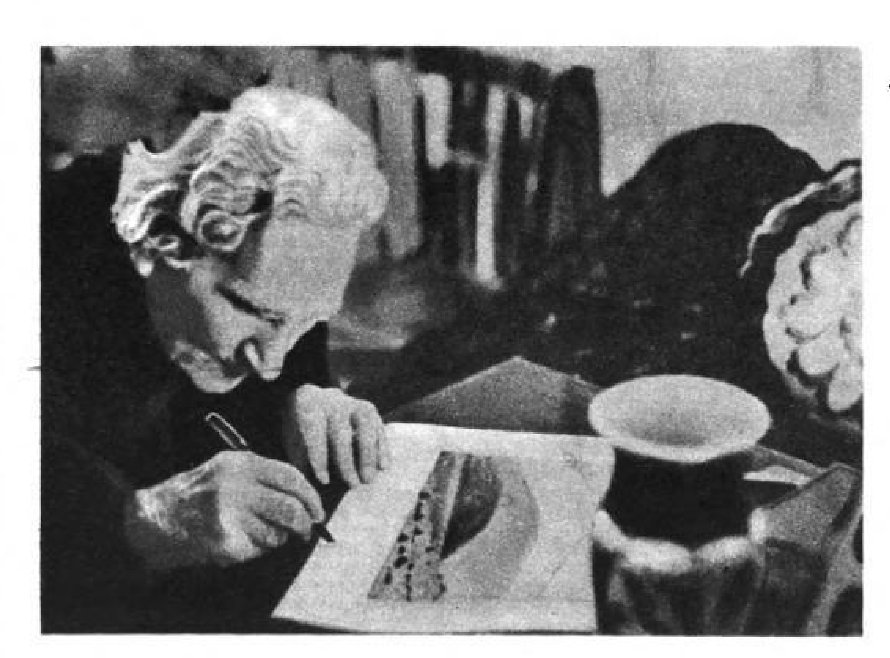
В окружении зеленых берегов на речке Темернике появится большой водоем. Посредине озера намоют остров, на котором предполагается открыть ресторан «Севан». Его построят из армянского туфа.

Проект Налбандяновского мемориала рассматривался в Ростовском горсовете. С живейшим интересом знакомились с ним председатель горсовета Г. Е. Коновалов, секретарь горкома партии Л. Н. Никитин. Докладывая о проекте мемориала, Григорян заявил:

— Общественность Армении и в первую очередь Еревана всей душой поможет будущему ростовскому музею. Мы соберем для него картины художников — уроженцев Дона — М. Сарьяна, А. Арцатбаняна, С. Магдесяна, А. Ованесяна. Предоставим ему материалы из своих архивов, музеев, научных учреждений. Поможем стройматериалами — туфом, гранитом, базальтом...

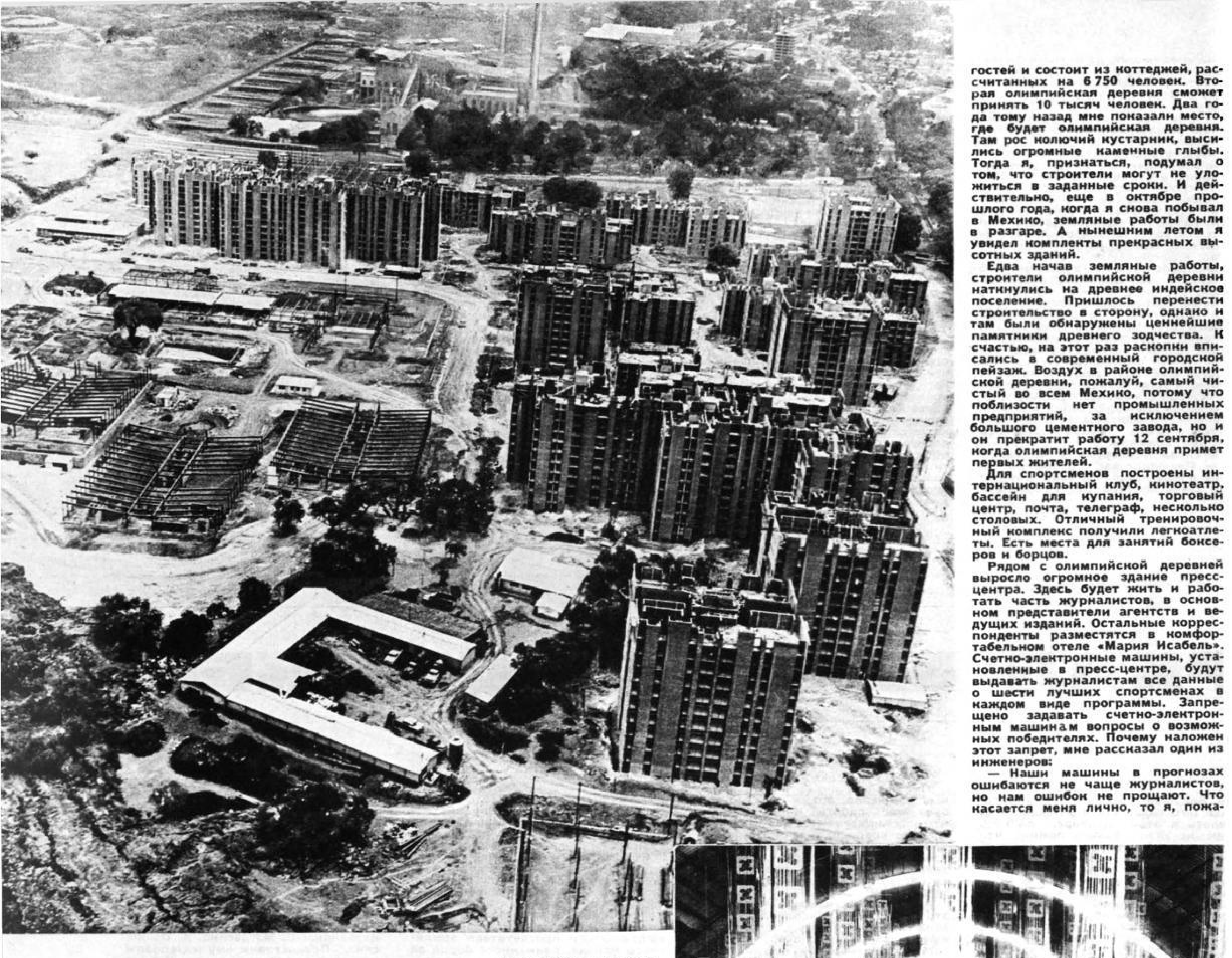
Проект одобрен. Ростовчане говорят:

— В добрый час!

Мартирос Сергеевич Сарьян дарит ростовчанам репродукции своих картин.

Фото Э. Калайджана.

Олимпийская деревня.

Здесь встретятся борцы.

МЕХИКО ЖДЕТ

В. ГАВРИЛИН

12 октября 1492 года Христофор Колумб открыл Америку. Ровно 476 лет спустя она будет открыта заново колумбами мирового спорта. 12 октября 1968 года девять тысяч сильнейших спортсменов из 110 стран начнут в мексиканской столице Мехико борьбу за олимпийские медали.

Подготовка к XIX летним Олимпийским играм заняла пять лет. И вот огромная работа завершается. Побывав в июне в Мехико, мне довелось видеть в Оргкомитете олимпиады самые разнообразные диаграммы, в которых расписан, кажется, каждый шаг олимпийцев. Известно, сколько времени будут длиться все спортивные поединки: 1 251 час 55 минут. Учтено, сколько бутылок лимонада или фруктового сока выпьют спортсмены, сколько съедят бифштексов. Организаторы олимпиад ожидают, что игры будут рекордными по многим показателям, по числу журналистов (их ожидается 2 700 человек), по количеству музыкантов, певцов, художников (возрождается традиция древних олимпиад, на которых выступали не только спортсмены, но и артисты). Но главный рекорд Мексиканской олимпиады связан с высотой. Мехико, как известно, расположен на высоте 2 240 метров над уровнем моря. Никогда еще олимпиады не проводились на столь высоком уровне.

А вот в расходах на сооружения спортивных баз мексиканцам установить рекордов не удалось. Истрачено всего лишь 84 миллиона долларов — в три раза меньше, чем при подготовке Токийской олимпиады. Это объясняется прежде всего тем, что в Мехико уже имелся ряд отличных спортивных сооружений такого типа, как «Арена Мехико» или «Аудиторио насьональ», вмещающие каждая до 14 тысяч зрителей. Зато в отличие от прежних олимпийских столиц в Мехико построены не одна, а две олимпийские деревни. Коапа предназначена для судей и почетных гостей и состоит из коттеджей, рассчитанных на 6 750 человек. Вторая олимпийская деревня сможет принять 10 тысяч человек. Два года тому назад мне показали место, где будет олимпийская деревня. Там рос колючий кустарник, высились огромные каменные глыбы. Тогда я, признаться, подумал о том, что строители могут не уложиться в заданные сроки. И действительно, еще в октябре прошлого года, когда я снова побывал в Мехико, земляные работы были в разгаре. А нынешним летом я увидел комплекты прекрасных высотных зданий.

Едва начав земляные работы, строители олимпийской деревни наткнулись на древнее индейское поселение. Пришлось перенести строительство в сторону, однако и там были обнаружены ценнейшие памятники древнего зодчества. К счастью, на этот раз раскопки вписались в современный городской пейзаж. Воздух в районе олимпийской деревни, пожалуй, самый чистый во всем Мехико, потому что поблизости нет промышленных предприятий, за исключением большого цементного завода, но и он прекратит работу 12 сентября, когда олимпийская деревня примет первых жителей.

Для спортсменов построены интернациональный клуб, кинотеатр, бассейн для купания, торговый центр, почта, телеграф, несколько столовых. Отличный тренировочный комплекс получили легкоатлеты. Есть места для занятий боксеров и борцов.

Рядом с олимпийской деревней выросло огромное здание пресс-центра. Здесь будет жить и работать часть журналистов, в основном представители агентств и ведущих изданий. Остальные корреспонденты разместятся в комфортабельном отеле «Мария Исабель». Счетно-электронные машины, установленные в пресс-центре, будут выдавать журналистам все данные о шести лучших спортсменах в каждом виде программы. Запрещено задавать счетно-электронным машинам вопросы о возможных победителях. Почему наложен этот запрет, мне рассказал один из инженеров:

— Наши машины в прогнозах ошибаются не чаще журналистов, но нам ошибок не прощают. Что касается меня лично, то я, пожалуй, без особого риска могу назвать некоторых олимпийских победителей — Ромуальда Клима в метании молота, Яниса Лусиса в метании копья, Надежду Чижову — в толкании ядра, Виктора Куренцова, Леонида Жаботинского, а также поляка Вольдемара Башановского в тяжелой атлетике, венгра Иштвана Бальцо в современном пятиборье.

— Вы хорошо знаете спорт?

— О, что вы! — И, наклонившись ко мне, конфиденциальным тоном добавил: — Хоть это и запрещено, я задал счетно-электронной машине вопрос о победителях, и эти фамилии мне сообщила она.

Возглавляющий пресс-центр Олимпийских игр видный мекси-

канский писатель и драматург сеньор Рафаэль Солана рассказал мне, что о всех наиболее интересных соревнованиях, в частности по легкой атлетике, плаванию, гимнастике, боксу, прыжкам в воду, велогонкам, будут вестись телерепортажи. Через спутники связи они будут передаваться в Европу. Для ретрансляции сооружена специальная антенна около города Тулансинго.

Спортивные сооружения, построенные к олимпиаде в Мехико, заслуживают высокой оценки. Они не уступают, а кое в чем и превосходят сооружения Рима и Токио. В спортивном комплексе Магдалена — Миксука — 72 футбольных поля, 60 баскетбольных и волейбольных площадок, автодром, оружейный зал для соревнований по фехтованию. Неподалеку воздвигнуто отличное здание Дворца спорта, вмещающего почти 25 тысяч зрителей. В нем пройдут финальные матчи баскетбольного турнира. Решающие встречи футболистов состоятся на стадионе «Ацтека», вмещающем свыше 100 тысяч зрителей. Этот стадион был сооружен по проекту архитектора Педро Рамиреса Васкеса — президента Оргкомитета по проведению олимпиады. Еще до первого матча стадион окупил себя: все ложи одной из трибун были сданы в аренду сроком... на 99 лет. Стоимость одной небольшой ложи — около 10 тысяч долларов.

Церемония открытия и закрытия XIX Олимпийских игр, а также соревнования по легкой атлетике состоятся на Центральном университетском стадионе. Трассы марафонского бега и спортивной ходьбы проложены по улицам и площадям мексиканской столицы. Марафонцы пробегут по самой длинной улице Мехико — Инсурхентес, протянувшейся с севера на юг на 32 километра, и финишируют на Центральном стадионе.

В пригороде Мехико Сочимилько выстроен отличный, судя по отзывам спортсменов, гребной канал, вдоль которого проложена асфальтированная дорога. Канал славится обилием рыбы, которую запрещено ловить. Поселок Сочимилько изрезан сетью проток и небольших каналов, по которым снуют разукрашенные лодки-плоскодонки, управляемые матросами при помощи длинных шестов. Народные певцы и музыканты — марьячис, которыми так славится Мексика, в расшитых серебром и золотом ковбойских костюмах и широкополых, порой свыше метра в диаметре, шляпах разъезжают по каналам, зарабатывая хлеб насущный.

Марьячис также готовятся к Олимпийским играм. Лихо, в довольно оригинальной трактовке исполняют они «Подмосковные вечера», «Катюшу». Руководитель одного из таких ансамблей Хорхе Родригес, с которым мне довелось беседовать, рассказал, что его ансамбль подготовил к олимпиаде четыре программы. Одна из них составлена из русских песен, а также серенад, написанных марьячис в честь советских спортсменов Ромуальда Клима, Михаила Воронина, Натальи Кучинской. Немало советских песен и в репертуаре марьячис, собирающихся каждый вечер неподалеку от центра Мехико, на площади Гарибальди, где порой одновременно играет до 70 оркестров. На базарах вдоль берегов продаются маски, искусно вырезанные фигурки, чучела ядовитых змей, крокодилов.

Много хлопот доставила руководителям Оргкомитета и городским властям проблема транспорта. Мехико, в котором проживает сейчас свыше 6 миллионов человек, не имеет метро, перенасыщен автомашинами и автобусами, загрязняющими воздух. Первая очередь метро только сооружается и будет готова, по всей вероятности, после Олимпийских игр. У строителей немало трудностей. Работы приходится вести очень осторожно. Под верхним слоем земли оказался целый город: уже извлечено около полумиллиона предметов, представляющих историческую ценность.

Возникла даже идея доставки олимпийцев и журналистов на соревнования при помощи вертолетов. Но затем решили все же строить дороги, хотя в Мехико это — хлопотное дело, прежде всего из-за необходимости вести длительные переговоры с владельцами строений. Сейчас виадуки — «быстрые дороги» соединили олимпийскую деревню с большинством спортивных центров Мехико. Около трех тысяч автобусов и автомашин будут обслуживать олимпийские делегации. И все же в пресс-центре еще не отказались от идеи в экстренных случаях доставлять журналистов на вертолетах.

В Мехико огонь, зажженный по традиции на горе Олимп, будет доставлен по маршруту, пройденному Колумбом. В мексиканской столице олимпийский огонь будет храниться в древнем городе индейских племен Теотиуакане, что в сорока километрах от Мехико. Священное олимпийское пламя озарит не менее священные пирамиды Солнца и Луны. На площади между пирамидами проходили праздники, парады и, как утверждают историки, чествовались победители игры в мяч, пользовавшейся у индейцев большой популярностью.

Две тысячи юношей и девушек пронесут факел, зажженный на Олимпе, до пирамид Теотиуакана.

Огонь, доставленный с Олимпа, будет озарять не только Мехико, но и Акапулько, морской курорт на тихоокеанском побережье, где пройдет парусная регата. Акапулько соперничает в подготовке к олимпиаде с мексиканской столицей. Вместо столичных марьячис здесь будет выступать ансамбль электроинструментов, вместо олимпийской деревни — фешенебельный отель «Калета», с трех сторон окруженный океаном. В Мехико свое мастерство спортсменам и туристам покажет национальный балет, в Акапулько олимпийцы увидят водное ревю — по утверждению местных жителей, лучшее в мире. Мне довелось видеть, как восемь участников ревю, держась за трос несущегося на большой скорости катера, одновременно сбрасывали лыжи и скользили метров двадцать — тридцать на пятках. Жители Мехико могут предложить спортсменам самые крутые и высокие в мире «русские горки», зато в Акапулько есть Кебрада, где каждый вечер с 40-метровой скалы прыгают в узенький заливчик отважные мексиканские юноши.

Не намерен отставать от Мехико и Акапулько и третий олимпийский центр — Абандаро, горный курорт в 156 километрах от столицы. Он славится своими площадками для игры в гольф и конюшнями. Титулованные особы — частые гости в Абандаро, но на время Олимпийских игр им придется отойти на второй план, уступив авансцену участникам соревнований по конному троеборью. Все в Абандаро хорошо, если бы не встречались змеи. В течение получаса я дважды видел гадюк, правда, местные жители утверждают, что в октябре змей не бывает, они уползут в горы.

Взяв на себя подготовку к очередной олимпиаде, мексиканцы стремятся успешно выступить на ней. Четыре года назад конфедерацией спорта был составлен план подготовки национальных команд к XIX Олимпийским играм. С местными спортсменами занимаются известные тренеры из Польши, ГДР, Венгрии, США. На трех международных предолимпийских соревнованиях мексиканцы имели возможность проверить степень готовности своих спортсменов и отобрать сильнейших. «Олимпиада,— сказал мне президент мексиканской конфедерации спорта Аро Олива,— позволила нам всколыхнуть работу по физическому воспитанию подрастающего поколения. Многие юноши и девушки потянулись к спорту именно благодаря Олимпийским играм. Конечно, нам бы хотелось получить медали, у нас есть сильные боксеры, пловцы, прыгуны в воду, легкоатлеты, надеемся мы и на футболистов. Но сейчас делить награды не стоит».

Приезжая в Мексику, я не раз видел, какие глубокие симпатии питает ее народ к Советскому Союзу. Студенты организовали кружки по изучению русского языка под девизом: «Будем с Наташей говорить без переводчика». (Имеется в виду гимнастка Наташа Кучинская, очень популярная в стране.) Молодые артисты, художники, поэты подготовили специальную программу, с которой хотят выступить перед советскими спортсменами. Увлечение советскими песнями коснулось не только марьячис, но и некоторых звезд эстрады. Каждый день мне приходилось встречаться с рабочими, служащими, деятелями искусств, которые задавали один и тот же вопрос: чем они могут быть полезными советской делегации?..

Мексика готова к встрече олимпийцев. И олимпийцы готовятся к встрече с Мексикой.

Мехико — Москва.

Без слов.

Рисунок Н. Калитина и Н. Станиловского.

— Сла-а-авное море, священный бокал!..

Рисунок И. Окиншевича.

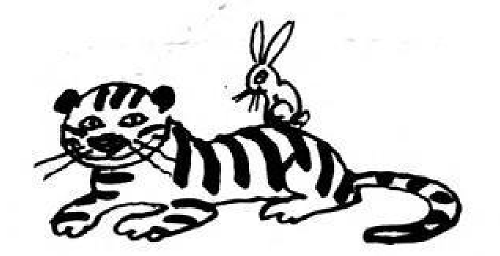
Получил очки.

Рисунок А. Грунина.

— Садись и ты, Петр, все равно им на чай давать.

Рисунок В. Воеводина.

Хищный инстинкт

М. ВИЛЕНСКИЙ

На конкурсе короткометражных фильмов первую премию получила лента под названием «Хищный инстинкт».

Вот история ее создания.

— Довольно кормить зрителя манной кашкой! — сказал однажды сценарист Дм. Фарш.— Пора уже показать жизнь зверей без этого, знаете, инфантильного сюсюканья. Кровь и хруст костей — таков закон джунглей, и наш долг, долг мастеров экрана, донести до любимого зрителя и кровь, и хруст, а также чавканье. К черту лакировку и припудривание дикой жизни!

— Верно, верно,— закивал режиссер Мих. Еловый.— Я с институтской скамьи мечтал снять кадр, где лиса перегрызает горло зайцу. В цвете, крупнячок, с наездом на агонизирующий хвост зайца. Йех! — И режиссер Мих. Еловый плотоядно крякнул.

— Лиса и заяц?! — закричал возмущенный сценарист Дм. Фарш.— Может быть, вы еще скажете, хорек и землеройка? Где масштабность, мой милый Еловый, где размах страстей? Мне нужен настоящий, крупномасштабный хищник. Волк! Нет, что там волк. Тигра мне подавайте, настоящего полосатого тигра, который в цвете на широком экране схамкает зайца.

Руководство студии дало команду запустить картину в производство. Из зоопарка выписали тигра Одуванчика живым весом в 320 кг. Юный помреж Бэллочка доставила в саквояжике пушистого кролика цвета осеннего ненастья.

— Я, кажется, просил зайца,— сухо заметил Еловый.

— Зайцы в зоомагазине кончились, Михал Карлыч, а новых завезут только после праздников. Кролика-то насилу выпросила у родного дяди.

— Что за дядя?

— Мой дядя, из Подмосковья. Очень славный старик, тонко чувствует живую природу. Бескорыстно дал напрокат любимого ушастика.

— Божественный старик,— проскрипел Еловый.

— Кстати, Михал Карлыч, дядя интересовался, сколько платят кроликам за съемочный день.

— Старик может твердо рассчитывать на мое мужское рукопожатие и уши покойного. А теперь позаботьтесь о лианах, агавах, араукариях и прочей петрушке, среди которой обитают на воле тигры и кролики.

Через день Бэллочка доставила на грузовике два щедро разросшихся фикуса и несколько горшочков кактусов.

В павильоне соорудили внушительных размеров клетку, вкопали фикусы и кактусы, расставили юпитеры и софиты. Для оператора Вали Полукамерова в клетке оборудовали отлично замаскированный дот, и Валя, вооруженный бесшумной кинокамерой, протиснулся в свое укрытие.

Сценарист Дм. Фарш и режиссер Мих. Еловый празднично суетились вокруг клетки.

— Ну же, ну же, чего мы ждем? — сладострастной скороговоркой нашептывал Дм. Фарш.

— Запускай! — взвизгнул Мих. Еловый и истерически рубанул ладонью воздух.

Первым в клетку вбежал вперевалочку Одуванчик. Двадцатипудовый полосатый кот обнюхал фикусы и попытался просунуть лапу в смотровую щель операторского дота. Затем в клетку запустили кролика.

— Мотор! — хором закричали Фарш и Еловый.

Тигр сгруппировался для прыжка и громово зарычал на режиссера и сценариста. Он не любил неврастеников.

— Ату его! Ату его! — сказал Еловый, подленько указывая пальчиком на кролика.

Тигр прыгнул на прутья клетки, отделявшие его от режиссера и сценариста. Прутья затряслись, как Фарш и Еловый. Очевидно, подстрекателей тигр тоже не любил.

После этого Одуванчик заинтересовался наконец кроликом.

Он подошел к грызуну и лизнул его в нос. Кролик недовольно фыркнул и ускакал под фикус. Одуванчик шумно вздохнул и улегся на пол.

— Кого они нам подсунули? — спросил Еловый Бэллочку.— Звоните немедленно в зоопарк. И спросите, как из этого ненормального сделать порядочного зверя.

Десять минут спустя Бэллочка докладывала:

— Они говорят, что Одуванчик с нежного возраста воспитывался на площадке молодняка и у него по отношению к другим животным выработались только игровые рефлексы, а не охотничьи. Но они говорят, что если тигра не кормить некоторое время, то охотничьи инстинкты вытеснят игровые и тогда он, может быть...

— На голодную диету стервеца! — приказал режиссер.

Прошло три дня, и люди в тусклых комбинезонах снова включили в павильоне ослепительные электросветила.

В клетку ввалился заметно отощавший Одуванчик. Его шатало, шерсть утратила благополучный лоск. Он напоминал небритого холостяка на пятый день запоя. Одуванчик скорбно взглянул на режиссера и сценариста, вздохнул и в изнеможении рухнул на бок.

— Передержали,—с досадой сказал Дм. Фарш.— Кажется, превратили вегетарианца в дистрофика.

— Ничего, ничего, злее будет,— шепотом утешил Еловый.— Давайте жертву.

В клетке появился кролик. Завидев тигра, он скакнул к нему и с жадностью принялся глодать тигриный хвост, словно это была просто очень длинная морковка. Одуванчик задней лапой отпихнул кролика, тот отлетел к фикусу и тут же принялся с аппетитом обгладывать кору.

— Что вы с ним сделали? — зашипел Мих. Еловый на Бэллочку.— Вы превратили кроткую тварь в осатанелого вампира. Как вам это удалось?

— Вы ведь сами велели, Михал Карлыч, посадить стервецов на голодную диету.

— Я сказал: стервеца-а-а,— затянул Еловый, словно сдавал экзамен на сирену воздушной тревоги.— Одного, а не стервецо-о-в!

Еловый обхватил голову руками и закачался, как дервиш на молитве.

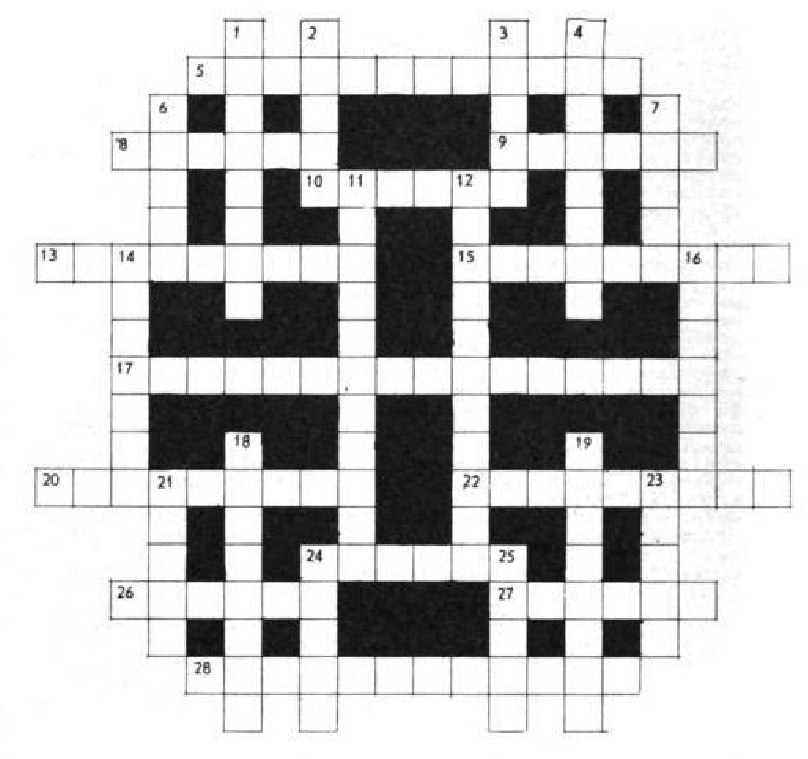
— М-да,— сказал Дм. Фарш,— меня предупреждали, что вы, Еловый, бездарь, но я не думал, что до такой степени...

Дм. Фарш не успел закончить тираду, как оказался зажатым между железной клеткой с одной стороны и грудной клеткой Елового — с другой. Перед собой Дм. Фарш видел огнедышащую физиономию рассвирепевшего режиссера. Изо рта Елового, как из реактивного сопла, неслась струя раскаленного воздуха, попахивающего водкой, жареным луком и никотином.

Но физиономия Елового показалась бы Фаршу ангельским ликом, если б в этот миг он мог видеть у себя за спиной морду Одуванчика. Одуванчик встал, бесшумно приблизился к стальным прутьям и, взревев, ударил когтистой лапой по спине сценариста. Дм. Фарш в обнимку с режиссером отлетел от клетки.

...А между тем фильм все-таки вышел на экраны. Оказывается, Валя Полукамеров не терял времени даром и снимал крупнячком, в цвете перекошенные от ярости физиономии Мих. Елового и Дм. Фарша.

Лента «Хищный инстинкт» получила первую премию на фестивале. Правда, по разделу комедийных, а не научно-популярных фильмов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Постановщик танцев. 8. Поэма В. Маяковского. 9. Наивысшее достижение. 10. Автор памятника П. И. Чайковскому в Москве. 13. Курорт в Ставропольском крае. 15. Рассказ А. П. Чехова. 17. Боевая машина. 20. Небольшая железнодорожная станция, полустанок. 22. Пьеса И. С. Тургенева. 24. Французский астроном, математик и физик. 26. Город в Великобритании. 27. Угол между направлением на север и заданным движением. 28. Наука о земной атмосфере.

По вертикали:

1. Порт в Японии. 2. Единица измерения электрического сопротивления. 3. Река в Московской области. 4. Созвездие северного полушария неба. 6. Автомобильная дорога. 7. Злак. 11. Всемирные студенческие игры. 12. Декоративное и лекарственное растение. 14. День недели. 16. Продукт перегонки нефти. 18. Кинорежиссер, народный артист СССР. 19. Металл. 21. Герой повести А. П. Гайдара. 23. Пенящиеся волны над отмелью, рифом. 24. Среднее учебное заведение в некоторых европейских странах. 25. Ловушка для птиц или зверей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

4. Казачок. 5. Калория. 8. Мойва. 10. Банан. 15. Тулома. 16. Ушаков. 17. Напильник. 18. «Гудок». 19. Парик. 20. Череповец. 22. Мулине. 23. «Аэлита». 24. «Варяг». 26. Рояль. 29. Воронеж. 30. Пифагор.

По вертикали:

1. Катаев. 2. Каноэ. 3. Розина. 6. Роман. 7. Машук. 9. Архипелаг. 10. Бульдозер. 11. Бузулук. 12. Моховик. 13. Рафаэль. 14. Монисто. 20. Чекан. 21. Цапля. 25. Япония. 27. Оберон. 28. Топаз.

На первой странице обложки: Студентка Казахского государственного университета Ирина Туркова (см. в номере репортаж «Поклонники семи муз»).

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Село Федоскино, Московская область.

Фото В. Филатова.

НОМЕР 6700043...

К. БАРЫКИН
Фото Д. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Ехать в Красногорск со своим фотоаппаратом — это, пожалуй, то же самое, что отправиться в Тулу со своим самоваром. Красногорский механический завод, светлыми своими цехами смотрящий в лес, выпускает многие десятки тысяч знаменитых «Зенитов», непривередливых «Зорких», а недавно приплюсовал к ним еще и «Горизонт» — оригинальную панорамную камеру. Каждый ее негатив почти 60 миллиметров в длину при стандартной 24-миллиметровой высоте — «Горизонт» есть горизонт.

Осваивается тут производство еще нескольких камер. Это совсем уж новинки. Даже по сравнению с только что спорхнувшими с конвейера «Зоркими-12». Именно спорхнувшими — так они миниатюрны, изящны; одна из первых наших полуформатных камер — совсем малютка. Не то что в кармане, в дамской сумочке не обременительна. Между прочим, это автомат — знай только нажимай спусковую кнопку.

Красногорский механический завод — крупнейший наш фотостроитель, фирма видная, уважаемая, авторитетная. И в Англии знают «Зениты», и ФРГ их покупает, даже Япония, знаменитая «Пентаксами», с уважением относится к нашим камерам, видя в них конкурента, который все более уверенно завоевывает мировой рынок...

Еще одна новинка — «Зенит-7». Он пока почти неизвестен ни фотолюбителям, ни профессионалам. Выпуск его только налаживается.

Неплохая камера. Но далеко не идеальная. Фотоаппарат позволяет вести съемку в самых различных условиях. Широкий набор скоростей. Но грубовато оформлена камера, есть, повторяю, и другие недостатки. Однако это устранимо. Главное — камера есть, она, как считают на заводе, может стать базовой моделью, на ее основе, в частности, разрабатывается «Зенит-Д».

Показывал нам «семерку» один из руководителей цеха, Василий Иванович Молодцов, опытный фотостроитель, отличный механик. Работает он на заводе давно, начинал тут сборщиком, ладил первые широкопленочные фотоаппараты, неуклюжие по нынешним временам.

Сейчас на предприятии выпускается одиннадцать моделей фотоаппаратов и еще четыре находятся в заделе, в разработке. Они уже сошли с чертежей конструкторов, они уже созданы в металле, но потребуется еще не один день, не один месяц, чтобы каждая из этих четырех камер стала на конвейер. Признаться, нас несколько удивила такая разноликость выпускаемой фотопродукции. Шутка ли, пятнадцать моделей! Не лучше ли будет, если красногорцы доведут до идеала те неплохие фотоаппараты среднего класса, что уже созданы и выпускаются? Тот же «Зенит-7», например. Или «Зенит-3». Мы не против разнообразия. Смущают только его масштабы.

Вот создали красногорцы, скажем, «Фотон» — камеру, позволяющую практически мгновенно получить готовую фотографию. Отлично! «Фотон» не только сменит неудачный «Момент» — он принципиально отличен от него, современнее и надежнее. Теперь дело за химиками: нужны специальные материалы...

От сборщиков — к испытателям. В особой камере каждый фотоаппарат заставляют работать при жутком морозе, потом «истязают» жарой. А затем устраивают такую встряску, что, кажется, он вот-вот рассыплется. Специальную установку для этого придумали — с амортизаторами, с сильным двигателем. И ходит ходуном коробка с фотоаппаратами, как при десятибалльном землетрясении. Попрыгала камера таким образом, изрядно потрясли ее — и снова в работу.

И уж совсем изнурительное испытание — в тоннельной «печи», начиненной яркими электролампами. Мощные потоки света заливают небольшую шахту, проникают в каждый ее уголок, высвечивают своим нещадно ярким светом все вокруг. А в центре, на прозрачном стекле, ничем не защищенные семнадцать проверяемых фотоаппаратов. В каждом из них кусочек чувствительной пленки. Потом ее проявят и узнают, нет ли где какой щелочки, какого зазора.

Как оскудел бы мир, не будь такого мощного средства познания, как фотография. Уже сейчас она помогает точнее диагностировать некоторые болезни, верно служит химии, астрономии, криминалистике, физике... Фотоаппарат позволяет сохранить то, что завтра станет историей. Фотоаппарат может выполнять даже социальные функции. Во всяком случае, он способен помочь в решении проблемы досуга, которая сейчас волнует многих.

...Медленно движется конвейер с новыми фотокамерами. Кто-то из наших спутников снял с этого конвейера «Зенит-7». Мы взглянули на порядковый номер: 6700043 — именно такое количество самых различных фотокамер уже выпустил завод. Вручив нам «новорожденного», товарищи предложили:

— Попробуйте пофотографировать. Согласны?

— Согласны...

Публикуемые на этих страницах снимки сделаны «Зенитом-7».

В объективе отражается конвейер сборочного цеха.

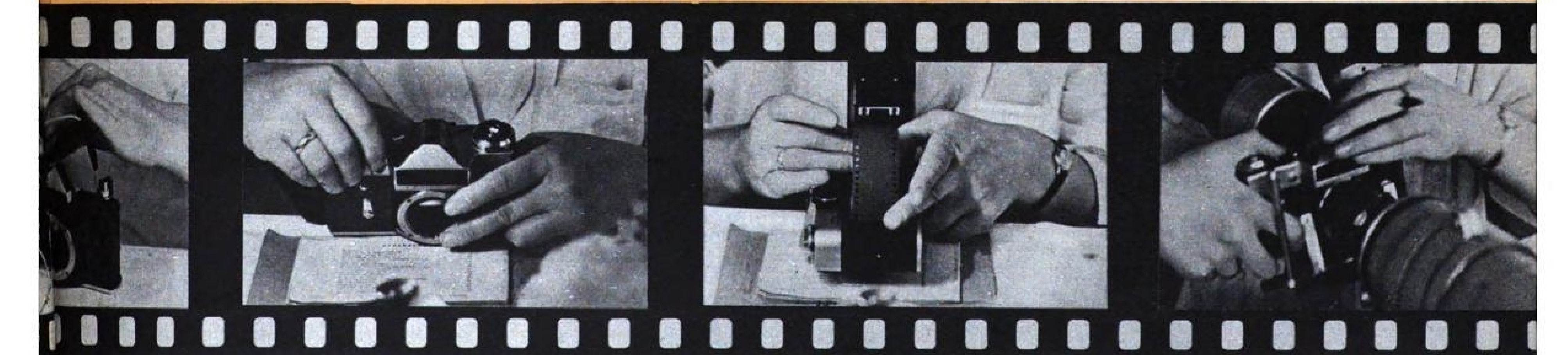
ФОТОАППАРАТ ЗА ФОТОАППАРАТОМ, ТЫСЯЧИ «ЗОРКИХ», «ЗЕНИТОВ», «ГОРИЗОНТОВ» ВЫХОДЯТ ИЗ ЦЕХОВ ЗАВОДА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

В такой вот тоннельной «печи» фотоаппараты испытываются на светонепроницаемость.

Волшебные руки сборщиц...

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00466. Сдано в набор 6/VIII-68 г. Подписано к печ. 22/VIII-68 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 050 000 экз. Изд. № 1420. Заказ № 2204.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663